ПИОНЕР 6

1984

МИР

Куда США Вашингтон, Белый дом Президенту Рейгану

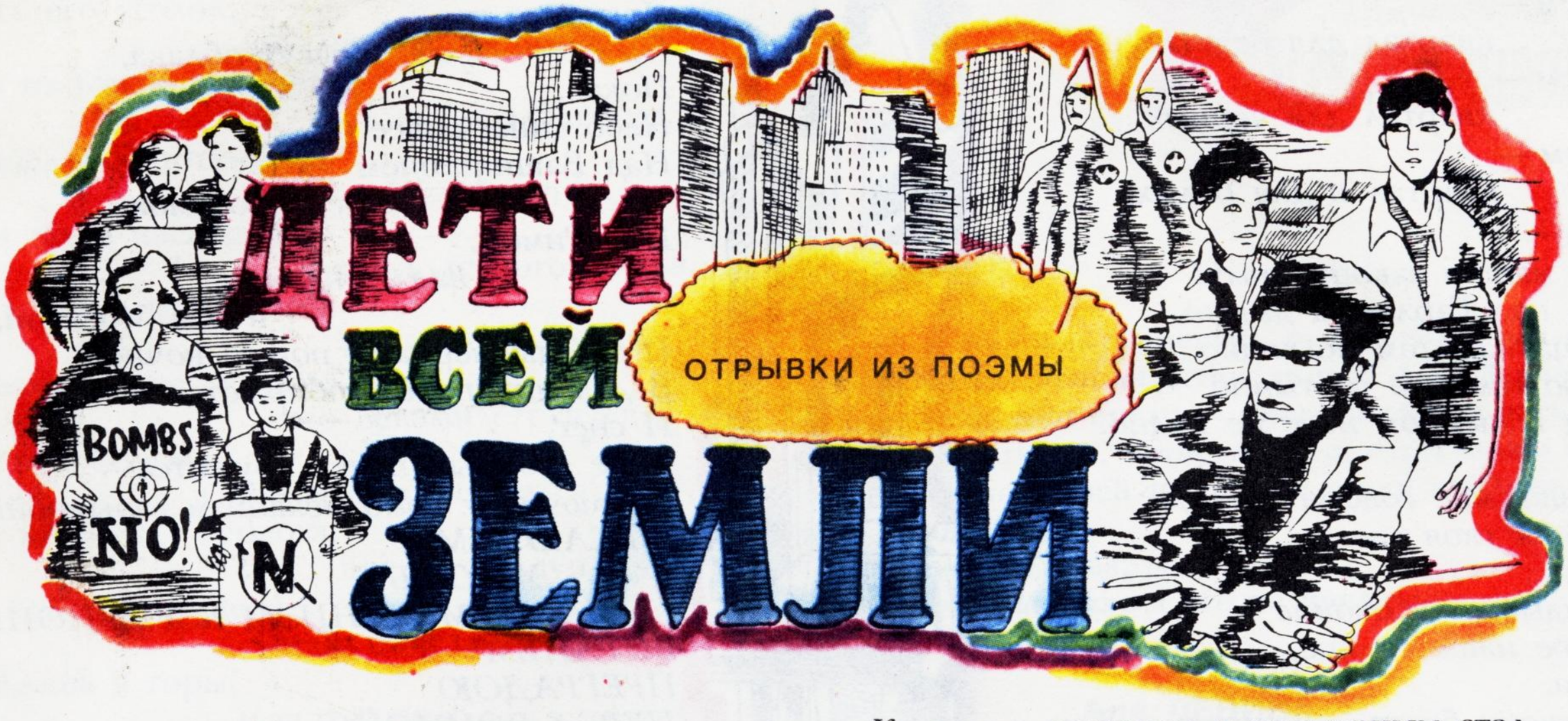
Индекс предприятия связи и адрес отправителя 626400 Тюменская обл. г.Сургут пос.Барсово, ул.Киевская,16

Индекс предприятия связи места назначения

Я хотел бы спросить у Вас, президент Рейган, неужели Вы хотите войны? Например я, Сергей Кровяков, не хочу войны. Я прошу Вас прекратить ядерную гонку, не хочу вооружения. Вы помните про взрыв в Нагасаки и в Хиросиме? Это был ужасный взрыв. После этого взрыва прошло 40 лет. И до сих пор гибнут люди или рождаются уродами. Я пишу об этом, чтобы Вы поняли, что если начнется ядерная война, то все люди погибнут, и не будет жизни на планете. Я не хочу войны. Мир! Мир и только Мир!

Сергей Кровяков

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана

В Америке
был я два года назад.
Раз как-то,
заметив шумливых ребят
В музее
У стенда со снимками «Шатла»,
Шагнул
И сказал им:
— Гуд монинг, ребята!
Хочу
Предложить вам вопросы анкеты.
Прочтите-ка
И напишите ответы!
«Нужны ли вам бомбы,
снаряды-ракеты?
Чем завершится нынешний век?
Каким быть должен человек?
Что думаете вы о взрослых?
Мечтаете ли вы о звездах?»

У десятилетней ТАРЦИНИ ДЖЕННИ
На все вопросы ответ-предложенье:
ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ!
СОЗЫВАЮ ВСЕМИРНОЕ СОВЕЩАНИЕ!
ДЕТЯМ — ВХОД ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ.
ВЗРОСЛЫЕ — В КАЧЕСТВЕ
НАБЛЮДАТЕЛЕЙ.
ПРОБЛЕМА
ВСЕОБЩЕГО РАЗОРУЖЕНИЯ
ТРЕБУЕТ
СКОРЕЙШЕГО РАЗРЕШЕНИЯ!

Фотокарточка девочки стала ответом.
АННА ГРИНВИЧ. 12 исполнилось летом.
У нас в квартире мигает свет...
И отключили давно отопление.
Отец листает обрывки газет,
Ищет заветное объявление.

Отец — безработный.
Взлохмачен и сед;
Он постарел в свои тридцать лет.
Каким-то понурым и пасмурным стал,
Он говорит, что от жизни устал.
А мама
давно не играет на скрипке.
У нее в глазах
Постоянный страх.
Неужели
Больше вовек улыбке
Не расцвести
На ее губах?..

ДОРИС ВЕБЕР. 13 лет.
В траурной рамке ее ответ:
Если так продолжаться будет,
То еще до скончания века
На земле,
представляете,
люди,
Не останется ЧЕЛОВЕКА!

Посвящается XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

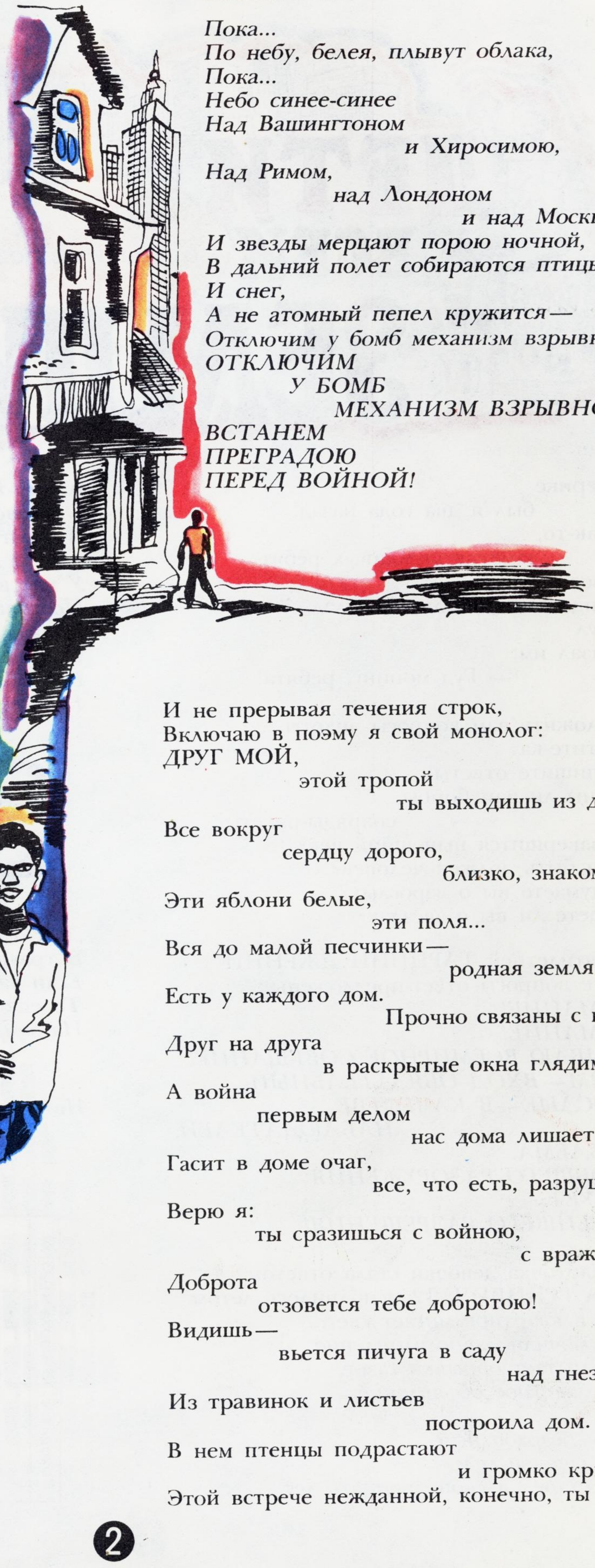
ИЮНЬ 6

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»

ЧАРЛИ СПЕНСЕР. 11 лет.
Он такой написал ответ:

Гарлем—
квартал для бедных.
Гарлем—
квартал для черных.
Гарлем—
квартал и для белых,
Гарью
машин закопченных!
Днем над Гарлемом дымно,
Солнца над ним не видно.
Ночью темно и пустынно,
Звезд в дымном небе не видно.

Бабушка мне говорит иногда:
«Черная твоя звезда,
Чарли...
Заглядывает в оконце
Черное наше солнце,
Чарли.
Два твоих брата—Джимми и Том
С горечью вдруг вспоминают о том:
Вычистил Джимми без счета сапог,
Солнце от сажи очистить не смог.
Том стекла окон скоблил допоздна,
В небе звезда осталась темна...
Черная твоя звезда, Чарли.
Ждет нас немало тревог и невзгод.
Солнце над Гарлемом сонно встает,
Черное наше солнце, Чарли».

Вот фломастером красным ответ.
ДЭВИД ФРЕЗЕР. 14 лет.

На исходе двадцатого века
Мне исполнится тридцать лет,
Значит,
Масса снарядов-ракет,
Ужас
Ядерного огня—
Это все
Для меня,
Для меня!!!
Мой ответ:
Нет!
НЕТ!
Мамы и папы,
Прошу вас,
проверьте—
Не бомба ли тикает в Президенте?!
Тик,
Тик,
Тик,
Тик...
До взрыва остался один только миг.
SOS!—
Замышляется злодейство.
SOS!—
Спасите наше детство!
SOS!

КАТРИН с ДЖЕЙН. По 12 лет.
Написали вместе ответ.

Пока...
По небу, белея, плывут облака,
Пока...
Небо синее-синее
Над Вашингтоном
и Хиросимою,
Над Римом,
над Лондоном
и над Москвой,
И звезды мерцают порою ночной,
В дальний полет собираются птицы,
И снег,
А не атомный пепел кружится—
Отключим у бомб механизм взрывной!
ОТКЛЮЧИМ
У БОМБ
МЕХАНИЗМ ВЗРЫВНОЙ!
ВСТАНЕМ
ПРЕГРАДОЮ
ПЕРЕД ВОЙНОЙ!

И не прерывая течения строк,
Включаю в поэму я свой монолог:
ДРУГ МОЙ,
этой тропой
ты выходишь из дома.
Все вокруг
сердцу дорого,
близко, знакомо!
Эти яблони белые,
эти поля...
Вся до малой песчинки—
родная земля!
Есть у каждого дом.
Прочно связаны с ним.
Друг на друга
в раскрытые окна глядим.
А война
первым делом
нас дома лишает.
Гасит в доме очаг,
все, что есть, разрушает.
Верю я:
ты сразишься с войною,
с враждою.
Доброта
отзовется тебе добротою!
Видишь—
вьется пичуга в саду
над гнездом,
Из травинок и листьев
построила дом.
В нем птенцы подрастают
и громко кричат.
Этой встрече нежданной, конечно, ты рад.

Приглядись,
как спешит паучок
вниз по ветке,—
Здесь его уголок,
мир его заповедный.
Дом из тоненьких нитей
в лучах заблестит...
И пчела-хлопотунья
в свой улей летит.
Этот холм насыпной—
часть лесного жилья.
Он совсем не простой.
Это—дом муравья.
И река—тоже дом,
что веками струится,
Чешуей сазана
в ней вода серебрится!
Вот медвежья берлога,
вот белки дупло—
Ты все это увидел,
тебе повезло!
Выйдешь в горы,
и встретится дом родника.
Здесь под небом одним
дом орла,
дом цветка!
А когда полетишь,
поднимаясь все выше,
Замелькают внизу
разноцветные крыши.
Поле, речка и лес
вдруг слились воедино,
Вот какая теперь
нам открылась картина!..
Мир зеленый и синий—
от края до края,
Дом единственный наш
вся планета родная!
Каждый—в доме своем.
Каждый—в доме одном.
Сохраним,
Сбережем
Этот солнечный дом!

Рисунки А. БОРИСОВА.

В № 5 журнала «Пионер» за прошлый год вы читали воспоминания журналистки Ады Левиной «Самое секретное оружие». Она приводила письма детей военных лет, которые были адресованы ей, девочке, печатавшей тогда свои стихи в «Пионерской правде».

Прошел год, и вдруг...

Впрочем, расскажем все по порядку.

Ада ЛЕВИНА

«У КАЖДОГО БЫЛА СВОЯ ВОЙНА...»

Однажды я получила объемистый конверт со штампом «Дальнее Константиново. Горьковская область, газета «Новая деревня». В конверте лежали вырезки из газеты «Новая деревня» и письмо журналистки Ирины Ямщиковой, из которого я узнала, что публикация воспоминаний в «Пионере» имела неожиданное продолжение.

Если вы читали № 5 за прошлый год, может быть, вы помните среди десятков писем других детей военных лет и коротенькое письмо Нюры Ляпиной из деревни Курилово Дальне-Константиновского района Горьковской области. Вот оно:

«12 марта 1944 года.

Мне 12 лет, я учусь в 4-й группе, учусь хорошо. Меня премировали, дали атласное платье и карандаш. Ада! Пришли песен каких-нибудь. Я тебе напишу в другой раз частушки и стихи».

После того, как письмо было напечатано в журнале, в село Курилово Нюре Ляпиной... хлынул поток писем от ребят со всего Союза.

Но этой девочке должно быть сейчас за пятьдесят—почему же ребята видят в ней свою сверстницу?

Потому что у вас, ребят, есть удивительное свойство—почувствовать себя сверстниками... да кого угодно: Спартака и Гарибальди, героев гражданской войны или партизан Отечественной... Вот именно эта драгоценная способность и позволила мальчикам и девочкам ощутить себя сверстниками

Нюры Ляпиной, не задумываясь о ее нынешнем возрасте.

Но давайте предоставим слово **Ирине ЯМЩИКОВОЙ.** Вот что она рассказывает об этой истории в своей статье.

Письма в прошлое

Ребята выполнили просьбу Нюры Ляпиной к Аде — «прислать песен каких-нибудь». Какие песни нужны были ей, девочке военной поры? О войне? Или детские песни, которые так редко тогда пели? Что ей было дороже всего в любимых песнях?

Ребята сегодняшнего поколения поняли ее правильно. И тогда, и сейчас дороже всего для нас мир и дружба.

Вот они, строки из песен и стихов — тебе, Нюра Ляпина, шлют сегодня те, кому сейчас двенадцать. «Дружат дети на планете, ты — со мной, и я — с тобой. Кружит наши песни ветер над планетой голубой. Замечательное слово знаем ты и я: Мир! Мир! Мир! И с надеждой вся планета произносит слово это...» — Галия Кашафутдинова, г. Чебоксары.

«Друг — это слово большое, друга найти нелегко. Друг — это значит второе надежное сердце твое» — Индира Шалабаева, ЧИАССР.

«И мы никогда не забудем с тобой, как наши ровесники приняли бой. Им было всего лишь двенадцать, но были они ленинградцы»,— Лена Оприщенко, Кустанайская область.

Наташа Якименко из Владимирской области рассказывает историю о дельфинчике, которого выбросила на берег штормовая волна. Кто должен спасти дельфинчика? Конечно же, человек. Самый сильный, самый добрый на свете!

И еще — ребята пишут о себе. «Учусь только на «4» и «5»,— Наташа Беляева, Белгородская область. «Я увлекаюсь спортом и музыкой. У нас в школе есть КИД «Дружба»,— Ира Лампартер, Павлодарская область. «Село наше очень большое. Здесь живут в братском содружестве более 30 национальностей. Летом все школьники помогают совхозу»,— Индира Шалабаева. «Мне 12 лет, учусь в 6-м классе. Может, где видела тебя? Сколько же тебе лет?» — Лена Оприщенко. А в одном конверте подарок — маленькая детская книжечка про Буратино.

И во всех письмах — «давай дружить, Нюра». Она бы, наверное, обязательно ответила ребятам, обязательно стала бы дружить с ними: сколько у наших детей добрых друзей среди взрослых. Но пока это невозможно.

Где теперь живет Нюра Ляпина — мы не знаем.

Переписку с теми ребятами, что прислали Нюре письма, решили вести пионеры из Дальне-Константиновской средней школы — члены поисковой группы следопытов районного Дома пионеров.

Им есть что рассказать ровесникам из других городов и сел.

И эта дружба детей разных городов, разных национальностей должна помочь ребятам стать настоящими патриотами, которые никогда не отдадут мир войне. У них, как правильно сказала Ада Левина в своей статье, есть самое могучее, самое секретное оружие — сила духа человека Советской страны, сила, которая победила в Великой Отечественной.

Песни о мире

Так кончаются размышления Ирины Ямщиковой.

Больше всего, пожалуй (это в разговор вступаю снова я — Ада Левина), тронуло меня и обрадовало, что дети послали девочке военных лет Нюре Ляпиной песни о мире. Я бы тоже сделала Нюре подарок — целый песенник, сборник песен о мире на языках многих народов. Этот песенник подарила мне летом 1982 года датская девочка Хелена-Герд Кристенсен, участница Марша Мира-82, который прошел по маршруту Стокгольм — Хельсинки — Ленинград — Калинин — Москва — Смоленск — Минск. Мне выпало счастье быть участницей этого Марша и пройти весь путь по нашей земле — от Ленинграда до Минска. 12-летняя Хелена была самой юной участницей Марша Мира. Она шла вместе со своей матерью, учительницей Анне-Лис Кристенсен.

Чтобы выступать за разоружение в странах, где правительства разрешают размещать американские ракеты, где демонстрации за разоружение разгоняет полиция, надо мужество и бесстрашие. Мне рассказала одна из участниц Марша — Эленборг Юхансен с Фарерских островов: она тоже брала своего сына в 1981 году в Марш Мира Стокгольм — Париж, чтобы он увидел, сколько людей выступают за мир и борются с атомной угрозой. Так вот, когда он вернулся к себе на остров и стал рассказывать в школе о Марше Мира, ему пригрозили исключением. «Школа не место для политики, а Марш Мира — это политика. Здесь только учатся, а не рассуждают». И рассказы о Марше Мира в школе пришлось прекратить. Тогда ребята стали ходить к Юхансенам домой, смотреть слайды, плакаты, слушать песни Марша.

Вот и моя маленькая знакомая Хелена не раз участвовала в ночных факельных шествиях сторонников мира в Копенгагене. И на всем протяжении Марша Мира-82 вела себя как борец. В предпоследний день участники Марша должны были идти в Хатынь — белорусскую деревню, где фашисты заживо сожгли женщин и детей и где сейчас мемориал памяти жертв фашизма. Но некоторые члены делегаций отказались участвовать в этом походе. В датской делегации было поименное голосование — идти или не идти? Хелена встала и сказала: «Пусть и мой голос учтут и посчитают — я голосую за то, чтобы идти в Хатынь!»

В день, когда должен был состояться марш в Хатынь, она не поехала с утра на встречу в молодежный центр «Юность». Хоть поехать туда ей очень хотелось. «Вдруг я устану,— объяснила Хелена,— и не смогу потом идти в Хатынь, и кто-то подумает, что я осталась по политическим мотивам...» Когда колонна Марша Мира-82 шла к Хатыни, в первых рядах, высоко неся самодельный флаг с вышитым голубем мира, шла Хелена. В ее косички были вплетены ленточки с именами людей из скандинавских стран, которые хотели принять участие в Марше, собрали деньги на Марш, но пойти не смогли. Звонкий голосок Хелены слышался всегда, какую бы из песен Марша ни запевали — на английском, финском, датском, русском. Выучила она и песню «Пусть всегда будет солнце». Хелена знала весь песенник наизусть. И когда мы прощались, мама и дочка подарили мне этот песенник...

Хотя подарки дарить не принято, если б я знала, как отправить бандероль в прошлое, я бы послала

Горе горькое навалилось со слезами и голодом. Матери надрывались в поле. И мы, дети, за ними.

этот песенник Мира девочке военных лет Нюре Ляпиной.

Но послушайте, что сообщает журналистка Ирина Ямщикова в своей второй статье.

Дети войны

На второй же день после выхода газеты в Курилове от дома к дому потянулись разговоры: кто же эта Нюра Ляпина? Почему у нас в селе никто не может вспомнить ее?

Вспомнила учительница-пенсионерка Нина Александровна Чалова. Учителя — люди, которым свойственна память особенная; они помнят всех своих учеников. Нюра в конце войны, как только освободили ее село под Липецком, вернулась домой. С тех пор никто не знает, где она и как сложилась ее дальнейшая судьба.

Почему сегодняшние школьники так заинтересовались Нюрой? Что особенного она сделала? Ответом на все эти вопросы станут короткие рассказы нескольких куриловских женщин — сверстниц Нюры Ляпиной.

НИНА ДМИТРИЕВНА ФЕДОТОВА: Нюра Ляпина в том письме, которое опубликовали в журнале «Пионер», писала, что ее премировали платьем. Я сейчас вспомнила, что премию дали в Новый год. Уж больно хорошо веселились, плясали эвакуированные на нашей елке. Была война. Было много горя, а дети есть дети. Та елка была последней нашей школьной елкой. И не забыть ее никогда.

До войны не бедно жили. А в войну поизносились, много одежонки на хлеб поменяли. И однажды не смогла я пойти в школу. Учительница спрашивает очень строго на следующий день. Я со слезами: платье стирали, нечего было надеть... И все же мы еще легче жили, чем те люди, которые приехали в наше село. Мы раньше и слова-то этого не слышали — «эвакуированные». И когда прошло по селу, что эвакуированных привезли, все ребятишки сбежались к заброшенному дому, где их должны были поселить. Бежали как на чудо какое смотреть. А это были обыкновенные люди. Только и тогда, детьми, могли мы понять: нет, не совсем обыкновенные, они видели войну, они видели бомбежки, они были очень печальны, неразговорчивы, особенно ленинградцы. Среди эвакуированных была и Нюра Ляпина. Помню, как приходили эвакуированные дети к моей тетке (она по соседству жила). Тетка вытащит из печки чугун с пареной свеклой и — угощать всех нас...

Пололи мы как-то просо. И вдруг — гул самолета. Сразу же узнали — фашист. Тогда мы по звуку научились узнавать их, так и говорили: «По-

немецки «пишет». Самолет пролетел очень низко, можно было разглядеть его, но мы прижались к земле, испугались. Фашист бросил листовки и улетел. Прочитали: какая жизнь хорошая в Германии, и она ожидает каждого, кто сдастся. Детьми мы были. А поняли, что это обман, знали, что Родину нельзя предать. За нее наши отцы погибали, ради нее мы в поле, а не за партами. Мы рвали те листовки и слышали голос учительницы: «Девочки, наша Родина победит. Вот увидите, обязательно победит...»

РАИСА ФЕДОРОВНА МАРКОВА: Как ждали писем с фронта и как плакали, когда вместо них получали «похоронки»! Валя Пигаева не успела написать отцу ни одного письма: погиб в первые дни войны. Нина Федотова писала на фронт: выработала 70 трудодней. А я однажды немножко положила в конверт табачку на цигарку...

Письма писали больше на газетах: бумаги не было. По вечерам ходили по домам, собирали сушеные картошку, лук, морковь. Укладывали в посылки и отправляли на фронт.

ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА ПИГАЕВА: Самым вкусным лакомством был тогда для нас хороший ломоть хлеба — без лебеды или тертой картошки да кусочек сушеной свеклы к чаю...

Победа вошла в наш дом с горем. Люди радовались, и я прибежала домой, прыгаю, смеюсь: «Мама, война кончилась!» А мама как заплачет: «Не веселись, дочка, в наш дом никто не вернется...»

Война началась, нам одиннадцать было, закончилась — пошел шестнадцатый год. Куда уж учиться? Да еще — послевоенный голод. Опять — в колхоз. Так вот и не вернулись в школу.

ЛИЯ СЕРГЕЕВНА ТОЛКАЧЕВА: Есть у моей подруги фотография. Сколько лет хранится! Мы там маленькие. Сфотографировались всем классом в 1942 году весной, а летом пошли работать в колхоз. Нам бы — в пятый класс осенью. А война-то затянулась. Стали «похоронки» приходить. Горе горькое навалилось со слезами и голодом. Матери надрывались в поле. И мы за ними. Утром разбудят чуть свет, полусонную в лапотки обувают. До работы — еще в лес по дрова. А потом жать. Сноп возьмешь, а он больше тебя. Гонишься за взрослыми, намахаешься за день — рук не поднять.

Мальчишки наши пахали. Плуг-то еле удержива-

В первых рядах колонны Марша Мира шла Хелена Кристенсен.

ют. А как уставали! Помню, одного мальчишку отец приносил домой «на горшках» — наработается так, что и до дому нет сил дойти. Поспим немного перед вечером, а ночью — на гумно или солому скирдовать. Это только и делали ночью, чтобы днем побольше сжать.

Так вот и работали, так вот и не пришлось больше учиться. А школу мы любили. Я первой ученицей считалась, мечтала после школы в институт поступить, агрономом стать. Нина Федотова любила решать задачи. Может, математиком бы стала. Валя Пигаева хорошо стихи читала... Нина Федотова однажды прочитала «Как закалялась сталь» и пересказала нам всю книгу по памяти. Запомнилась эта книга на всю жизнь, а читать в детстве было некогда.

Как вспоминаю детство, перед глазами все в слезах лицо матери, плач по всему селу — с войны вернулся первый солдат. Тяжело опирается на костыли. Один-единственный сапог — большой, запыленный. А второго не было. Не сразу поняла, что не на что его надеть... Это был мой отец...

«Где твое место, товарищ?»

Как точно сказал поэт: «У каждого была своя война, свой шаг вперед, свои участки боя...» Эти слова относятся и к тем, кто в войну был ребенком.

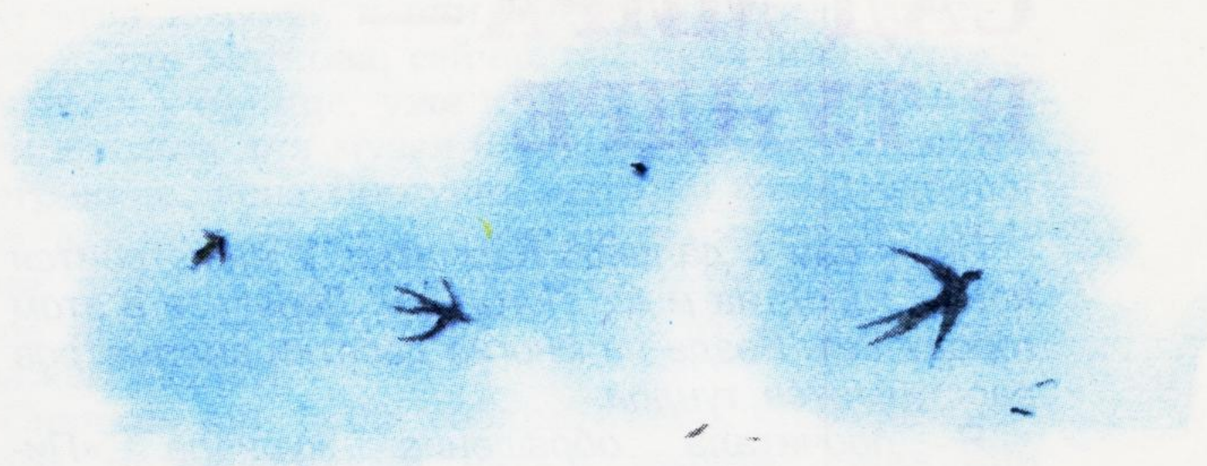
У каждого была своя война... У сыновей полков, юнг, бойцов партизанских отрядов — своя. У тех, кто вставал к станку, подставив под ноги чурбак,— своя. У тех, кто просто был в эвакуации, учился в нетопленой школе,— своя...

Нюра Ляпина, на чье письмо из прошлого откликнулись современные мальчики и девочки, была из эвакуированных, или из «экуирных», так произносили это непривычное, не встречавшееся прежде, в мирной жизни, слово в далеком Кирове. В городе, куда волна эвакуации забросила в 11 лет и меня.

Вещей у нас с мамой было совсем немного — два рюкзака со всем, во что можно укутаться (морозы в тот год в Предуралье были под пятьдесят) и... голубой патефон. Перед войной его подарили отцу на работе вместе с набором пластинок. И это была самая ценная вещь в нашем доме.

Когда собирались в эвакуацию, тетя посоветовала маме: «Возьми патефон! Будет крайний случай, поменяешь на продукты. А может, и сохранишь — дочка растет, девочка...» Жили мы в эвакуации и голодно, и холодно, но мама, видимо, считала, что «крайний» случай еще не наступил. И хотя на рынке за такой патефон давали два мешка картошки — великое богатство по тому времени,— наш патефон пока был при нас.

Мама с утра до вечера пропадала на работе, а мы, ребятишки, «экуирные» и «вяцкие» (Киров раньше назывался Вяткой), вернувшись из школы, стояли в очереди за хлебом, готовили на завтра полено... В школу пускали только с поленом, иначе топить было нечем. Полено приходилось зарабатывать у хозяйки: пилить и колоть ей дрова. Потом набивались к нам в угол, водружали патефон на койку, и по очереди, осторожно, чтобы не перекрутить пружину, заводили его ручкой. Ставили пластинки. Пластинок было штук пять или семь. Я помню их очень хорошо: «Лейся, песня, на просторе, не

грусти, не плачь, жена, штурмовать далеко море посылает нас страна», «Уезжают девушки на Дальний Восток», «Саша, ты помнишь наши встречи», два-три танца. И особая, которую ставили всегда самой последней. Эта пластинка была выпущена как раз перед войной. На ней — песни немецкого певца-антифашиста Эрнста Буша — «Песня болотных солдат» и «Песня единого фронта».

Навсегда у меня перед глазами картина: далекий заснеженный городок, разгороженная занавесками комната, где живут сразу несколько семей «экуирных». Полутьма — за окном уже смеркалось, но свет еще не дали на станции. Суровая зима сорок первого — сорок второго года. В репродукторе только что умолк голос Левитана, читавшего сводку Совинформбюро о боях под Москвой. И вот в тишине, после долгого шипения тупой иголки, чуть надтреснутый, решительный голос Буша: «Друм линкс! Цвай! Драй! Во дайн плац, геноссе ист?» Буш поет по-немецки. Но я знаю, что значат эти слова по-русски. Мне переводил отец, когда мы слушали пластинку в первый раз. И я перевожу ребятам: «Где твое место, товарищ? Ты войдешь в наш единый рабочий фронт, потому что рабочий ты сам...»

Разумеется, одиннадцатилетняя эвакуированная девочка, я ничего не знала о судьбе Эрнста Буша. Не знала, что он заключен в концлагерь, что весной 45-го его освободят советские солдаты. Он запоет для них «Песню единого фронта», и тогда в этом узнике-скелете они признают певца-интернационалиста, которого одному из них довелось слышать в Москве... Все это не дано было разглядеть из снегов зимы сорок первого года мне, четверокласснице.

Потом, когда через два долгих года войны в ответ на мои стихи, опубликованные в «Пионерской правде», среди сотен других писем пришло письмо от куриловской девочки Нюры Ляпиной с просьбой «пришли песен», мне так хотелось послать ей песню Буша, но как? Пластинка-то была одна, да и был ли в Курилове патефон?..

Мы свой патефон сберегли: то ли мама считала, что все еще не наступил «крайний» случай, то ли подарок отца был ей дороже всего. До сих пор хранится он в доме, и ни магнитофон, ни радиола не могут зачеркнуть, заменить его. Старенькую, стертую временем пластинку Буша мы иногда ставили именно на патефон... «Друм линкс! Друм линкс! Цвай, драй! Где твое место, товарищ?»

Эта песня принадлежит не только военному времени или довоенному, когда была написана. Она из тех песен, что на все времена, потому что это вечный вопрос: «Где твое место, товарищ?»

Хорошо, когда человек уже в 12 лет точно знает, где его место в дни войны и в дни мира.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

САД МИРА — В ТУНДРЕ

Пишу вам с далекой Камчатки. У нас строится новый город на мысе Погодном. Деревьев в этом городе нет. Везде на многие десятки километров расстилается тундра.

Я прочитала обращение журнала «Пионер» — сажать Сад Мира — на сборе отряда. Ребята меня поддержали, и мы весной решили высадить в городе деревья, которые привезем с верховьев речки, что протекает недалеко от нашего поселка.

У меня на войне был ранен дед. В 1943 году он вернулся домой. Моя мама рассказала мне, что за праздник был день его возвращения. Они пили чай! Но без сахара. Ели хлеб! Но испеченный вперемешку с травами... Я родилась в 1971 году, но знаю, что война — это страшная беда, горе, смерть.

Президент Рейган не понимает слова «смерть». Он думает, что, погубив планету, он останется властелином мира. Нет, нет и нет!

Я сама буду осыпать свою планету цветами. Я не хочу, чтобы на прекрасный луг упала атомная бомба и после осталась земля, выжженная на многие метры. Земля, вырастившая людей.

На протяжении своего письма я несколько раз написала слово «война». Я не хочу, чтобы это слово знал мой младший брат. Я не хочу, чтобы вместо музыки звучали взрывы, и открыто говорю: «Миру мир! Нет атомной бомбе! Пусть растет Сад Мира!».

Оля ГНЕЗДИЛОВА, 7-й класс, школа № 3, п. Усть-Камчатск, Камчатская область.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК ТЕЛЕГРАФ

Я хочу, чтобы каждый снаряд, каждая пуля обернулись деревом.

Наташа БОЖЕНКО, 13 лет, г. Темиртау, Карагандинская область.

В наше село после Великой Отечественной войны не вернулось 424 человека. Они отдали свои жизни за наше счастье.

Штаб «Тимуровец», с. Мизоново, Тюменская область.

Я не знаю, совершили ли мои деды подвиги, но они погибли в Великой Отечественной войне. Оба. Поэтому я не могу остаться в стороне от ребят, сажающих Сад Мира.

Надя КРАСНОПЁРОВА, п. Шихостанка, Удмуртская АССР.

М. МАТВЕЕВА

НЕСТИ РАДОСТЬ ЛЮДЯМ

Пример бескорыстия

В Моршанске, в краеведческом музее, экскурсовод спешила от витрины к витрине, стараясь рассказать как можно больше об истории Тамбовского края. Упомянула разгром антоновского мятежа, имя Гайдара. И вдруг один мальчик сказал: «Вы ошибаетесь, это было не так...»

Двенадцать лет назад шестиклассники тамбовской школы № 8 приехали посмотреть город Моршанск и село Сосновку — места, где в 1921 году воевал их любимый писатель.

В начале учебного года они сами предложили классному руководителю Бетти Львовне Ворониной: давайте узнаем все о Гайдаре. Пошли в библиотеку, взяли книги этого писателя и все, что было написано о нем.

Читали книги вслух, на классных часах, потом поняли, что ждать следующего классного часа всю неделю нет сил, и оставались после уроков каждый день.

Теперь они знали биографию писателя так хорошо, что решились тактично поправить экскурсовода: Гайдар поехал сдавать экзамены в академию не сразу после разгрома банд Антонова. Вслед за Тамбовщиной у него было назначение в Башкирию, потом борьба с бандами Соловьева в Хакасии.

После поездки в Моршанск родилась у ребят идея: создать в школе свой музей Гайдара. Изучить до мелочей жизнь любимого писателя, чтобы лучше понять его книги, мысли, взгляды на мир.

Часто у музейных работников очень сильно развито чувство первенства, гордости за обладание реликвией. Они патриоты своих музеев. И это, в общем, хорошо. Но иногда чувство первенства мешает им делиться даже копиями находок: очень уж хочется каждому музею быть уникальным, единственным.

С гайдаровскими музеями дело обстоит не так. Бескорыстное отношение Аркадия Петровича к жизни передается тем людям, кто любит его книги, кому интересны его мысли. Создатели музеев Гайдара, дети ли, взрослые, не знают чувства жадности и зависти к своим коллегам. Все гайдаровские музеи охотно делятся копиями документов, адресами, советами. И люди, когда-то знавшие Гайдара, взрослые, занятые люди откликаются на просьбы ребят, откладывают в сторону свои дела и отвечают на их письма, вопросы... Тамбовские ребята это на себе испытали.

Руководитель московского школьного музея Н. Л. Лебединская дала им адрес Василия Николаевича Донникова, который работал когда-то с Гайдаром в одной газете на Урале. Донников, человек старый и больной, наговорил свои воспоминания на магнитофонную пленку. Он рассказал, какой Гайдар был веселый человек, как много работал, какие песни любил... Потом ребята узнали, что Василий Николаевич умер через несколько дней после того, как была сделана эта запись. Пленку им прислала его вдова.

Друг детства Гайдара — Адольф Моисеевич Гольдин — переснял для них в архивах военные приказы, где стояла подпись А. Голикова.

Через газету «Сельская жизнь» об их попытке создать музей узнал писатель Борис Иванович Осыков и тоже прислал письмо.

Так день за днем, шаг за шагом собирался материал. То, что ребята изучили все документы, связанные с Гайдаром, в тамбовском архиве и тащили в музей книги, газеты, журналы, буклеты, где упоминалось имя писателя,— и так понятно, про это, я думаю, рассказывать не надо.

Им все помогали. Но и они, когда журнал «Пионер» попросил тимуровцев страны собрать для тындинской только что открывшейся школы библиотечку книг Гайдара, они — еще молодой, небогатый музей — отправили на БАМ семь бандеролей.

А можно, мы сами?

Когда им школа выделила комнату для музея, Бетти Львовна решила посоветоваться, как ее оформить, со своим бывшим учеником Алексеем Слетковым. Тот привел с завода специалиста по оформлению, сделал вместе с ним эскизы. Ребята посмотрели на эти изящные проекты и взмолились: а можно, мы сами?

Мальчики после уроков пилили планки, девочки их шкурили. Сами рейки прибивали, сами придумали, как спрятать батареи, чтоб было красиво и рационально, как развесить стенды...

У Володи Гульева — отец столяр. Володя попросил отца помочь, и они вместе навесили дверь в музее. Эля Мягкова, сейчас она окончила художественное училище, уже и тогда хорошо рисовала. Эля сделала для музея большой портрет Аркадия Петровича. Гена Шикунов неплохо фотографировал. Его обязанностью было переснимать фотографии, документы... У каждого в отряде появилось свое поручение, каждый знал, что он для музея должен сделать.

Сначала они были собирателями, коллекционерами, потребителями новых знаний. Пока они работали только на себя: умнели, накапливали, устраивались... Так, наверное, бывает с любым коллективом — музеем, театральным кружком, отрядом юнкоров или юных моряков... Сначала все силы идут на то, чтобы коллектив сложился, сдружился, выработал свои законы...

Но вот музей в 8-й тамбовской школе вырос; и пришло ему время открыться для людей. Теперь свои знания, взгляды, чувства ребята должны были передать окружающим.

В их музей вся школа ходит за книгами Гайдара. Библиотечка хранится не под стеклом и доступна любому.

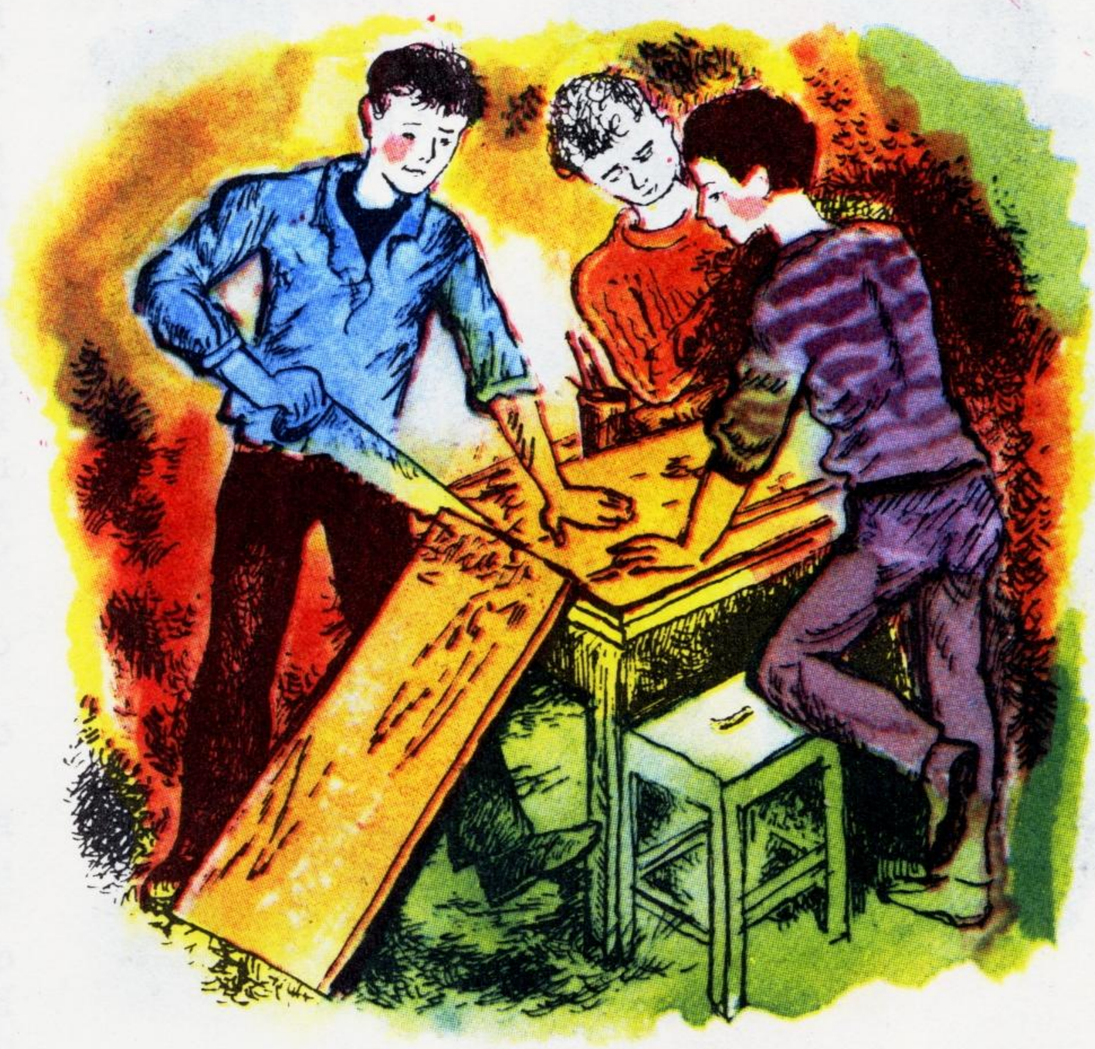
Они рассказывают о писателе ребятам из других школ, учителям, вожатым, студентам, армейским политработникам — всем, кто приезжает к ним из области или из других городов.

Школьный музей Гайдара обратился в облисполком и в общество охраны памятников, чтобы в Моршанске, на здании бывшего штаба 58-го полка, которым в 1921 году командовал А. Голиков (Гайдар), была установлена мемориальная доска. И в 1974 году такую доску установили.

И еще ребята поняли: они не могут только читать книги Гайдара и изучать его жизнь. Даже рассказывать всем, какой замечательный был человек Гайдар,— и этого мало. Надо продолжать то дело, которое Гайдар ребятам подсказал.

Спешите делать добро

Писателю приятно, когда читатели хотят как можно больше узнать о нем самом, о его мыслях, потому что любят его книги, дорожат его мнением.

И Гайдару было бы, наверное, приятно, если б он узнал, как много ребят в нашей стране интересуются его творчеством, его жизнью. Но если бы ребята не вычитали в его книгах главного: что Гайдар призывал помогать старым и малым, тем, кому трудно, защищать слабых от злых или глупых людей; если б они стали только литературоведами-гайдаровцами, но не стали тимуровцами, наверное, Гайдар бы очень огорчился.

Неплохо мечтать о том, что когда-нибудь, когда вырастешь, ты совершишь подвиг или сделаешь великое доброе дело для всех людей... Неплохо так мечтать. Но хорошо бы и сейчас уже делать хоть маленькие добрые дела, помогать людям, которые живут рядом с тобой, с которыми жизнь тебя сталкивает каждый день.

Когда тамбовские ребята пришли к этой мысли, они постарались увидеть, кому из соседей нужна их помощь.

Они ходили к этим людям, покупали для них лекарства и чистили от снега дорожки, носили тяжелые сумки с овощами, за чаем рассказывали о своем музее... Не сразу учителя и родители заметили, как их ребята повзрослели. Сострадание, чуткость их сделали взрослыми, заставили думать, как, чем они могут помочь.

Оля Жилова из 8-го класса ходила к одной старой женщине. Однажды пришла — дверь закрыта, на стук никто не отзывается. Оля удивилась: вроде хозяйка не могла никуда уйти. Спросила соседей, те ответили, что старушку не видели со вчерашнего вечера. Оля позвонила в милицию и настояла, чтобы взломали дверь. Пока милиционеры осматривали женщину, которая в обмороке лежала на полу, Оля побежала к телефону и вызвала «Скорую помощь». Человека спасли.

Паша Желтков и Коля Филатов из 7-го класса «Б» помогают ветерану войны А. А. Кудрявцеву. Как-то Паша пришел к Бетти Львовне и спросил: скоро мы будем праздновать 40-летие Победы, а человек, который воевал, живет в таком плохом доме. Как ему можно помочь? Учительница посоветовала написать письмо в облисполком. Паша сел и тут же написал. Теперь ждет ответа.

У самой Бетти Львовны тяжело болела и умирала мать. Тут уж не до ребят. Проводила уроки и

бежала домой. Несколько месяцев класс был предоставлен сам себе.

Ребята решили: учимся и работаем так, чтобы не было никаких замечаний. Сами, без напоминаний, проводили сборы, дежурили по школе, ходили к подшефным, занимались музеем... И каждый день вечером кто-нибудь прибегал к Бетти Львовне домой, чтобы вымыть полы, сходить в магазин, выполнить любое поручение.

Чаще всего в эти дни видела Бетти Львовна Витю Гуреева. Трудный был мальчик, ожесточившийся, одинокий, не согретый в семье. Только в музее он был другой: мягче, добрее. Наверное, видел, что нужен ребятам, что ценят в музее его идеи, умелые руки, готовность помочь. Но было это давно. Сейчас Витя — сам отец. У него сын Тимур и дочь Женя.

Вопросы к вам, тимуровцы

Как не похож коллектив, объединившийся вокруг школьного музея Гайдара, на команду Тимура Гараева из повести. В работе реальных тимуровцев меньше игры, озорства, экспромта; все продумано и спланировано. Хорошо это или нет?

Сорок с лишним лет назад Гайдар написал повесть «Тимур и его команда» — книгу о том, что делать детям, когда отцы уйдут на фронт.

Но отцы-то сейчас не на фронте, все взрослые — дома.

И жизнь по сравнению с сороковыми годами очень изменилась. Все больше людей живет теперь в городах, все меньше остается в деревне. Многим пожилым и старым людям уже не надо колоть дрова и носить воду: есть водопровод, газ, центральное отопление.

Так какой же должна быть тимуровская команда сегодня и как она будет работать?

Боюсь, что одна я на эти вопросы ответить не смогу. Но поискать ответы вместе с вами можно.

Итак, вопрос первый. Отцы не на фронте, все взрослые — дома. Какую же работу должны взять на себя дети?

Гайдар предложил ребятам создавать тимуровские команды в очень трудное для страны время. Но это не значит, что в другие, мирные, годы помощь детей не нужна. Чтобы ребятам было

веселее делать добрые дела, Гайдар предложил им игру. Но законы этой игры созданы не им. Они складывались веками, стараниями лучших людей человечества: надо быть честным, спешить на помощь тому, кто в беде, бороться с любой несправедливостью во имя добра.

А разве в мирные годы не по тем же законам надо жить? Поэтому, хоть отцы сейчас и не на фронте, тимуровские команды не отменяются. Дети тоже могут творить добро и бороться с несправедливостями.

Вопрос второй: как работать тимуровской команде в городе?

В городе трудно помогать людям тайно. Если вы думаете, что все-таки это можно делать, расскажите, как. Нам очень важно ваше мнение.

В городе нужна помощь мальчиков. Часто в тимуровских командах — почти одни девочки. Наверное, потому что девочки от природы более милосердны, чутки. Но именно помощь мальчиков нужна пожилым людям. Пол-то они и сами протрут, раз в доме есть вода. А вот кто им забьет гвоздь в бетонную стену, когда сначала дрелью или шлямбуром надо поработать? Кто им починит утюг или радиорепродуктор? Кто сменит перегоревшие пробки? То есть сделает такую работу, которая под силу тринадцатилетнему мальчишке, но затруднительна для человека старого и больного?

В городе не устроить сарай со штурвалом, не наладить самодельную телефонную связь. И все же, чтоб работа шла веселее, можно придумать игру, сделать ее таинственной. Пока тимуровские команды с нами таким опытом не делились. Но вдруг у кого-нибудь есть идеи?

Когда говорят о тимуровской работе, обычно имеют в виду помощь старым и малым, милосердие. А о другой стороне деятельности команды Гараева — об отпоре несправедливости, о борьбе за добро — часто забывают.

Но и сегодня еще существует несправедливость. Кто-то отнимает у малышей мелочь на пороге кинотеатров, а в школе — деньги на завтрак, красивые авторучки или игрушки... Кто-то ломает во дворе деревья, крушит качели и песочницы, построенные самими ребятами. Кто-то заставляет малышей расчищать от снега каток, а потом, когда приходит время игры, прогоняет этих малышей со льда. Да что там, вы, дети, знаете жизнь двора гораздо лучше, чем взрослые.

Вот вам и третий вопрос: как тимуровцам бороться с квакинцами?

Однажды в музее Гайдара тамбовской школы № 8 вели такой разговор. О том, что сила не дает права обижать слабого, что те, кто оскорбляет девочек словами или кулаками,— самые настоящие квакинцы. Потом тот день все вспоминали, как день великих драк. После уроков за школой тимуровцы лупили квакинцев.

Так как же, должны тимуровцы драться или нет?

Наверное, когда человек поставлен в такие условия, что защитить добро от зла он может только кулаками, драться надо. Но также надо, если это возможно, драки избежать.

Вы помните, какое наказание изобрел Тимур Гараев для Мишки Квакина и его дружков?

Он наказал их позором. Запер в будку сапожника и на дверь повесил плакат, что здесь сидят люди, которые трусливо по ночам обирают сады мирных жителей.

Вот и вы, борясь с несправедливостью, не пускайте сразу в ход кулаки. Попробуйте воевать иронией, смехом, неожиданной выдумкой: квакинцы — это не отпетые негодяи, это мальчишки, которых «занесло». Их тоже, наверное, обидели жестокостью или равнодушием, и теперь они обороняются от всего мира злостью. Помогите им подобреть.

Мы ждем ваших писем, тимуровцы, ваших мнений. Ваш опыт, ваши идеи помогут другим тимуровским командам сделать больше добрых дел.

Музей — твоя поддержка

Я начала этот рассказ со школьного музея Гайдара. Но разве для того, чтобы стать тимуровцем, надо обязательно создать музей?

Нет, создать команду можно, лишь прочитав книгу Гайдара или даже узнав о такой игре от друзей. Как, впрочем, бороться со злом и творить добро можно не только в тимуровской команде.

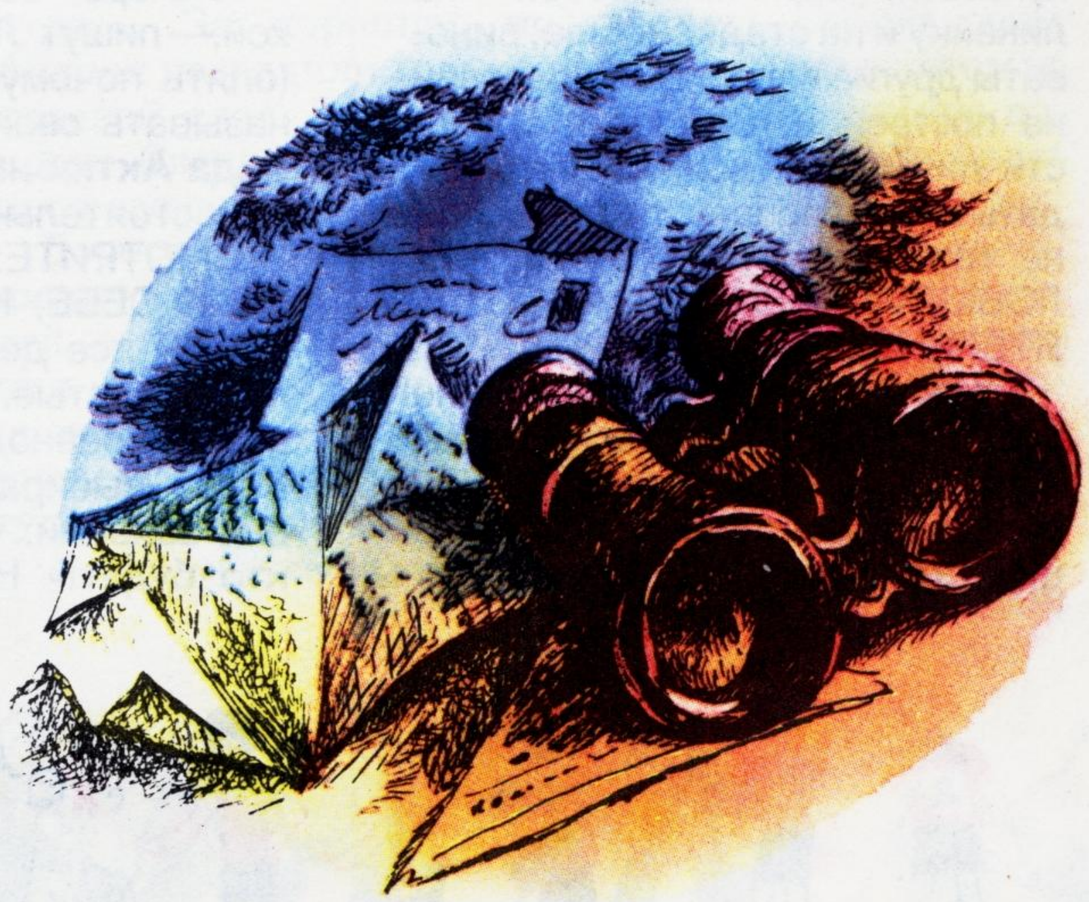
Но помогать людям не в одиночку, а вместе с друзьями — целой командой — легче. Это, наверное, всем понятно. А когда ты не только тимуровец, но и создатель музея Гайдара — тебе легче вдвойне. Сейчас объясню, почему.

Музей — твоя поддержка, даже твоя совесть. Ты можешь устать, почувствовать, что не успеваешь: надо и уроки делать, и в кружки ходить, и маме помогать... Ты можешь залениться и дать себе поблажку на день, на два: бездельничать весь вечер, смотреть подряд все программы по телевизору или топтаться с соседскими ребятами в подъезде... Ты можешь пару дней в тимуровскую команду не приходить. Но если у тебя есть музей, если ты знаком с жизнью Гайдара, с людьми, что его окружали, с теми, кто любит его книги — твой музей заставит тебя встряхнуться. Тебе станет стыдно за два бесцельно прожитых дня, и больше ты так жить не сможешь. Музей не даст тебе к команде охладеть, не даст тебе лениться, устать делать добро.

И еще — музей объединяет тимуровские команды разных поколений. В тамбовской школе № 8 уже третье поколение ребят занимается гайдаровским поиском и тимуровской работой. Вырастают ученики, десятиклассники уходят из школы, и вместе с музеем оставляют следующему поколению, четвероклассникам, свой опыт, свои заветы. И не приходится новому поколению тимуровцев повторять ошибки старших, придумывать уже открытое, топтаться на месте.

Имея за спиной музей — легче быть тимуровцем, легче вырасти хорошим человеком.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

КТО В ЛАГЕРЕ ХОЗЯИН?

Жизнь в лагере? Ситуация

Те, кто не первый год читает наш журнал, помнят, что и прошлым летом мы вместе искали ответ на этот вопрос. Так хочется, чтобы лето, которое мы ждем, прошло интересно, с пользой и весело. КАК? КАК СОЗДАТЬ РАДОСТНУЮ ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ?

Давайте хоть однажды потрудимся разобраться в своих впечатлениях. Вот письмо от **Лены РЕШЕТКИНОЙ из города Кривой Рог:**

«Этим летом (теперь значит уже прошлым летом — разговор начат, как вы знаете, в прошлом году) я была в пионерском лагере «Дельфин». В сущности, этот лагерь неплохой, но там скучно».

«НО ТАМ СКУЧНО...» Стоп! Остановимся: подумаем, почему скучно? Внимательно читаем письмо дальше: «Всегда ходим за вожатыми то на линейку, то на ужин, то на стадион. А на пляже всего несколько раз были. Хотя бы построили бассейн. (Запомним эту фразу!) Днем в корпус не пускают, на карусели без вожатого нельзя. Никакой самостоятельности не было в «Дельфине». Так кто же в лагере хозяин?»

Лена хитрый человек. Задает вопрос, а ответ на него, ПО ЕЕ РАЗУМЕНИЮ, уже готов: вожатые виноваты. Не пускают детей купаться. Водят их за собой — на линейку и на стадион. Еще: виноваты другие взрослые — бассейн не построили. Самостоятельности лишили. А можно, Лена, задать и тебе вопрос, прежде чем на твой ответить? МОЖНО ЧЕЛОВЕКА ЛИШИТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ?

Как создать

Если в лагерь приехали не избалованные дети, а пионеры, члены массовой коммунистической самодеятельной организации, то, наверное, они умеют добиться уважения к себе. Умеют делом доказать свою самостоятельность. Умеют ПРЕДЛАГАТЬ и ОРГАНИЗОВАТЬ то, что предложили.

Ну, бассейн самим, конечно, трудно построить. Да и ни к чему, раз река рядом. А спортивный праздник на реке ПРИДУМАТЬ и ПРОВЕСТИ можно. И на стадионе, который есть, УСТРОИТЬ спортивные состязания под силу САМИМ. И ДОКАЗАТЬ, что не обязательно ходить парами за вожатыми, тоже не составляет большого труда, если в школьной пионерской дружине проходили смотры строя и песни. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ в любой обстановке ведут себя самостоятельно. Самостоятельно думают, действуют, организуют СЕБЯ и ДРУГИХ. А вот тот как раз, кто только говорит о самостоятельности, ПРЕТЕНДУЕТ на самостоятельность, но НЕ УМЕЕТ быть самостоятельным, ИЩЕТ ВИНОВАТЫХ.

Ты, Лена Решеткина из Кривого Рога, на нас не обижайся. Не думай: что это они так на меня ополчились?! Мы не на тебя. На твой, надеемся, временно неверный взгляд на ситуацию в лагере. Не только ты одна так рассуждаешь. Честно сказать, и другие ребята, случается, так думают.

«Лагерь был у нас неплохой,— пишут **Люда К.** и **Таня В.** (опять почему-то трусят ребята называть свои фамилии) из **города Актюбинска,**— но не было самостоятельности».

СМОТРИТЕ: опять претензии НЕ К СЕБЕ, К КОМУ-ТО!

«Мы все делали, что предложат вожатые. Мальчишки были совсем равнодушные ко всему. Когда выбирали председателя, они заявили: «А нам все равно, кто будет!» Неужели все дела должны волновать только вожатых? Тогда кто же хозяин в лагере?»

К кому обращают девочки из Актюбинска свой вопрос? Он ведь прежде всего К НИМ САМИМ. Они должны на него ответить.

А вот и ответ — он в письме **Марины ЗОЛОТУХИНОЙ из города Новосибирска.**

«Я отдыхала в лагере «Зеленая республика». Вожатые проводили разные беседы, но нам они не нравились. Мы жаловались, что скучно. Но жаловались-то мы на свою НЕОРГАНИЗОВАННОСТЬ. «Скажите,— говорили вожатые,— в какие игры хотите играть, какие конкурсы проводить, кому помогать хотите?» Мы всем отрядом подумали и сказали: «Хотим пойти встречать рассвет». Появилось желание — появилось и разрешение. Как было прекрасно. И хорошо всем вместе. Потом нам захотелось еще что-то сделать вместе. И мы стали готовить инсценировку «Красной шапочки». Предложили другим отрядам соревноваться: у кого получится лучше? Было ВЕСЕЛО, и мы заняли первое место. И почувствовали себя САМОСТОЯТЕЛЬНЫМИ и стали больше себя уважать».

Очень интересно и правильно рассуждает обо всем этом в письме **Ирина КРАСИКОВА из города Волгограда:**

«Девочки пишут, что в лагере скучно. Конечно. Жить на всем «готовом» скучно. НАДО ПРИДУМЫВАТЬ. Можно объявить конкурс на лучшую поделку. Вызвать другой отряд на соревнование. Устроить викторину. Например, на тему «Любите братьев своих меньших», чтобы каждый рассказал о любимых животных или как охраняет природу. А еще лучше придумать, как

Все должны организовать сами.

самим помогать охранять природу. САМИМ БЕЗ ПОМОЩИ придумать и организовать дело, игру, соревнование. И призы в награду победителям сделать самим. САМИМ — это такая радость!»

САМИМ — это такая РАДОСТЬ! Запомним этот совет! И прочтем еще одно письмо от **Алены ЖЕРДЕВОЙ из Ставрополя.**

«Я просто не представляю интересной жизни в лагере БЕЗ САМОУПРАВЛЕНИЯ. И зависит все ТОЛЬКО от пионеров, живущих в лагере. Я была в пионерском лагере «Горное эхо» в Кисловодске. С первых минут мы поняли, что развлекать нас никто не будет. И если мы хотим интересно жить, то все должны ОРГАНИЗОВАТЬ САМИ. Некоторые ребята путают значение слов «САМОУПРАВЛЕНИЕ» и «САМОУПРАВСТВО». Самоуправства в лагере быть не должно. Мы должны уважать взрослых, советоваться с ними, прислушиваться к их мнению. НО ДЕЛАТЬ ВСЕ САМИ. Мы не должны САМОВОЛЬНИЧАТЬ, в этом и будет проявляться наша самостоятельность, наше уважение к себе».

ЧТО Ж, С ЭТИМ НАДО СОГЛАСИТЬСЯ. И добавить, что человек учится жить, трудиться, думать, организовывать себя и других, строить свои отношения с людьми и делать многое другое ВСЯКИЙ ДЕНЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ. И на отдыхе тоже. Пустого времени не бывает. Бывают пустые люди, пустое времяпрепровождение.

ИЮНЬ — первый месяц летних каникул. В июне — первая лагерная смена. Какой она будет? Каким окажется это ЛЕТО? ЗАВИСИТ ОТ НАС!

ЖЕЛАЕМ ВАМ РАДОСТИ И ХОРОШЕГО, УМНОГО ОТДЫХА.

ЖДЕМ ПИСЕМ!

Какими окажется это лето? Зависит от нас!

ПОСТУПОК

Слонялись мы с девочками по двору и не знали, чем заняться. Я подумала: посадим во дворе березку. Малюсенькая она. А трава вокруг разрослась большая! Стала я траву вокруг березки выдирать. Смотрю, и девочки ко мне подошли, помогать принялись. С охотой. Без дела скучно. А хорошему делу помощники всегда находятся. Вынесла я из дому воды, полили мы березку. Заодно и цветы. Прибежали к нам малыши. И они захотели нам помогать. Взрослые идут, нас хвалят. Нам приятно. И всем хорошо. Двор свой мы привели в порядок.

Таня И.,
г. Куровское, Московская обл.

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

Наш городской штаб Тимура провел поиск «ПИОНЕРСКАЯ СУДЬБА МОЕЙ СЕМЬИ». Советы дружин принесли в штаб более трехсот лучших рассказов. И мы узнали столько интересного.

У пионера 4 «А» класса школы № 3 Лени Апалькова мама в свои школьные годы была организатором художественной самодеятельности. Ей приходилось помогать воспитывать семерых братьев и сестер, а училась она отлично. Была награждена путевкой в город Ленина. Во время блокады мама Лени, уже комсомолка, вместе с другими подростками расчищала снег на ледовой трассе Ладожского озера — «Дороге жизни». Во время налета она была контужена. Подлечившись, ушла на фронт. Снова была контужена, ранена. Она награждена многими медалями, орденом Красной Звезды.

Лена Пашкова из 4 «Б» той же школы рассказала, что ее дядя Толя проявил бойцовский характер еще в пионерские годы. Однажды в пионерском лагере все собрались на линейку, а сильный ветер замотал флаг вокруг мачты. И все стояли в нерешительности, не зная, как поступить. А дядя Толя, переборов страх, влез на мачту и расправил флаг. И он снова гордо реял над лагерем. И дяде Толе вынесли благодарность. Теперь он работает на заводе «Оргтехника» в городе Лермонтове. Он отличный рабочий и рационализатор.

Мама Андрея Дорогойченко из средней школы № 2 в пионерские годы больше всего любила работать вожатой октябрят. Она водила с ними хороводы, читала им книги, а потом превратила октябрятский класс в «Страну чудес». Там ставили и показывали спектакли. «Золушку» и другие. И все приходили в гости к октябрятам в «Страну чудес». За хорошую пионерскую работу маму Андрея наградили грамотой и избрали делегатом на краевой слет. Любимое пионерское поручение помогло Светлане Андреевне Дорогойченко выбрать профессию — она теперь заведует детским садом.

Дорогой «Пионер»! Мы решили написать рукописную книгу о пионерской судьбе наших родителей, о том, чему научила их пионерская организация. Мы хотим помочь созданию пионерской летописи. Мы уже написали в те места, где провели свои пионерские годы наши родители, чтобы отправить туда собранные нами материалы.

По поручению штаба Тимура города Кисловодска
Ростислав СЕРАФИМОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Лидия ОБУХОВА

В полдневь

Повесть о Лермонтове

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Начало

Ранним утром он нетерпеливо откидывал занавеску, распахивал окно, чтобы в сонную комнатку хлынул майский холод черемухи, блеск еще не греющего солнца, звук далекого кукования. Шумел ветер по вершинам дерев тарханского парка. Утро было независимо и тем прекрасно. Ничья воля над ним не властвовала: оно существовало вне человека.

Впечатление от мерцающей реки или от ореховой ветки, насквозь просвеченной солнцем, сродни откровению. Мише необходимо выразить это вслух; он изнемогает от немоты... И, как за спасение, ухватывается за чьи-то строчки, твердит их, окружая простенький куплет радужной оболочкой. Произнесенное вслух слово еще не полностью воплощено. Он смутно понимает это и спешит в мезонинчик, отмахивается от вопросов няни Христины Осиповны, раскрывает тетрадь, чтобы записать стихи, которые так кстати вспомнились, пришли ему на выручку. Пишет, пишет, не замечая, что уже вырывается из чужого текста, переиначивает его по-своему. Он сочиняет, почти не ведая того.

Христина Осиповна, не зная, как отнестись к внезапному прилежанию питомца, то и дело заглядывает через порог, шумно вздыхает, вполголоса бормочет по-немецки: прилежание украшает доброго мальчика.

По лестнице поднимается бабушка. Она несколько часов не видела внука. Слава богу, вот он, за столиком. Круглая темноволосая голова со светлой прядкой.

— Мишенька...

— Бабушка! Послушайте, что я написал.

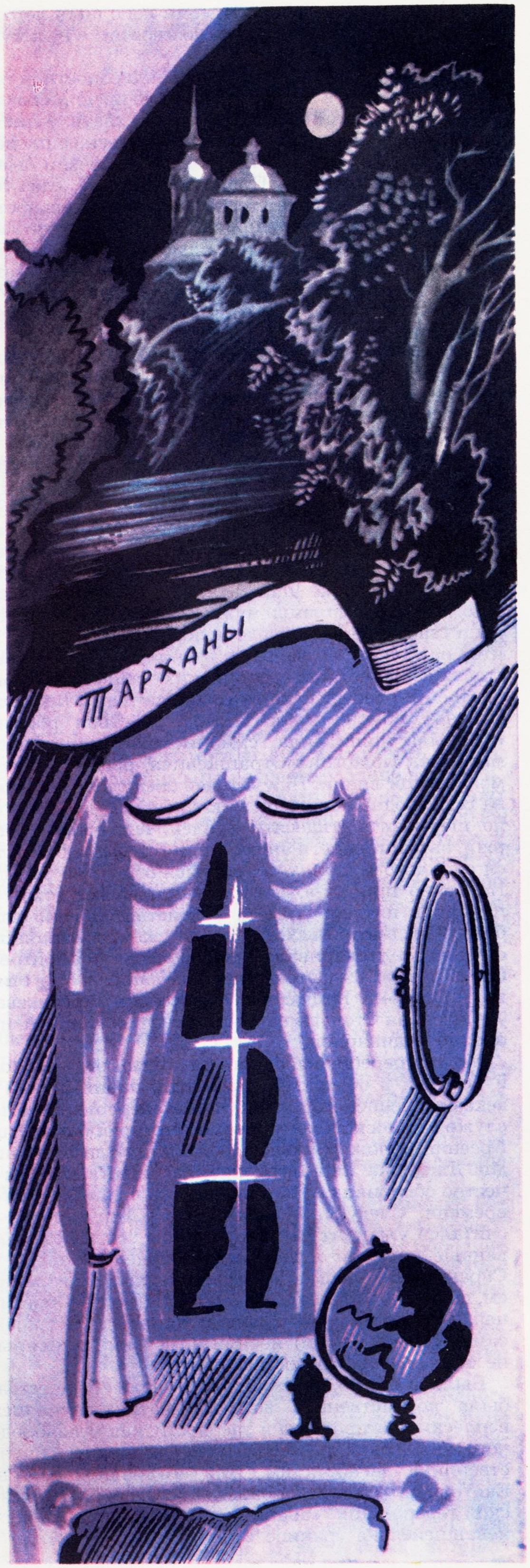
Он читает вслух, торопясь, захлебываясь и уже хмурясь: только что эти рифмы звучали в нем, как целый оркестр, а сейчас сникают и гаснут. На глазах у него слезы, лицо обиженное и несчастное.

— Ах, да что же ты, голубчик мой? Право, переписано красиво, ровно... О чем ты?

А мальчик плачет все горше, не умея ничего объяснить. Про себя он думает в ожесточении, что никогда больше не станет читать и списывать этих гадких стихов. Он полон к ним вражды, недоверия. Но проходит минута, другая... утешенный ложкой варенья он ласкается к бабушке и просит привезти

Печатается с сокращениями.

ный жар..."

ему новые книги, в смутной надежде отыскать в них то, чего недоставало в прежних.

— Будь по-твоему, дружок,— соглашается бабушка.— На будущей неделе пошлю Абрамку Соколова в Москву для хозяйственных надобностей. Пусть сходит на Поварскую к братцу Дмитрию Алексеевичу. Дам письмо. Ужо отыщут тебе на Кузнецком мосту лучшие стихи с картинками!

На следующий день Миша опять сидит над раскрытой тетрадкой. Как все дети, он не может жить ожиданием, ему нужно дело, которое приносит немедленные плоды. Переписывая чужие стихи, он переиначивает их все чаще и смелее, стремится найти такую рифмованную строку, которая одним глотком утолит в нем бессознательную жажду.

Это и произошло однажды. Строка из Бестужева-Марлинского вонзилась внезапно, едва наткнулся на нее взгляд. Канула в него, как камень в колодец. Без плеска. Иногда казалось, что она все еще летит, не достигая дна. Да и есть ли дно у души?..

...Белеет парус одинокий...

Он помнит, как захватило дыхание. Испытал нечто похожее на удар по сердцу. На пророческую весть издалека.

Белеет парус одинокий...

Бедняга Марлинский! Лермонтов читал его поэму, как слепой:

...То видим, то опять смываем,
Ловец плывет на челноке.
Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло,
И грустен путник ясноокий;
У ног колчан, в руке весло...

Водил глазами, но не ощущал строк. А они толкались, громоздились, и давно бы уже задавили собою ту единственную строку, если бы Лермонтов не держал ее на ладонях, у губ...

Белеет парус одинокий!

Но все это случилось гораздо позднее, когда его детские и отроческие годы уже миновали.

Впрочем, лермонтовский возраст — явление совершенно особое, поразительное и не совпадающее ни с чем.

Гигантский метроном словно отсчитывал над ним дни, часы и минуты во все убыстряющемся темпе.

С шестнадцати до двадцати семи неполных лет он прожил колоссальную по возможностям и великую по свершениям жизнь.

Бесполезно искать истоки грандиозности духа поэта в характере желчного, но мало предприимчивого отца. Энергии Юрия Петровича хватило лишь на выгодную женитьбу. Воспользоваться ее плодами он уже не умел. Мать прошла по жизни сына бледным пятнышком. Проживи она еще, едва ли запомнилось большее: тоскливая медлительность движений, покорное увядание души. И Марья Михайловна исчерпала жизненные силы в одном-единственном поступке: желании отдать себя отставному офицеру из тульского захолустья, которой делил кров с целым выводком сестер-бесприданниц.

Бабка Елизавета Алексеевна, которой ко дню рождения внука стукнуло не более сорока лет (это она потом намеренно прибавляла себе годы, чтобы в борьбе с зятем выставлять напоказ мнимую дряхлость), была тяжела на руку, прижимиста и ограниченна. Ни в чем не переступала обычаев клана Столыпиных, дворян-предпринимателей, разбогатевших на винокурении. Бабка вела хозяйство жестко и старомодно: за любую малость драла крепостных. Но могла, не дрогнув, заложить имение, чтобы дать взаймы крупную сумму любимой племяннице Марье Шан-Гирей. Была хлебосольна, в доме постоянно жили чужие: всевозможные вдовы и старые девицы вроде поповен Макарьевых. А чтоб не скучал Мишенька в учении, собрала целый пансион окрестных дворянских сынков. Кроме братьев Юрьевых и княжат Максютовых (их село Нижнее Ломово стало местом действия романа «Вадим»), пригласила, смирив нрав, прилежного мальчика Пожогина-Отрашкевича, родню по лермонтовской линии. На учителей средств не жалела: на Благородный пансион выкладывала, не моргнув, по шестисот пятидесяти рублей, вырученных на ржи, овсе и горохе, а англичанин Виндсон обходился ей и того больше — в три тысячи рублей за год. Но вечно прибеднялась: объявила казне доход с имения в пятьсот рублей, а действительный был более двадцати тысяч! И она же со странной алчностью уговаривала впоследствии Лермонтова брать деньги из «Отечественных записок» за стихи... Словом, Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, была фигурой сильной, но вполне ординарной.

Можно перебирать одного за другим его предков и родичей в обозримом прошлом, начиная с XIV века от ордынского мурзы Ослана, перешедшего на службу к московскому князю (его крещеный сын Арсений положил начало фамилии). Или шотландца Джорджа Лермонта, наемная шпага которого честно обороняла Арбатские ворота в дни Смутного времени. Следующий Лермонтов, Петр Юрьевич, считался уже русским дворянином, имел пожалованные пустоши и деревеньки, сидел воеводой в Саранске. Все Лермонтовы, поколение за поколением, целый ряд Юриев Петровичей и Петров Юрьевичей (родовому имени изменили лишь под давлением самовластной бабки) носили армейские мундиры, не запятнав их трусостью.

Были в его родне странности, были чудачества, была хозяйственная жадная хватка, случались всплески благородства и твердости, как у двоюродного деда Аркадия Алексеевича Столыпина, сочувственника декабристам. Или его родной сестры Екатерины Александровны Хастатовой, кавказской генеральши, «авангардной помещицы», обосновавшейся на границе с немирными аулами.

Приходится утвердиться в мысли, что гениальный дар Лермонтова — и не только писательский, а вся его колоссальная фигура — созидался духовными усилиями целого народа. Минуя родичей, как и другие его великие современники — Пушкин, Гоголь, Глинка,— он был Сыном России. То, что солнечный блеск Пушкина не затмил Лермонтова, что он, почти юноша, был назван единодушно его наследником, говорит само за себя. (Даже царь нехотя, сквозь зубы принудил себя после первого, искренно вырвавшегося восклицания «Собаке — собачья смерть!», поправиться с постной миной: «Господа, тот, кто должен был заменить Пушкина, погиб».)

Но Лермонтов не только наследовал: он начинал. От него, как от валдайского водораздела, возникали многошумные реки разных направлений русской литературы. Достаточно припомнить досадливо-восхищенные слова Льва Толстого: «Если бы этот мальчик прожил подольше, ни мне, ни Чехову нечего было бы делать в русской литературе».

Непревзойденный стилист Бунин, замыкая круг литературных и жизненных прозрений, за два дня до смерти сделал удивительное признание: «Я всегда думал, что наш величайший поэт был Пушкин. Нет, это Лермонтов. Просто представить себе нельзя, до какой высоты этот человек поднялся бы, если бы не погиб двадцати семи лет...»

Этот мальчик... Этот великий поэт... Создатель противоречивого героя времени... «Демон самолюбия, а не страдания» — по ревнивому мнению Гоголя.

Глубокий и могучий дух, русский поэт с Ивана Великого,— как понял его Белинский.

Кто же он? Изгой общества, гордо отстранившийся от всех, если довериться сбивчивым воспоминаниям современников? Или, напротив, средоточие грозового облака своей эпохи, сгусток ее мыслей и энергии?..

Елизавета Алексеевна призвала Христину Осиповну и, едва завидя ее в дверях, начала срывающимся голосом:

— Ты, матушка, кундштюки свои оставь! У тебя на руках русский барин из рода Столыпиных, а не немецкий голодранец, которому нужда расшаркиваться перед каждым. Моему внуку, окромя государя, кланяться никому невмочно.

— Я не понималь...— пробормотала немка, покрываясь красными пятнами.

— Распрекрасно все понимаешь, мать моя! Мишенька всему имению хозяин, хоть и мал еще. Пнул, накричал — его воля. А ты вон что удумала: барину перед дворовым человеком извиняться! Проценье просят только в светлое воскресенье, да и то с разбором.

— Жестокосердие не есть хороший воспитание для кинд.— Как всегда при волнении Христина Осиповна сбивалась в русском произношении.— Если кинд не может чувствовать, он не есть благородный... Я перед богом за него отвечаю...— Слезы брызнули из серых добрых глаз.

Бабушка несколько секунд озадаченно смотрела на нее.

— Сгоню я тебя со двора, мать моя. Дождешься.

Христина Осиповна побагровела и затрясла щеками:

— Сам ушель... Корочку хлеба, вода глоток, но душа не есть виновата перед мой любимый малшик Михель...

— Полно, полно,— примирительно сказала хозяйка, прикинув в уме, что прогнать няньку не

штука, а вот где взять другую, чтобы честна была на руку? — Ступай, с богом, а слова мои помни. Ты не будешь бить, тебя побьют. Не нами свет устроен.

Она протянула руку, и Христина Осиповна приложилась к ней, будто клюнула, замочив остатками слез.

«Глупая да верная,— подумала Елизавета Алексеевна со вздохом.— Мал еще Мишенька. Войдет в разум, сам переменится. Он стольпинский, арсеньевский... От капитанишки одна фамилия. Тьфу, каинова печать!»

Даже мимолетная мысль о зяте вызвала в ней желчь. Руки задрожали, заколотилось от ненависти сердце. Хорошо, что у крыльца в тот миг зазвенели бубенцы, и из сеней уже бежали с докладом:

— Братец пожаловали! Господин Стольпин.

Маленький Лермонтов кинулся в историю, как в увлекательный роман: он то лепил героев древности из цветного воска, то сочинял им пышные речи на домашнем театре, перекладывал каждую знаменитую личность на себя, с легкостью жил в разных эпохах.

Вечерний рассказ заночевавшего в Тарханах Афанасия Алексеевича Столыпина о Бородинском сражении, коего тот был свидетель и участник, перевернул Мишино сознание. Значит, геройское время не вовсе миновало?! Вот сидит перед ним в гостиной, у жарко натопленной печи дед Афанасий, покуривает, небрежно крестит зевающий рот, собираясь на боковую,— а между тем именно он дышал пороховым дымом славной битвы!

— Что тебе рассказать, братец ты мой? — гудел тот, поглядывая на ровное теплое пламя свечей, словно оно-то и помогало ему воскресить прошлое.— Дело началось на рассвете. Солнце вставало, но еще не поднялось. Наш батарейный командир как приметил движение кирасир, так и взял на передки, выехал рысью. Ожидали неприятеля в полном спокойствии. Мои орудия были заряжены картечью. Я подпустил французов поближе: приказ был расстроить их ряды, чтоб споспешествовать в атаке кирасирам. Ну, скомандовал первый выстрел, затем другой, третий...

— Дядя, миленький!.. Вы победили?!

— Маневр удался. Но то было лишь начало! Баталия длилась до темноты. Лошадь подо мною убило. Жаль конька. Прыткий был, киргизских кровей...

— Да полно, Мишенька,— сказала наконец бабка.— Тебе спать пора. И Фонюшка завтра чуть свет к себе уедет.

— Как уедет? — дрожащим от слез голосом вскричал мальчик.— А кто мне расскажет дальше про Бородино?

— Да кто хочешь,— добродушно отозвалась бабушка.— Пол-России там воевало. Хоть постоялец у Лушки Шубениной, Митрий... Он тоже на Бородине был. Велю его тебе завтра кликнуть. А сейчас Христос с тобою, ступай. Отведи его, Христина Осиповна.

Миша ушел, глубоко потрясенный новым открытием: история приютилась в избушке Шубениных.

Миша обошел всех тарханских служивых одного за другим. И Егора Леонтьева, которого забрили на государеву службу еще за десять лет до Отечественной войны; и дворового Петрушку Иванова; и молодцеватых братанов Усковых — один служил эскадронным писарем, другой конником; пехотинцев Васильева с Андреевым; пензенских ополченцев Никиту Шошина и Иуду Ижова, которых

бабушка снаряжала за собственный счет, дав им, как положено, на дорогу по две нижние рубахи, да порты из синего холста без карманов, домотканые суконные штаны, шапку, льняные портянки с онучами, в придачу к сапогам с полушубком...

Миша Лермонтов выискивал крохи истории в песнях про удалого волжского атамана Разина, с замиранием сердца узнавал от дворовых, что пугачевцы побывали и в их Тарханах. Тем же летом на Кавказе, в Горячеводске, в доме на склоне Машука, где засыпали под перекличку казачьих пикетов, заслушивался рассказами про штурм Очакова хозяина дома генерала Акима Хастатова, мужа бабушкиной сестры Екатерины и воспоминаниями своего двоюродного деда Александра Алексеевича Столыпина, адъютанта Суворова... А в это самое время История вживе надвинулась на Россию. Конец 1825 года, потрясая основы империи, грянул восстанием декабристов!

До Пензы доползли тревожные слухи, по усадьбам начались поспешные аресты, с амвона тарханской церкви поп призывал перехватывать подметные письма об отмене крепостного права и выдавать властям смутьянов... А в Москве, в одночасье, с промежутком в несколько месяцев, скончались два бабушкиных брата: Аркадий Алексеевич и Дмитрий Алексеевич. Те Столыпины, которых заговорщики прочили в правительство.

Умолчания и недоговорки родных толкали мальчика к размышлению.

«Союз спасения» и «Союз благоденствия» образовались, когда Лермонтову не исполнилось и двух лет,— в феврале 1816 года. Тогда же вышла и «История Государства Российского» Карамзина. Весь шум, восторг, пыл упреков, мечты о разумном будущем шли где-то вдали от ребенка, неведомо для него. До тарханской глуши не долетало никаких отголосков: быт оставался улежавшимся. Бабка круто вела хозяйство: женила и разлучала дворовых по своему усмотрению, взыскивала неусыпно; по наветам наушницы Дарьюшки могла ни за что ни про что «отпендрячить по бокам».

В проекте конституции Никита Муравьев, глава Северного общества, писал, что «власть самодержавия равно гибельна и для правителей и для общества... Нельзя допустить основанием правительства — произвол одного человека...»

Этих слов Лермонтов не услышит и через двадцать лет. Новое поколение начинало свой путь не с пригорка, а опять от низины — собственными ногами, своим разумением.

Благородный пансион

Уютный московский особняк на Молчановке уже давно напоминал грозовую тучу. Она неотступно нависала еще с той поры, когда Елизавета Алексеевна написала свое жестокое завещание, грозя отнять наследство, если внук не станет жить при ней постоянно.

Призрак обиженного зятя витал над всполошенной бабкой днем и ночью! В Тарханах всякий звук дорожного колокольчика повергал ее в ужас: дворовые по очереди сторожили на дереве, высматривая, чья коляска? Маленького Мишу спешно укутывали и, на всякий случай, увозили из усадьбы. Каково же ей было вытерпеть три недели, когда она сама привезла и оставила его летом 1827 года в

имении отца в Кропотове? Жертвы этои было не миновать: для определения внука в Московский благородный пансион нужны были бумаги с подтверждением дворянства.

...Пока Юрий Петрович рылся в старых документах, его сын рассматривал в полутемной гостиной, где окна заплело хмелем и разросшимся вьюном, фамильные портреты. У прадеда красовался на парадном кафтане нагрудный знак депутата комиссии по составлению нового Уложения при Екатерине II. Дед Петр Юрьевич был в седых буклях завитого парика. Солнечное пятнышко на светлой стороне стены — портрет матери, списанный с тарханского.

Набродившись по земляничным берегам Любашевки, по обширному фруктовому саду, Мишель возвращался и с прилежностью принимался писать акварелью папенькин портрет, которого недоставало в ряду. Отец позировал терпеливо.

— Ты одарен способностями, мой сын, не любишь безделья, это меня утешает. Помни, что за талант ты дашь отчет богу. Не употребляй его на бесполезное.

Юрий Петрович давно уже не выглядел петербургским франтом. Его подтачивали болезнь и меланхолия. Иногда целый день ходил небрит, в старом, вытершемся по швам халате. Сыновнее сердце сжималось от участливой нежности. Он ценил, что отец говорит с ним, как со взрослым.

— Беспокойство мысли в юных летах образовывает ум. Поверь мне, друг мой, философия спасительное средство от фанатизма и обыденности. Это не мое мнение, а умнейших людей.

В Москве Мишель с отцом виделся лишь урывками. Гувернеры в угоду бабке твердили, что приезды отца отвлекают его от занятий. Да и сам отец был тороплив, озабочен: хлопотал о закладе имения в казну. Денег на жизнь не хватало.

Последний его приезд в апреле 1831 года был ужасен: семейная драма вырвалась-таки из-под спуда! Ссора между бабушкой и отцом произошла у Мишеля на глазах.

Ему требовалась срочная подмога, чтобы устоять против бабушки и отца. Он больше не узнавал их в лицо. Они терзали его. Палили друг в друга, как из пистолетов, злобой и несправедливостью, а попадали все в него, в него...

Ему было присуще какое-то странное отвращение, род сердечного испуга перед чужими слезами, хотя у самого от сущей безделицы глаза часто становились мокрыми. И долго после всплывали впечатления горькой юности, когда он, совсем уже было собравшийся уйти с обездоленным отцом,— может быть, и желчно-несправедливым, но таким одиноким и нуждавшимся в сыновней любви! — за несколько секунд переменил решение, сломленный не попреками, не бранью бабки, а ее внезапно прорвавшимися слезами, беспомощностью и отчаянием, еще горшим, чем у отца!

Он остался, но не простил ей этих слез.

Он и раньше был неровен, взбалмошен, эгоцентричен. Но открыт. Доверие к близким рухнуло. Скрытность — вовсе не замкнутость, не молчание. Это — притворство. Он притворился сначала спокойным и безразличным, все скоро забывшим. А потом и вовсе балагуром, шутником. Шутки становились все ядовитее — ах, но ведь Мишель так избалован!

Злосчастный переворот совершился в его натуре: он больше никому не верил, никого не любил с безусловной ребяческой искренностью. Выставлял напоказ дурные свойства характера — если их не было, придумывал их себе! — лишь бы уязвить, уколоть почувствительнее, мало разбирая, на кого попадут удары.

А тосковал по отцу, запершись по ночам, тайно.

О мой отец! Где ты? Где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах?
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.

Душа Лермонтова откликалась на все. Нет, не один Пушкин посылал привет «во глубину сибирских руд», безвестный школьник из Московского благородного пансиона тоже стремится подбодрить узников:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..

Лето 1830 года взорвалось в Европе бунтами и революциями. О, как ликует сердце Мишеля! Албанские повстанцы вызывают его восхищение:

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны...

Он произносит это слово так, будто уже на себе ощутил его тяжесть. Словно ненависть к самодержавию у него в крови. Карлу X бросает в лицо, как перчатку:

Ты мог быть лучшим королем.
Ты не хотел. Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.

Что ж, Николаю Павловичу Романову нельзя отказать в интуиции. Нагрянув внезапно в Благородный пансион, едва протолкнувшись сквозь толпу непочтительных юнцов, которые не дали себе труда узнать в рассерженном генерале русского императора, он почувствовал вольнолюбивое кипение в этих стенах. Московский «лицей» доживал последние дни...

Юный Лермонтов слишком рано и чересчур стремительно постигал подоплеку поступков других людей. Даже те их побуждения, которые не выливались в поступок, но неизбежно вели к нему. В нем вспыхивала интуиция, подобно шахматной. Но ведь он был все-таки ребенком, подростком, юношей. Прозрения мысли выливались у него с детской непосредственностью и детским преувеличением. Право же, извинительные хитрости и подвохи школьных приятелей, фраза, брошенная кем-то без умысла,— под страстным пером Мишеля неизменно принимали трагическую окраску.

Лермонтов был безмерно одарен. Но этого не подозревал еще никто. Даже он сам. Перо его бесстрашно выводило:

Нет, я не Байрон, я другой
Еще неведомый избранник...

Сам же он до конца дней склонен был постоянно преуменьшать свои литературные удачи. (Достаточно вспомнить сверхстрогий, прямо-таки безжалостный отбор стихотворений — или, как тогда выражались, пьес,— для единственного его прижизненного сборника! Мы считаем «Парус» шедевром. Он так не считал.)

Университет. Юнкерская школа

С самых ранних лет привыкнув главенствовать в любой компании сверстников, Лермонтов, в сущности, не делал для этого ничего: первенство приходило к нему само собой, по незримому праву, и он никогда не ставил такое право под сомнение.

А в университете дело повернулось по-иному. Аудитория была полна горластых самоуверенных юнцов: на Лермонтова никто не оборачивался. Он удивился, замельтешил перед чужими глазами, начал громко смеяться, сыпать торопливыми остротами, но вскоре опомнился, закусил от унижения губу и отошел в сторонку, замкнувшись в презрительном молчании.

Понемногу кипение самолюбий улеглось. Вокруг складывались умные словоохотливые группы, их пылкие споры доносились до него ежеминутно.

Ему было что сказать в любом из этих споров, но он уже сам обрек себя на изоляцию и, не сумев выйти из нее вовремя, увязал в придуманной отчужденности все безнадежнее.

Его фронда распространялась на всё и на всех. С надменной рассеянностью он слушал лекции, изображая на лице лишь утомление и иронию.

Все замечая и впитывая, проигрывая в уме собственное участие в разговорах и дискуссиях, он не открывал между тем рта и вскоре снискал неприятную славу надутого аристократишки.

Профессора в класс входили с раздражением. Бельмо на глазу: сидящий сбоку, вызывающе-безразличный, без явной насмешки, но и без всякого внимания к ним... юноша? По летам — да. Молокосос. Только слово это никак не идет к нему. Ученик? Штюдент? По званию, по положению именно так. А по сути? Неординарность, неуместность. Талантлив? А в чем? Вот они будущие российские орлы — пусть ныне непокорные, но глаза блестят оживлением, неосторожные пылкие речи на устах... Все понятно в них ученым мужам. А что такое Лер-мон-тов? Пожимание плечами. Прищур глаз. Сердитое дрожание пальцев.

В Благородном пансионе он шел одним из первых, получал награды, в рукописном журнале помещались его стихи. В университете он даже не аттестован ни по одному предмету. Зато вечерами танцует на балах, сыплет мадригалами, бесится с досады, когда светская барышня Катюша Сушкова предпочитает ему какого-нибудь кавалергарда.

Понять собственные чувства он способен был лишь после того, как они отодвигались в прошлое. Он был подвержен жгучему чувству ностальгии не только по людям, но и по обстановке своей прежней жизни. Если потребность в общении с отцом возникла с особой силой, когда тот уже умер (желание объясниться то и дело возникает в его стихах), то и Московский университет, принятый им поначалу с насмешкой над порядками и ограниченностью его профессоров, на фоне гвардейской школы, куда Лермонтов поступил в начале октября 1832 года, представился уже совсем иначе.

Святое место!.. Помню я как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры...

Порывистость решения и почти не контролируемая рассудком привычка ни минуты не терпеть временных неудобств играли с Лермонтовым злые шутки всю его жизнь.

Мнимая обида — требование повторить в Петербурге первый курс, пройденный им в Московском университете из-за холерного карантина не полностью,— заставила его ринуться в условия жизни гораздо более стеснительные и неподходящие.

Каждый раз он, словно в насмешку над самим собою, выбирал худший, а не лучший поворот судьбы. И в то же время дело вовсе не обстояло так просто! Взбалмошность внешней жизни уравновешивалась упорной работой ума. В юнкерской школе природная сила сопротивления вдруг получила новый, уже по-настоящему мощный стимул: творчество. Бросив вызов всем запретам, замкнувшись по ночам, он писал там «Вадима», самый разоблачительный и яростный свой роман!

После восшествия на престол Николая школа находилась в ведении его брата. Сначала великий князь Михаил ограничился увеличением часов, отведенных на строевые занятия, да запрещением в стенах школы читать книги литературного содержания. Смута на Сенатской площади мыслилась царским семейством лишь как следствие либерального воспитания! Но с 1830 года Михаил Павлович, уже начальник всех военных учебных заведений, стал наведываться в школу всякую неделю, и каждое посещение сопровождалось раскатами громового голоса. Один из подпрапорщиков вызвал его гнев нарушением чинопочитания — юноша шел по Невскому проспекту рядом с офицером, родным братом! В другой раз, нагрянув невзначай, великий князь велел первому встречному юнкеру раздеться — и обнаружил под мундиром... жилет. Шелковые галстуки приравнивались им к проявлению революционного духа.

Ах, разумеется, Лермонтов с первых же дней пребывания в казарме понял, что совершил страшную ошибку, что не мелкие стеснения и не пустяковые уколы самолюбия ожидают его здесь, а нечто вроде каменного мешка, где ни света, ни воздуха. Обилие противоречивых чувств и мыслей, которые обуревали его до сих пор, было, в сущности, пока его единственной заботой: как понять самого себя? Все это подвергалось теперь смертельной опасности от тупого внешнего воздействия «школы».

Лермонтов был воспринимаем разными людьми с полярных сторон. В глазах университетских однокашников он слыл гордецом и аристократической штучкой, а подруги юности, умненькая, острая на язычок Сашенька Верещагина и заботливая Мария Лопухина, с беспокойством писали в первые же дни его затвора в стенах «школы»: «Настал для вас критический момент, помните данное при отъезде обещание. Берегитесь слишком поспешно сходиться с товарищами, ознакомьтесь с ними ближе раньше, чем на то решитесь. Вы характера доброго и с любящею Вашею Душою Вы тотчас увлечетесь, в особенности избегайте молодежь, которая кичится всякого рода молодечеством и видит особое удовольствие в фанфаронстве. Умный человек должен быть выше всех этих мелочей... Это хорошо для мелких умов, им и предоставьте это, а сами идите своим путем».

Оба письмеца ему принес собственный слуга, тарханский человек, вместе с корзиночкой домашних лакомств, уложенных бабушкой. Елизавета Алексеевна тоже разошлась умом: укоризненный гомон, поднятый родней вокруг решения Миши бросить университет и идти на военную службу, заставлял ее защищать внука. А в то же время, зная его самолюбие, нервные срывы, угрюмую неуживчивость, она трепетала за ближайшее будущее. Волновалась и Сашенька Верещагина, барышня

отнюдь не сентиментальная, а скорее жестковатая нравом.

Совет запоздал: он уже давно не обнажает душевных порывов перед другими. Даже перед близкими — перед ними в особенности! И не собирается никем очаровываться — было бы кем? А вот избегать новых товарищей не станет: совсем напротив, сделается таким же, как все они. Да, да, милая Сашенька! Фанфароном и буяном еще почище других. Таков единственный путь уцелеть, сохраниться в безвоздушной атмосфере юнкерского каземата.

Он ставил над самим собою эксперимент: не только существовать в чуждой среде, но и выделяться в ней. А если удастся, то и главенствовать.

Нельзя сказать, что эта разрушительная стихия не захватила его: в восемнадцать лет крушить предпочтительнее, чем созидать. Лермонтов-юнкер упивался безрассудствами, Лермонтов-поэт относился к ним с внутренней брезгливостью. Но больше всего он боялся прослыть неженкой и страшно вспылил, когда допытался у дворового человека, что бабушка велела будить внука до боя барабана, чтоб резкий звук не испугал его своей внезапностью.

Первый друг

Жестокий искус юнкерского житья длился всего два месяца. Молодецки вскочив в седло плохо объезженной лошади, Лермонтов не смог укротить ее, она металась по манежу, путалась между другими лошадьми, те стали лягаться, и одна ударом копыта расшибла ему ногу до кости. Лермонтова без чувств вынесли с манежа.

Остаток зимы он пролежал на квартире у бабушки, и московский приятель Алексей Лопухин спрашивал его в письмах, сможет ли он вообще продолжать военную службу?

Лермонтов не знал и сам. Он опять надолго оказался в привычной обстановке домашнего уединения и уюта. Неприятное ошеломление, которое произвел на него поначалу Петербург «своим туманом и водой», людьми, похожими, как он писал Марии Лопухиной, на французский сад, где хозяйские ножницы уничтожили все самобытное, начинало понемногу проходить. Он с любопытством вглядывался в посетителей бабушкиной гостиной.

В один прекрасный день бабушка ввела за руку молодого человека в партикулярном платье — крестника, внука пензенской подруги детства, ныне чиновника департамента государственных имуществ Святослава Раевского.

— Мишенька, Славушка, вспомните и полюбите друг друга! — сказала она, распахивая перед собою дверь в радостном нетерпении.— Велю стол накрывать попроворней. А вы, голубчики, пока потолкуйте. Да не дичитесь, без церемоний будьте, как в детстве. Что же ты, Мишенька, насупился?

— Я рад,— сказал Лермонтов, не спуская глаз с гостя, которого ему с такой бесцеремонностью предложили в товарищи.

Тот спокойно, с серьезным любопытством выдержал взгляд. Отозвался просто:

— Я тоже.

Присаживаясь с папироской, он сказал без нажима и показного интереса, но с той же приветливой естественностью:

— Говорят, вы пишете стихи?

— Кто нынче не пишет,— отозвался Лермонтов.— Башмаками следят по паркету, пером — по бумаге. Тьма-тьмущая развелась альбомных стихотворцев!

— Совершенно с вами согласен. А так как льстить не способен, то промолчу, когда прочтете свои.

Кажется, он заранее рассчитывал на худшее. Самолюбие Лермонтова было задето.

— Я стихов наизусть не затверживаю,— небрежно отозвался он.— Да и обнародовать их, признаться, не люблю. Но чтобы скоротать время, пока накрывают на стол... Извольте. Я эту пьесу написал для московской барышни.— Он зорко искоса поглядел на нового знакомца.

Тот молча дожидался. При словах о московской барышне лицо его несколько вытянулось. Злорадное предвкушение все более охватывало Лермонтова. Он тянул, продолжая бубнить светским тоном:

— Прогуливался по Петербургу, любовался осенней погодой, я вообще обожаю дождь и слякоть. А тут еще море, челнок на волнах... Весьма романтично.

Раевский решил все вытерпеть, хотя невольно уже поглядывал на дверь.

Внезапно в лице Лермонтова что-то изменилось: темно-карие глаза посветлели.

«А не сероглаз ли он?— мелькнуло у Раевского.— Какой странный. Хотел надо мною посмеяться, а теперь, кажется, робеет?»

— Так слушайте же,— почти сердито вырвалось у Лермонтова. И он начал, уставясь в сторону:

Белеет парус одинокий,
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Приятный грудной голос слегка вздрагивал и вибрировал, как музыкальный инструмент.

Раевский смотрел на него с удивлением. Он непроизвольно сжал пальцы, рискуя обжечься дотлевающей папиросой. Что-то заныло у него в груди.

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы,— он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Лермонтов резко оборвал, а Святослав все еще ждал чего-то.

— Барыня просят пожаловать откушать,— пропела сладко-фальшивым голоском Дарьюшка, заглядывая в дверь.

Раевский, выходя из-под обаяния мятежного паруса, молча подал руку. Лермонтов, не произнося ни слова, оперся на нее — и так они вошли в столовую, где бабушка уже усаживалась за переполненный блюдами и супницами стол.

— Подружились, голубчики? Вот и славно, вот и ладно.

Его наставники, его учителя... Их было много, они сменяли друг друга. Одни ему нравились, другие сумели быть полезными, третьи остались безвредными. Тетушки, гувернеры, университетские профессора, лекторы гвардейской школы... Но духовным событием жизни стал чиновник Раевский,

старше его всего шестью годами. И — Пушкин. Тот говорил с ним постоянно звонкими строфами стихов. И никогда живым человеческим голосом.

Маскарад

«Гусар мой по городу рыщет, и я рада, что он любит по балам ездить: мальчик молоденький, в хорошей компании и научится хорошему»,— писала бабушка пензенской приятельнице.

Вздохнула на мгновение, поправила очки. Пенза... Улицы степенно переваливают с холма на холм: за каждым забором зеленеют сады. Тихо, уютно. Недаром и Михайла Михайлович Сперанский, опальный губернатор, говаривал в добрую минуту, когда не чувствовал себя печально в окружении людей не равных ему по уму, что в Петербурге служат, а в Пензе живут в свое удовольствие.

Елизавета Алексеевна скучала по родным местам. Однако знала про себя, что для пользы Миши не только в Петербург, а и на край света поскакала бы, хоть к магометанскому султану, хоть к диким в Америку. Корила себя втихомолку, нет ничего хуже пристрастной любви! Но и извиняла тотчас: один свет очей, единое блаженство у нее в жизни...

Кончался 1834 год. В Тарханах сугробы по пояс, а петербургские проспекты подметает сырая поземка. Мишенька уже три недели как корнет. Сторговала ему скакуна серого в яблоках, как заведено в их лейб-гвардии гусарском полку. Серебряные шпоры заказала лучшему мастеру, чтоб с особенным звоном. Слава богу, становится, как все. Шалит, кутит — бабушка только рада, слова не скажет в упрек. Летом можно тронуться в Тарханы со спокойной душой, заняться хозяйством. Денег теперь только припасай! Внук Столыпиных никому не должен уступать в щедрости и блеске. Наняла ему квартиру в Царском Селе, вблизи казарм, пополам с племянником Алексеем Григорьевичем, тот девятью годами старше Миши, штабс-капитан. И присмотрит и наставит по-родственному. Скоро к ним присоединится третий Столыпин, сын покойного братца Аркадия, Алексей Аркадьевич. Мишенька еще в юнкерской школе прозвал его Монго, по кличке ньюфаундлендской собаки, которая мешала учениям, хватая лошадей за хвост. Грех простительный по Мишиному легкомыслию! Монго помладше, еще не произведен в офицеры, но в свете имеет успех: красив, воспитан. Нет в нем досадной порывистости внука, его внезапного простосердечия. Ну, да, авось обтешится Миша среди добрых людей!

Бабушка была полна радужных надежд.

На костюмированном вечере в доме богача Энгельгардта, что на Невском проспекте, случилось происшествие: некая дама, скрыв себя маской, подарила маскарадному знакомцу браслет и была узнана по этой вещице!

У Энгельгардтов веселились всякую неделю, а на святках и масленой ежевечерне. В роскошно обставленных залах с бронзовыми люстрами, на мраморных лестницах и по яркому паркету скользили гости в «капуцинских» плащах. Цена входного билета по пяти рублей собирала публику довольно разношерстную. Все говорили друг другу «ты». Даже когда появлялся царь, было принято делать вид, что под маской он не узнан. Как и его дочери Мария и Ольга, одетые в розовое и голубое домино.

Лермонтов знал нравы маскарада. И он иногда толкался в разгоряченной толпе: «Ты кого-то ждешь? Не меня ли?» «Как тебя зовут, маска?» «Угадай сам».

Бабушке казалось, что внук упивался развлечениями (в двадцать один-то год!), а он, не понятый ею ни в чем и никогда, на канве обычной сплетни гостиных уже вышивал трагический узор. В свете зло всегда побеждает добро, и самому мощному уму нет выхода из роковых заблуждений. Героя звали Арбениным. Другие имена — Штраль, Звездич, Шприх — он взял из модных тогда повестей. Лермонтов никогда не чурался готовых находок, что из того, что об этом говорил уже другой? Лишь бы сказал хорошо. В нем жила неосознанная гордость большого таланта: он не заботился о внешней оригинальности. Он добивался одного: предельной выразительности собственной мысли.

Лермонтов набрасывал драматические сцены где придется: в караульном помещении казармы, за шахматной доской между двумя ходами, даже пируя с однополчанами под цыганский хор!

— Мишель,— окликнул Раевский, поглядывая на друга испытующе. Он перебелял рукопись «Маскарада» и вдруг отбросил перо, пораженный внезапной мыслью.— Разве тебе решительно не по сердцу твой Арбенин?

— Почему же? Люблю его, как самого себя. Иногда мне кажется, что это и есть я сам, только в какой-то другой жизни.

— Но тогда... я не понимаю! Он же шулер?

— Конечно,— спокойно отозвался Лермонтов.— А что тебя удивляет?

— Именно это, черт побери! Зачем понадобилось делать героя, своего двойника, как ты говоришь, карточным мошенником?

— А кем он еще может быть в нашем обществе? Разве в свете процветает честность? Благородный человек не имеет ни малейшего шанса на успех. Впрочем, я не изобрел ничего нового. Многие люди общества начинали сходно. Ты считаешь Карамзина почтенным человеком?

— Разумеется.— В голосе Раевского чувствовалась озадаченность.

— Представь, отец многотомной российской истории в молодости несколько лет кормился карточной игрой.

— Ты, что же, с него списал Арбенина?

— Нет. Совпало. А про Карамзина узнал недавно, из пересудов в бабушкиной гостиной.

— Не важно, с чего человек начал,— буркнул Раевский.— Важно, к чему он пришел.

Но Лермонтов мысленно уже погрузился в мир своих героев. Нина погибла, а ему было жаль Арбенина! Ни на кого из них он не смотрел уличающе. Уличать — немного подсматривать в щель: ага, вот ты каков на самом деле! Он не злорадствовал. Любое явление, как и любое лицо, представлялось ему крупным, достойным уважительного открытого чувства: ненависти, презрения, отчаяния. Его любовь к людям выражалась в печали. Никогда — в радости.

На раннюю пасху, в апреле, над Петербургом пронесся буран. Свирепо затрещал мороз. Бездомные погибали на улицах.

Основательно прозябнув в открытых санях, несмотря на медвежью полость, Лермонтов только что прикатил на Садовую из Царского Села с суточного дежурства и теперь, сидя с Раевским за шахматной доской, дожидался ужина.

Слуга топил печи. Гудящее пламя — то же кол-довство, прообраз человеческой жизни: чем яростнее полыхает, тем короче срок.

Пламя трещит, струится синими и желтыми язычками. Зима на исходе, а снег такой густой, прямой и плотный, словно это белый дождь. И, как от дождя, шуршание по стеклам. Город почти не виден. Покров милосердия. Лишь черные галки на крестах и воротах.

— Так ты ждешь бунта, Слава? — спросил вдруг Мишель спокойно-сомневающимся тоном.

— Нет, не бунта, а революцию,— отозвался Раевский.— Сенатская площадь — вот высокий образец благородства!

Мишель молчал. Что мешало ему, как почти всегда, следовать за Святославом с одинаковым пылом? Возможно, запавшие в память, слышанные от кого-то скептические, сожалительные слова Грибоедова: «Сто прапорщиков хотят изменить порядок вещей».

— Слава,— сказал после колебания, тихо, но настойчиво, принуждая себя не отводить глаз, хотя ему было бы больно видеть растерянность или смятение друга, единственного своего товарища не по крови, не по обстоятельствам, а по душе.— Как ты можешь не бояться революции, если все семейство твоего прадеда убито пугачевцами, а бабушку, несмышленым ребенком, уберег лишь случай?

Вот он и высказал это. То, что держал на сердце, да все не осмеливался выговорить вслух.

Раевский не изменился в лице, даже не смутился. Ответил тотчас, словно давно продуманное:

— Раболепство и покорность в человеке надобно презирать. Но когда они становятся чертами народа, на это надлежит взглянуть проницательно и со стороны, как смотрит отдаленный во времени летописец. Русскому мужику поют уже над колыбелью, чтоб боялся сильного, кланялся пониже: сила, мол, соломинку ломит. Страшная философия, Мишель! В Тарханах, например, кликни посреди деревни: добра вам хочу, люди! Не поверят, засмеют, вязать примутся. Ненавидят у нас смутьянов.

— За что же?

— За то, что те храбрее, что совестно перед ними. Так лучше вовсе не слушать, спокойнее выдать на расправу...

— Ты не про то, Слава.

— Про то. Если вор Емелька взбаламутил совесть народную, пусть кроваво, пусть безжалостно,— за это ему поклон. Пример это, пойми, Миша. Начало пробуждения.

— Но твой дед?! Убиенный?

— Деду своему я внук. Народу — сын.

Лермонтов глубоко задумался.

— Прости за этот разговор.

— Давно его ждал. Сам до этого дошел в своих размышлениях, и ты должен был дойти.

— А нам-то что делать, Слава?

— Бог весть. Ждать. Мне ходить в департамент, тебе служить в полку.

— Шутишь?

— Нимало. Я не знаю, вот и все. Подойдет случай, даст бог не струшу, найду свое место. А пока ведать не ведаю.

Смерть Пушкина

Лермонтов воспринимал мир как очень молодой человек, но судил его со взрослой зоркостью. Он был по-молодому честолюбив (и почти по-детски

тщеславен), по-молодому готов наедине с собою лить поэтические слезы, потому что они не столько признак печали, сколько следствие переизбытка чувств. По-молодому горд. И в то же время умел сожалеть о прошедшем — которое еще не было его собственным! — со скептическим пониманием следить за игрой жизни, словно сам стоял уже над нею, был знающ и равнодушен ко всему.

Эта двойственность восприятия сказалась и на его отношении к Пушкину.

Оно было столь сложным, во что Лермонтов инстинктивно не вдумывался. Просто жил образом Пушкина, как какой-то добавочной Вселенной. Переходил от восторга к горечи, от досады к тихому обожанию. Пушкин царствовал в поэтических строфах — и был прибеднен на раутах. Он весь был блистательная неуместность. И двигался не так, и говорил иначе.

Лермонтов видел его издали. Странная робость заставляла его избегать тех гостиных, где, он знал, пришлось бы столкнуться накоротке, где его могли бы представить Пушкину. Чего он опасался? Что не понравится Пушкину? Или что Пушкин не понравится ему? Он слишком обожал его и боялся разочарования.

Разочарование — одно из самых мощных сокрушительных свойств лермонтовской души. Очаровывался он ненадолго и вполсилы: бес анализа не оставлял его ни при каких обстоятельствах. Зато разочаровывался со всей страстью. Словно это и приводило в действие его энергию, рождало новые мысли.

Лермонтов Пушкина боготворил и, наверное, не изменился бы к нему, доведись им встретиться. Пушкинская гармония была для него притягательна именно потому, что внутренне недостижима.

Терпимый же Пушкин скорее всего Лермонтова не воспринял бы вовсе: тот мог показаться ему из-за желчности мелким, из-за мрачности — напыщенным.

Однажды Лермонтов совсем уже было собирался подойти к Пушкину, но перемигивания, шепот за спиной поэта, особенно беззащитного перед толпой, наполнили грудь такой острой жалостью, что горло перехватило и слезы навернулись на глазах. Лермонтов бросился вон из зала.

Лермонтов вправе был предполагать свое внутреннее родство с Пушкиным: он застал того в драматическое время, когда от пушкинской жизнерадостной проказливости, от ясного и радостно-дружелюбного Пушкина ничего уже не осталось.

Поэт был одинок и трагичен. А если временами натягивал на себя маску беспечности, то Лермонтов-то был мастер разгадывать любые маски! Тем более у человека, столь мало способного к притворству. И столь любимого Лермонтовым! Одно это не могло не обострить его интуицию. Встречаясь с Пушкиным всякий день, друзья-приятели Вяземский, Жуковский, Карамзины ничего не замечали, кроме скверного характера и неуместных выходок любезного «арапа». А незнакомый офицерик, который видел его мельком, где-нибудь на лестнице или из-за колонны, понимал и чувствовал ВСЕ.

Начиная стихи «На смерть поэта», Лермонтов еще не знал, о чем и как станет писать. Страшная весть потрясла его... Его перо подчинялось подземному гуду, но куда все это вынесет его, он не знал ни в первый, ни в третий, ни даже на седьмой день. Погиб поэт! Какая боль. Какое злодейство!

Первый листок мгновенно испятнала клякса.

Его противник хладнокровно
Наметил выстрел...

Не кончая строку, он перескочил на следующую:

Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет...

Вот оно как: не «наметил выстрел», а «навел удар». Заменил слово «противник» на «убийцу». На полях перо, словно само собою, чертило чей-то лисий профиль: длинные усы, острые глазки, вытянутый вперед подбородок... Ба! Да это же Дубельт. Жандармский генерал. Нет, не стану отвлекаться.

Сюда заброшен волей рока,
Подобный сотне беглецов,
Искатель счастья и чинов...

Лермонтова посетило внезапное воспоминание: когда ему случалось в Царском Селе сталкиваться с Дантесом, поражало, с какой легкостью тот менял формы поведения! Бывал то циничен, то беззаботно прост или чванлив до высокомерия в зависимости от окружения. Но всегда бесстыден, всегда душевно пуст.

Его душа в заботах света
Ни разу не была согрета
Восторгом русского поэта.
Глубоким пламенем стиха...

Зачеркнуть о душе. Потаскун фортуны!

Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы.
Не мог щадить он нашей славы...

Пушкин, Пушкин! К чему были ему все эти люди?

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет, завистливый
и душный...

Пушкин становился понятен до нестерпимого ожога сердца. Уже невозможно было провести черту между ним и собою...

Двадцать девятого января поутру вконец разболевшийся Лермонтов стоял у окна с разрозненными мыслями, бесцельно следя за экипажами и пролетками. Народ сновал по Садовой не чинно, а как-то бестолково. Он смотрел и не понимал: о чем можно хлопотать и печься, если умирает Пушкин?

Доктор Арендт приехал покрасневший от резкого ветра, торопливо грел руку о руку, хотя обычно суетливостью не отличался. Спросил Лермонтова о самочувствии, но тот махнул рукой.

— Что с ним?

Арендт сбросил с лица докторскую полуулыбку, щеки обвисли. Сел со вздохом.

— Часы, часы... да скорей бы. Муки не по вине.

Он начал рассказывать, как Пушкин бредит от невыносимой боли, как, опоминаясь, зовет друзей. И они приезжают один за другим, подходят, жмут пылающую руку, целуют в лоб, покрытый испариной, молча рассаживаются по углам.

У ворот и по всей Мойке толпы народа. Стоят, вытягивая шеи. На каждого покидающего дом взирают с надеждой и враждебностью: жив ли? Словно эти-то выходящие и есть огнестрельщики, душегубцы...

— А как спрашивают про него? — невнятно сказал Лермонтов, но Арендт понял.

— Как про поэта. У народа чутье: ехал как-то к дому Хитрово, замешкался свернуть, спрашиваю, как лучше проехать? «К дому-то героя?» — спрашивают. «Какого героя?» Мне невдомек с налету. Отвечают: «Папенька ихний был герой». А другой

добавил: «И муж со знаменем на поле преставился. Сам Бонапартец шапку перед ним скинул». Да... не забыты ни Кутузов, ни молодой Тизенгаузен... Василия Андреевича Жуковского, слыхал вот, называют царским учителем. А Пушкина — поэтом.

Арендт говорил, а сам все проницательнее, озабоченнее смотрел на Лермонтова.

— Нервическая лихорадка не унимается ваша. Пить валериану, лежать спокойно.

Лермонтов опять махнул рукой.

— Что же государь?! Неужели спустит французику? Доктор, вы все знаете... что дворец?

Арендт отозвался нехотя.

— У дворца свой счет.

Когда Арендт уехал, Лермонтов присел к столу и над готовыми стихами написал, не задумываясь, в той же лихорадочной поспешности, как и жил все эти дни:

Отмщение, государь, отмщение!
Будь справедлив и накажи убийцу...

— К вам братец Николай Аркадьевич,— раздался от порога голос дворового человека.

Лермонтов досадливо дернул плечом, хотел чем-нибудь отговориться. Не успел. Столыпин уже входил в комнату с обычной покровительственной улыбкой, которая так раздражала последнее время Лермонтова.

— Да ты, мон шер, в самом деле нездоров? А я-то грешным делом подумал: службой манкируешь... Оказывается, смирнехонько хвораешь? Именно в то время, когда стал положительно в моде! Во всех салонах барыни читают твои стихи про Пушкина. Жуковский отзывается самым одобрительным образом. А великий князь Михаил Павлович даже пошутил, что упечет под арест... хе-хе...

Комната как-то внезапно стала наполняться. Следом за Столыпиным с шумом и звоном шпор возникли трое гусар — заехали по пути после дежурства. Дуэль Пушкина с Дантесом продолжала быть у города на устах: все четверо тотчас заговорили о ней.

Лермонтов понимал, что терпения его хватит ненадолго.

Бабушка вошла при начале разговора вместе с двумя родственницами, молоденькой и старой. Сестрой Натальей Алексеевной и ее дочерью Анютой Философовой, женой адъютанта великого князя Михаила.

Обе дамы уселись в креслица, раскинув бархатные подолы.

Прерванный было разговор вспыхнул снова.

— Эти проклятые авантюристы, дантесы, ползают по России, как тли по растению,— сказал Лермонтов.

— Дантеса принудила к дуэли честь,— возразил Николай Аркадьевич. И не без ехидства ввернул:— Твоя желчь пристрастна. Разве ты сам не приятельствовал с ним?

Лермонтову немедленно вспомнилась прошлая осень в Царском Селе. Они проходили с Дантесом мимо ресторанного зеркала, и Лермонтов увидел, какой же рядом с ним плечистый красавец. Но страшный: он есть, и его нет. Большое тело. И ничего внутри. Нет человека!

Не пожелав отозваться на реплику Столыпина, он продолжал свое:

— Коль уж Россия дала им кров, то именно честь обязывала не подымать руку на лучших людей государства!

— При дворе числят Пушкина прежде всего камер-юнкером. И хочешь знать о нем мнение

одного значительного лица? Препустой и заносчивый человек, вот как тот отозвался еще ввечеру. И заметь, никто не оспаривал!

Анюта Философова следила за разговором с острым любопытством, приоткрыв малиновый ротик.

— Неужто правда, что госпожа Пушкина сделала историю с приемным сыном барона Геккерна? Ах, опрометчиво! Можно ли так забываться перед лицом света?

— Пушкин погиб жертвою неприличного положения, в которое себя поставил,— глубокомысленно изрек гусар.

Лермонтов зажал ладонями уши.

— Это невыносимо! — простонал он.— Что вы говорите?! Прошу тебя, Николя, замолчи...

Столыпин пожал плечами.

— Изволь. Но если причиной женская ветреность...

— Подлое петербургское общество причиной! Гадость высшего света! — закричал Лермонтов.— Уходите немедленно! Не могу видеть...— Схватив клочок бумаги, он стал что-то быстро писать, ломая карандаши один за другим и уже не обращая ни на кого внимания.

Анюта Философова тихонько ойкнула и попятилась к двери. Ее мать с обиженным видом тронулась следом.

— Твое ребячество переходит всякие границы,— отозвался Николай Аркадьевич.— Даже если при этом рождаются стихи.— Он с достоинством выпятил губу.

Выйдя уже за дверь, довольно громко заметил переполошенной бабушке, что Мишель, разумеется, умен, но ум имеет разные свойства, в их числе врожденное чувство приличия. И не худо бы ему приобрести навыки в сем последнем.

Гусары тоже потянулись за остальными.

— Плюнь, Лермонтов,— посоветовал один.— Вели, брат, сварить пуншу. Отлично помогает от горловой хвори.

Оставшись один, Лермонтов неожиданно заплакал.

Слезы взрослого человека вызывают недоверие и даже отчасти отвращают: что-то безвозвратно окаменело уже в чертах лица. Но в Лермонтове много оставалось детского. Он плакал, омываясь слезами.

Он плакал по Пушкину, уже неделю как убитому, по оскорбленной поэзии, которую подобно нищенке оттирают в углы, по отчизне, которая с рабским неведением дремлет на необозримых просторах в убогих снах. И только самого себя он не оплакивал.

Слезы высыхали на лице: он неподвижно смотрел перед собою, словно только сейчас смутно ощутив собственное предназначение.

А вы, надменные потомки...

Стихи распахнулись сразу, во всю ширь. Их не потребовалось собирать по строчкам и рифмам.

Лермонтов писал не отрываясь. Стихи всегда были лермонтовским дневником, его памятными заметами. В меняющихся стихотворных ритмах словно выявлялась сама архитектура личности поэта. С собою он говорил раскованно, не сдерживая дыхания...

Таким и застал его Раевский, без стука вбежавший в сумеречную комнату, на ходу сбрасывая на руки слуге камлотовую шинель на байке. Раевский хотел спросить о чем-то, но Лермонтов повелительным кивком указал на ближайший листок. И Раевский послушно подобрал его, подошел к окну, ловя последний отблеск дневного света, близко поднес к глазам:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи,
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи...

Пораженный, оглянулся на Лермонтова. Поспешно дочитал до конца. Начал читать снова. Лермонтовский набат уже гудел в нем.

— Но ведь это... это же воззвание?!. Послушай, не время болеть... Непременно надобно, чтобы все, всем...— И вдруг крикнул, распахнув дверь: — Вздуйте свечи! Самовар нам! Встряхнись, Миша. Работы на всю ночь. А поутру засажу свою канцелярию... Кто там? А, Юрьев. Садись, брат, тоже писцом будешь.

Николенька Юрьев, дальний родственник Столыпиных, пробежал глазами ближайший листок. Первым естественным чувством его был заботливый испуг за Мишеля. Он даже полуобернулся к тому — и не произнес ни слова. Немудрую его душу посетило — знобящей струей ветра — ощущение некоего, вверенного им троим высокого жребия.

Николай проворно скинул драгунский мундир, присел к столу, придвинул поближе шандал с четырьмя свечами под синим жестяным козырьком, обмакнул перо. Сказал просто:

— Ну что ж, братцы. Я готов.

Едва стихи разлетелись по Петербургу, Лермонтов всем стал известен, хотя оставался безымянным. Но у поэзии есть свойство: она высвечивает поэта до полной узнаваемости каждому, кто прочел его не поверхностно. Не столкнувшись ни разу, они — поэт и читатель — уже сблизились, почти породнились через дыхание из уст в уста.

В эти вьюжные дни с порывами сырого ветра по Петербургу, кроме мельтешения снега, совершался полет бумажных листков. Их читали повсюду. И то «второе общество», которое так яростно и не скрываясь оплакало Пушкина, и посетители модных гостиных, принявшие стихи как опасную новость.

Их принесли на Мойку Александрине Гончаровой, чтобы она передала вдове. Еще не оправившись от обмороков и судорог, Наталья Николаевна жадно читала все, что касалось мужа.

— Как это правдиво,— прошептала она.— Но кто же сочинитель?

— Кажется, какой-то гусар. Лементов или Лерментов.

Наталья Николаевна прикрыла глаза, и слезы вновь брызнули из-под опухших век. Ее беспомощный мозг осаждали обрывки недавнего прошлого...

А лермонтовские стихи продолжали свой бесшумно-громовой полет.

Когда Дантесу, сидевшему под арестом, прочли их — тот сначала презрительно пожал плечами, но потом впал в раздражение.

— Я вовсе не ловец чинов, не авантюрист! — воскликал он.— Меня на службу пригласил российский император. Я принят в высшем свете, куда этот захолустный дворянчик не войдет дальше порога. Как же, отлично его помню: кривоногий и без всякой выправки! Я бы вызвал его к барьеру, если бы распоряжался своей свободой.— Дантес закатил глаза и жалобно застонал, словно от сильной боли в раненой руке. Поднес к ноздрям флакончик с нюхательной солью. Флакончик был оплетен золотой сеткой, в пробку вделан маленький бриллиант: вещица для туалетного столика кокетки, а не из обихода кавалерийского офицера!..

Поначалу кавалергард перетрусил до колик, во-

образив, что его станут сечь плетьми в каком-нибудь тайном каземате. Но снисходительность военного суда и ворох дамских записочек приободрили настолько, что он снова принялся фанфаронить, отзываясь о Пушкине уже не иначе, как о посредственном версификаторе, каких-де в Париже десятками. Во всем, что он говорил и делал, было много напускной развязности, рисовки. Но стихи Лермонтова задели за живое. Припечатали, как клеймом. Мало того, что его карьера в России по милости Пушкина безвозвратно оборвана, что от выходок этого ревнивого бретера он изнервничался до того, что на дуэли рука прыгала и, выпалив наугад, он угодил противнику в живот — это же стыд для такого стрелка, как он, хотя бы в грудь или в голову! — так теперь еще весь Петербург потешается стихотворными пасквилями!..

Когда Лермонтова взяли под стражу, бабушка заметалась по городу. Одних она не заставала дома, другие не могли понять ее страхов.

— Господи, я ведь не хочу многого,— твердила она,— у других полный короб просьб. У меня желание лишь одно, и его хватит на всю жизнь: сохранить Мишу, единственного, последнего...

Новый родственник Столыпиных Алексей Илларионыч Философов, человек очень на виду (его прочили в воспитатели царских сыновей), взялся просить о заступничестве Бенкендорфа.

Тот выслушал, не перебивая, слегка прищурился. Один глаз у него был крупнее другого, и он тщился скрыть этот маленький недостаток. Сказал, что стихи Лермонтова непростительно вольнодумны и даже преступны. Назидательно добавил:

— Ведь можно скорбеть прилично, благонравно, не так ли? Князь Вяземский был усопшему приятель. И что же? Как он пишет? — Бенкендорф для вида порылся в бумагах. Искать не было надобности, все лежало в неукоснительном порядке. Отнеся листок подальше от глаз, прочел голосом, полным удовольствия:

Вам затвердит одно рыдающий мой стих:
Что яркая звезда с родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой...

Пожевал губами, пропуская строки мимо глаз, пока не остановился, видимо, на заключительных:

Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас,
Что Пушкина уж нет!

— Вот и все. Читает в салонах со слезою в голосе.— Бенкендорф сделался строг, даже отчасти печален.— Мы все льем слезы.

Философов поспешно подхватил:

— Уверяю, ваше сиятельство, молодой Лермонтов выразил чувства истинного русского патриота. Его бабушка припадает к вашим стопам. Окажите ей милость, походатайствуйте перед государем!

Бенкендорф со вздохом согласился. Он побаивался знатных петербургских старух, сильных своими связями. К тому же продолжал думать, что незачем привлекать к стихам внимание, делая из их автора мученика. Бенкендорф был склонен не раздувать страстей и отнестись к поэтической вспышке «мальчика Лермонтова» как к пустому ребячеству. Такого же мнения держался и великий князь Михаил, командир гвардейского корпуса.

Но царь решил иначе. Когда вошел Бенкендорф, у того на столе уже лежал знакомый листок, присланный с городской почтой. Анонимная надпись на стихах «воззвание к революции» была для Николая подобно красной тряпке перед быком.

— Да этот господин, верно, помешан? — произнес царь.— Я велел его освидетельствовать и сделать обыск вещей. Далее мы поступим по закону.

Когда, запинаясь, Бенкендорф выдавил: «Бабка Арсеньева уверяет, что у внука благородные чувства»,— Николай внезапно выкатил глаза.

— А мне не нужны благородные чувства. Не допущу повторения Сенатской площади! Мне нужны верноподданные, сударь.— Голос сорвался на фистулу.

Бенкендорф давно не испытывал на себе приступов царского гнева и невольно втянул голову в плечи.

Николай тяжело дышал, как после бега, но белые пятна уже сходили с его лица.

После минутного молчания он добавил успокоенным голосом:

— На Кавказ, Александр Христофорович, под пули. С чувствами...

За вечерним чаем в царской семье возник разговор о Лермонтове.

— Он смело держится в седле,— прогудел великий князь Михаил, приземистый, с широким лицом и толстым затылком.— Пусть потужит по гвардейскому ментику. Вернется ниже травы, ручаюсь. Полковое братство верноподданно.

Царь пожал плечами, но понял брата.

Был ли Лермонтов «человеком декабризма», лишь по ошибке родившимся на десять лет позже? Мог бы он воскликнуть, как Александр Одоевский, спеша к Сенатской площади: «Ах, как славно мы умрем!»? Захотел бы сказать это? Следует ли довериться его горестному четверостишию:

Мое грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?

В своем времени Лермонтову было не только тесно: оно стало для него смертельно несовпадающим.

Когда ему надо было родиться? Когда он хотел бы жить?..

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

НАША ГАЙДАРОВСКАЯ РЕСПУБЛИКА

У нас в городе есть гайдаровская республика. Образовалась она в 1965 году. Первыми штабистами нашей республики были одержимые ребята: каждый — личность! В школах они были вожаками, лучшими учениками. Сегодня — это взрослые люди, среди которых есть инженеры и рабочие, врачи и учителя.

Сегодня пионеры гайдаровской республики продолжают традиции своего штаба. Собрано 500 тонн металлолома, 264 тонны макулатуры, в Фонд мира школьниками города перечислено около 10 тысяч рублей. Четырнадцати дружинам города присвоено звание «Правофланговая».

В каждой школе есть карта микрорайона. На ней особыми значками отмечены объекты тимуровской заботы.

В октябре тимуровцы города провели операцию «Сюрприз» — поздравляли ветеранов. Малыши из детских садиков «Черемушки» и «Калинка» получили в подарок мягкие игрушки и платья на кукол, сшитые тимуровцами.

Активно все тимуровцы участвуют в операции «Детский дом — общая защита». Много раз ездили в детские дома, подружились с ребятами из этих домов, подарили им игрушки и библиотеку детских книг.

Тимуровцы школы № 4 взяли под опеку городскую детскую больницу. В течение трех лет они помогают ей. «Большое спасибо ребятам за их добрые сердца», — говорят врачи.

Вот как интересно и полезно для окружающих живет наша гайдаровская пионерская республика.

Городской пионерский штаб «Тимур», г. Бийск, Алтайский край.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК ТЕЛЕГРАФ

Тимуровцами города в этом году посажено около тысячи деревьев, сдано государству 73 тонны макулатуры, 426 килограммов лекарственных трав. Помогают ребята и двум тысячам ветеранов Великой Отечественной войны.

Городской штаб «Тимуровец», Дворец пионеров, г. Рязань.

Наша дружина носит имя Аркадия Гайдара. Мы создали в школе музей, посвященный писателю, очень много путешествуем по гайдаровским местам. Совсем недавно мы были безмерно счастливы: у себя в Уфе разыскали Владимира Дорофеевича Стрельчука, который 26 июля 1941 года вместе с А. П. Гайдаром выехал из Москвы в Киев. Познакомившись в Москве, они девять дней поездки не разлучались. Владимир Дорофеевич — полковник в отставке, имеет много правительственных наград, до сих пор работает.

Музей А. П. Гайдара, школа № 47, г. Уфа.

А. МЯСНИКОВА

АРМИЯ...

Я вспоминаю беззаботно веселые лица четвероклассников и кладу ручку на стол. Может быть, я ошибаюсь, и лето у этих ребят удалось на славу? Может быть, вообще не существует такой проблемы — проблемы **ПЕРВОГО** пионерского лета?

В лагере имени А. П. Гайдара под городом Пушкино Московской области шла последняя неделя длинной, тридцатидевятидневной смены. Погода целый месяц стояла дождливая, но, к моему удивлению, глаза четвероклассников были «на сухом месте». Никто не стонал, что ему скучно, никто не забивался в угол, тоскуя по дому, друзьям и мороженому. Не было причин тосковать.

Друзья у каждого появились и здесь. Мороженого хотя и не давали, но зато частенько потчевали смородиной из лагерной теплицы. Во время дождя в уютных корпусах можно было

Лето. Каникулы. Впереди три месяца отдыха. На первую смену, а может, и на вторую ты едешь в пионерский лагерь. Там соберутся ребята из разных школ, разных пионерских дружин. Расспроси их, какими пионерскими делами гордятся их отряды, и сам поделись опытом.

В пионерском лагере ты многому научишься: горнить и барабанить, выносить знамя на линейку, проводить спартакиады и командовать звеном. Но и сам ты должен научить всему, что умеешь, тех, у кого это пионерское лето — первое.

БЕЗ КОМАНДИРОВ

сколько хочешь смотреть телевизор или читать библиотечную книжку. А когда небо прояснялось, все мчались на спортивные площадки с мячами и ракетками.

Теннисные столы и свой тир! Сказочный городок с избушкой на курьих ножках и клуб, где через день показывали фильмы! Кружки для любителей плести корзины, лепить статуэтки, рисовать, танцевать, заниматься макраме и фотоделом!.. У меня разбегались глаза!..

Да, соскучиться здесь мог только на редкость ленивый и нелюбознательный человек. А пионеры из шестого отряда такими не были. Леня Дрыкин и Паша Костров за смену научились работать лобзиком. Рома Ткач и Вадим Буряк не выпускали из рук ракетки: бадминтон стал их любимой игрой. Девочки увлеклись пионерболом и уже довольно лихо давали подачи и принимали удары противника. Максим Манаков недовольно морщился, когда его отвлекали от выжигания. А на празднике все мальчишки во главе с «коком» Леной Жуковой плясали матросский танец. Ноги немного увязали в песке, и носок порой путался с пяткой, но Нептун был доволен, и гром аплодисментов над лагерным прудом заглушал его похвалы. О какой скуке может идти речь? О каком потерянном времени?

Но что-то пока еле уловимое не давало мне покоя.

Вот шестой отряд неровным строем движется к столовой. Вот я целых десять минут жду, пока ребята соберутся в холле для беседы, хотя о времени и месте мы договорились еще вчера, и сегодня я напомнила им об этом во время обеда. Вот командир — Костя Бобин — пытается созвать отряд для срочного дела, но не может: пока ищет одних, другие опять разбредаются. Вот, опустив глаза, четвероклассники поочеред-

но сознаются, что забыли выполнить вчерашнее поручение, а через минуту уже весело скачут по корпусу, будто ничего не произошло.

Я продолжаю наблюдать за ребятами и постепенно прихожу к выводу: они ничем не отличаются от дошкольников, от октябрят. Ни самостоятельностью, ни дисциплиной, ни ответственностью. Они вообще не ощущают себя пионерами. Разговариваю с ними и понимаю: для них понятия «пионер» и «октябренок» равнозначны, они имеют смутное представление о Марше юных ленинцев и пионерских законах. Из всех возможных пионерских поручений им известно только одно — сбор подорожника, а самая интересная операция, которую они могли бы предложить,— это перемазать ночью всю дружину зубной пастой.

И это пионерский отряд?

— А у нас и не отряд вовсе,— удивил меня Костя Бобин.— У нас октябрятская группа.

— И даже флажок октябрятский,— добавил Леня Дрыкин.

— И поручения нам малышовые дают!— заголосили остальные.— Крапиву и мать-и-мачеху собирать почему-то нельзя. Только подорожник. Нигде не дежурим: ни в столовой, ни у ворот. На линейке флаг не поднимаем...

То, что шестой отряд наполовину состоит из октябрят, я знала и раньше. Так бывает во многих лагерях, потому что распределение по отрядам зависит прежде всего от количества кроватей в корпусах. Но это совсем не значит, что пионеры, даже попавшие под одну крышу с малышами, должны жить по «малышовым» законам.

Несамостоятельность пионеров шестого отряда сказывалась и здесь: эти десятилетние люди чувствовали себя обделенными и все-таки мирились со своим положением. Почему? Разве они не могли предложить совету дружины: «Считайте нас пионерской группой в шестом отряде»? Не могли попросить пионерский флажок и пионерское поручение? Могли. И даже не попросить, а потребовать, потому что это их право. Но они не требовали.

«Вот уж точно, поразительная беспомощность!» — скажешь ты.

Я вспоминаю, что сейчас школьников принимают в пионеры «скопом». Может быть, я думаю, это удобнее, когда октябрята повторяют слова Торжественного обещания хором вслед за старшей пионерской вожатой: и быстрее, и не так боязно. Никто не собьется, можно вообще клятву не учить.

Но может быть, все как раз и начинается с того, что третьеклассник не понимает смысла Торжественного обещания, не чувствует: за каждое слово потом придется отвечать? И отвечать уже не «хором», а каждому в отдельности.

Ребята воспринимают посвящение в юные ленинцы как награду за хорошую учебу, и только, а не как будущие заботы, тревоги, обязанности. Правда, смутное ощущение новой жизни есть. И оно превращает день Торжественного обещания в праздник.

Но, к сожалению, этим днем праздник и ограничивается. Классный руководитель объявляет, что основное поручение любого пионера — примерно себя вести, и все остается по-прежнему, как будто нет у ребят на груди пионерского галстука.

В шестом отряде только Максим Манаков имел поручение в конце учебного года. Но что это было за поручение: он охранял игрушки на продленке, пока одноклассники выполняли домашнее задание или читали!..

Когда человек становится пионером, в его жизни начинается новый этап. Из малыша, требующего постоянной опеки, он превращается в члена массовой детской коммунистической самодеятельной организации. А это значит самостоятельность, активность, ответственность, инициатива. Но ведь такое превращение не чудо. Может и не совершиться.

Вот мы сердимся: «Носишь пионерский галстук, а без воспитателей шагу не сделаешь!» По делу, конечно, сердимся. Но сколько бы мы ни твердили о пионерском долге, о пионерской чести, о самоуправлении, они просто так никогда у четвероклассников не появятся, не разовьются. Нет, совсем не потому, что люди они вредные или ленивые. А потому, что не знают, как наладить это самое самоуправление. Потому, что не умеют распределять работу и контролировать ее. Они никогда не видели настоящих сборов, отрядных линеек. Они не знакомы с хорошими звеньевыми и умелыми барабанщиками. Они не представляют, что такое настоящий пионерский отряд.

Нельзя требовать от человека того, чему ты его не научил.

Итак, в пионерский лагерь наши с вами четвероклассники приехали такими же октябрятами, какими были несколько месяцев назад. Детсадовское положение их в общем-то устраивало, потому что дни были наполнены веселыми играми и увлекательными занятиями.

«А разве этого мало?— спросишь ты.— Разве кружки, забавы и пионерское лето несовместимы?»

Почему же? Но только должна же быть какая-то разница между отдыхом курортников и отдыхом пионеров. За свое первое пионерское лето из группы беззаботных «малышей» должен «вырасти» настоящий пионерский отряд.

Ты думаешь, в лагере это не получится, потому что лагерь — коллектив временный? Напрасно. В лагере из-за дождя не было ни одной длительной вылазки в лес. А где, как не в походах, закалять волю и преодолевать трудности? Летом ребята вместе с утра до вечера — когда, как не сейчас, научить их разбираться в своих поступках и в поступках товарищей? А в дружине нет даже регулярной стенгазеты.

Кто научит барабанщика барабанить, а физорга — проводить зарядку? Кто позаботится о том, чтобы шестой отряд не только танцевал и лепил вазочки, но и проходил пионерскую науку уп-

равлять собой и коллективом, выбирать те дела, в которых больше всего нуждаются окружающие, отвечать за выполненное поручение? Кто этим займется?

«Конечно, вожатые,— скажешь ты.— Они взрослые, опытные. И вообще для того существуют».

Но каким бы хорошим ни был вожатый, он не в состоянии уследить за всем. Вот, например, провел старший вожатый Коля в начале смены занятие со школой пионерского актива. Обсуждали новый Марш, из зала сыпались вопросы, поднимались руки для ответов. Коля, да и вообще никто не догадывался, что шестой отряд ничего из услышанного не понял. Для пионеров-новичков оказалось мало одного занятия. Вот если бы кто-то ежедневно и на деле показывал им суть терминов «пионерское слово», «поверка», «высота».

«Хорошо,— продолжишь ты.— А отрядные вожатые?»

А отрядные вожатые — студентки пединститута и проходят в лагере практику. Они только учатся. У них не все еще получается. Может быть, с непривычки они просто устают. Им бы сохранить порядок в корпусе, проследить, чтобы все оделись по погоде, не опоздали в столовую и на линейку — и то хорошо.

Значит, никому нет дела до шестого отряда?

Но постой! Есть старшие ребята. Есть Миша Цуканов, который в школе шефствует над первым «б» и является членом редколлегии стенгазеты. Есть Саша Коржиновский, который тоже не прочь повозиться с малышами. Есть Марина Барбаш. Она любит лагерь за то, что приобретенные в нем навыки можно применять у себя в дружине. Есть другие старшие пионеры, которые совсем скоро станут комсомольцами...

Но когда я завела со старшими разговор об их младших товарищах, они возмутились:

— А почему опять мы? Стадион от камней очищать — мы. Пионерскую комнату мыть — мы. Политинформацию проводить — тоже мы. И, между прочим, подшефные у нас уже есть — это восьмой отряд, дошкольники. Каждый банный вторник их моем.

Отряд первый отмахивался от шефства над отрядом шестым. Даже вожатая заступилась за своих далеко уже не маленьких подопечных:

— Они не бездельничают. А отвечать за все не обязаны. Это нам, вожатым, деньги платят. А у ребят и в школе от дел голова болит.

— Пусть совет дружины создаст шефскую группу, если так уж нужно,— посоветовал кто-то.

Я слушала ребят и думала вот о чем: люди, которые собираются вступать в комсомол, которые имеют за спиной три больших пионерских года, перекладывают свою основную и наиболее сложную обязанность — шефство над младшими пионерами — на чужие плечи. Тем более что от старших пионеров в лагере много и не требуется.

Отправились, допустим, Света Курдюкова, Лариса Евдокимова и Лариса Смирнова мыть октябрят. А почему бы им не захватить по пути девчонок из шестого отряда? «Ну-ка, пионерки, посмотрим, какие вы самостоятельные. Будете вытирать малышей и играть с теми, у кого голова еще не высохла, чтобы с мокрой не убежали».

Пошли, предположим, мальчишки из первого отряда приводить в порядок стадион и окликнули Костю Бобина: «Свистни-ка свою команду. Камушки на носилки собрать срочно нужно».

Позвала Лена Никуленкова, председатель совета дружины лагеря, звеньевых шестого отряда и сказала: «В вашем корпусе три октябрятские звездочки, а на носу день сказок. Пусть каждое звено выберет себе звездочку и подготовит с ней какую-нибудь сказку. Костюмы сделайте, баянистку Ирину позовите, худрука Виталия Николаевича, если понадобится,— он всегда подскажет». Октябрятам весело, а звенья и посоревноваться могут: кто интереснее всех сказку поставит.

И совсем неважно, что задания эти нетрудные. Важно другое: четвероклассники будут чувствовать — они нужны в лагере, ощутят ответственность и перед дружиной, и перед отрядом, и перед самим собой. Они с гордостью будут носить красные галстуки: «Вот, оказывается, что такое быть пионером!»

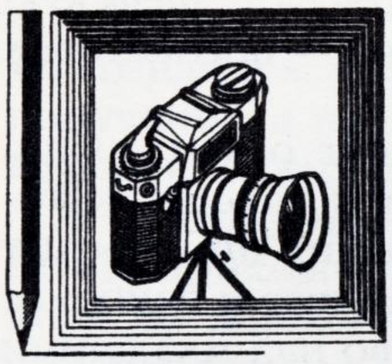
А пока этого нет. Худрук Виталий Николаевич и баянистка Ирина сочиняют сценарий праздника и раздают вожатым списки ролей. Воспитатели восьмого отряда вырезают из картона реквизит для спектакля. Вожатые подгоняют ребят на зарядку. Первый отряд устает от непосильных дел.

А шестой беззаботно пинает мяч, мнет глину, связывает веревочки, решив, что, видимо, так и нужно проводить пионерское лето.

Армия младших пионеров терпит бедствие. Армия... без командиров.

Рисунок В. ДУДКИНА.

СЕВАСТОПОЛЬ

У самых стен Дворца пионеров плещется вода Севастопольской бухты, из его окон видны Штык и Парус — символы города, а когда выходишь за порог — открываются глазам широкий Нахимовский проспект, Графская пристань, Вечный огонь у стены Героев... И невозможно представить, что этот чудесный город дважды за свою историю строился заново на месте развалин.

...В 41-м враг рассчитывал легко захватить Севастополь: город, защищенный с моря, был беззащитен с суши. Но ненависть к захватчикам, любовь к своему родному городу давали солдатам и матросам невероятную силу. Четверо бойцов морской пехоты во главе с политруком Н. Д. Фильченковым вступили в бой с танками противника, подбили десять из них, погибли, но не пропустили врага. И это только один из многих примеров мужества. И еще один пример. В городе выходила рукописная газета — «Окопная правда». И выпускал ее пионер-герой юнкор Валерий Волков.

Трижды за восемь месяцев начинал наступление враг. Только когда на оборонительных позициях не оставалось способных к бою защитников, когда кончались боеприпасы, только тогда удавалось фашистам занять их. Сапун-гора и Малахов курган — вот только две точки на карте обороняющегося Севастополя. Восемь месяцев сковывал Севастополь силы противника на южном крыле фронта, восемь месяцев не позволял гитлеровцам развернуть наступление на Кавказ...

Город, его взрослые и маленькие жители, как и во время Первой обороны, вставали рядом с бойцами Красной Армии. А когда в июле 42-го Севастополь был оккупирован, начало работать подполье. И помощниками коммунистов и комсомольцев были юные ленинцы...

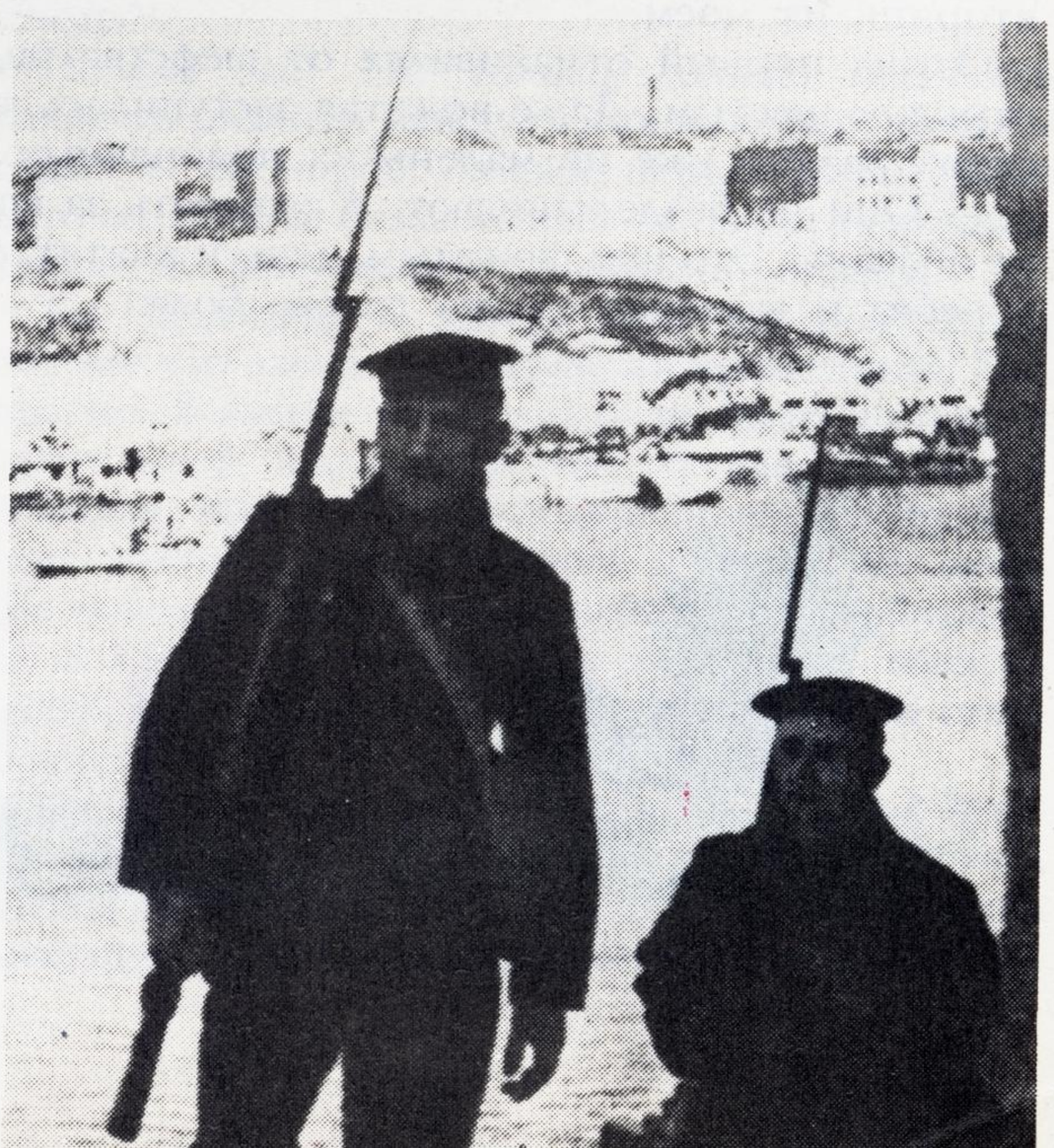
9 мая 1944 года Севастополь был освобожден. Ровно год оставался до Победы...

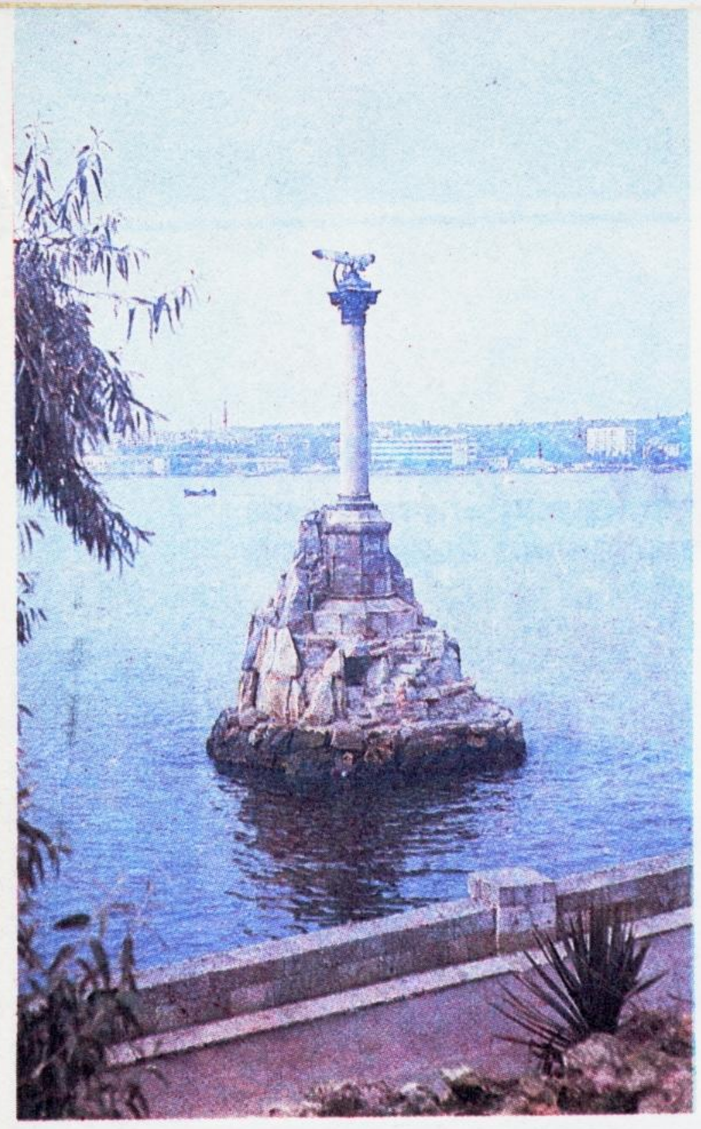
Сорок лет прошло с тех пор. Севастополь — город Славы, как назвали его при рождении, — нерушимо стоит у Черного моря, будто героический корабль. И на смену тем солдатам и матросам, которые защищали город во время войны, приходят их внуки — юнармейцы, юнморы Севастопольской детской морской флотилии.

Фотографии В. АРСИРИЯ.

Немногие из защитников Севастополя вернулись туда в 44-м.
А те, кто вернулись, увидели на месте сказочного города развалины.
Но гордо реяли над городом и морем флаги, и гордо стоял Севастополь — непобежденный.

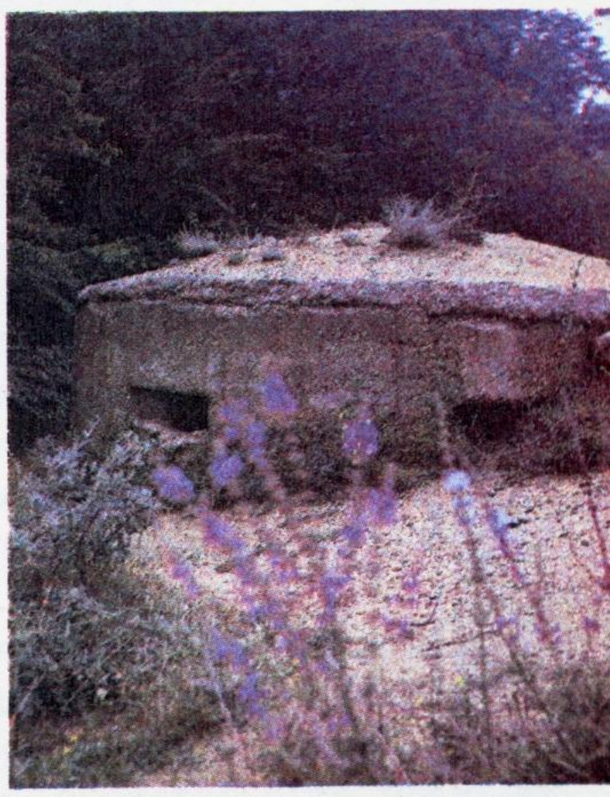

Памятник затопленным кораблям — напоминание о Первой обороне Севастополя. Проходят мимо него современные корабли, и волны Черного моря соединяют прошлое и настоящее.

Город стоит на склонах бухт, и как же хорош он в зелени садов, в голубой дымке неба

Память прошлого свято берегут юные севастопольцы. Память для них сохраняют и ветераны войны, каждая беседа с которыми становится для ребят уроком мужества и человечности. О героическом прошлом рассказывают и обелиски Севастополя...

САЛЮТ, МИР!

ОБРАЩЕНИЕ

пионеров дружины имени Героя Советского Союза Ф. И. Толбухина школы № 22 г. Волгограда и пионеров-тельмановцев Карл-Маркс-штадта ГДР к пионерам социалистических стран в связи с 40-летием Победы над фашизмом во второй мировой войне

Дорогие друзья!

Сегодня мы живем в мирное время. Нам предоставлена возможность спокойно учиться, трудиться, играть и мечтать. Для нас открыты школы и дворцы, парки и стадионы, библиотеки и театры.

Но мы знаем, какой дорогой ценой завоевано наше счастливое детство.

Еще сегодня на земле видны раны самой страшной войны. Она унесла миллионы человеческих жизней. В памяти честных людей навсегда остались имена борцов за светлое будущее наших народов, за мир на земле.

Юное поколение говорит сегодня сыновнее спасибо всем, кто подарил нам счастливое детство.

9 мая 1985 года исполняется 40 лет со Дня Победы над гитлеровским фашизмом.

Мы, пионеры дружины имени Героя Советского Союза Федора Ивановича Толбухина и пионеры-тельмановцы Карл-Маркс-штадта, обращаемся к пионерам СССР и ГДР, ко всем пионерам социалистических стран. Докажем своей учебой, своими пионерскими делами, поступками, что мы достойная смена героев борьбы и труда.

Мы призываем вас пройти дорогами Советской Армии, боевых действий национальных соединений, антифашистского подполья и движения Сопротивления. Запишем воспоминания героев борьбы с фашизмом, соберем реликвии войны, создадим уголки и музеи славы. В дни освобождения социалистических стран от фашизма проведем в пионерских дружинах, лагерях праздники, интернациональные встречи под девизом «Салют, Мир!». Встанем в почетный караул у Вечного огня, у могил героев войны.

Окружим вниманием и заботой борцов за наше счастье, будем их верными друзьями и помощниками.

Сегодня над миром сгущаются тучи новой, самой страшной войны. Она может стать последней для наших мам и пап, братьев и сестер, для наших близких людей, для друзей, для всех нас.

В канун 40-летия великой Победы мы призываем вас, наши сверстники, крепить дружбу и солидарность, всем встать на защиту мира, против ядерной войны.

Пусть подвиг наших отцов и дедов вдохновляет нас, зовет на борьбу за мир на планете!

Да здравствует наша Дружба!

Салют, Мир!

Пионеры дружины имени Героя Советского Союза Ф. И. Толбухина г. Волгограда, Союз Советских Социалистических Республик

Пионеры-тельмановцы школ Карл-Маркс-штадта, Германская Демократическая Республика

Г. ЧЕРНЫЙ,
заместитель председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕТИ ОБВИНЯЮТ ИМПЕРИАЛИЗМ!

Конец ноября в Луанде всегда теплый. Благодатная пора! Ласковое, совсем «неафриканское» солнце. Благоухающие орхидеи. Цветущие акации и жасмины. Пышные метелки кокосовых пальм... По-праздничному красивой и беззаботной кажется столица Анголы...

А на юге гремят выстрелы, гибнут невинные люди, пылают деревни и крестьянские поля... Контрреволюционеры и южноафриканские расисты, подстрекаемые империалистами, ведут войну против Анголы... В соседней Намибии тоже льется кровь. В ЮАР падают от пуль расистов чернокожие мальчики и девочки... И в других уголках земли неспокойно, полыхают пожары малых и больших войн.

О том, сколько бед и страданий несет империализм людям и в первую очередь детям, о преступлениях империалистов перед человечеством говорили участники Международного детского трибунала «Дети обвиняют империализм». Трибунал был созван по инициативе ангольских пионеров и СИМЕА — Международного комитета детских и юношеских организаций. Заседал трибунал в Луанде.

Не случайно столица Анголы стала местом трибунала. Ангола до сих пор подвергается нападкам империалистов. До сих пор они не теряют надежды вновь закабалить бывшую португальскую колонию и завладеть ее природными богатствами. А заодно расправиться с неугодной властью — властью трудящихся.

На трибунал приехали 119 делегаций из 41 страны. Приехали взрослые и дети. Взрослые — это ученые, юристы, врачи, журналисты. Они привезли документы, фотографии, вещественные доказательства, которые обличали империалистов как врагов детства. А дети — мальчики и девочки из Африки, Азии, Латинской Америки, юные партизаны и подпольщики, жертвы империалистических войн — были главными обвинителями.

Шесть дней заседал трибунал. На самом видном месте в зале заседаний стояла грубо сколоченная скамья. Она предназначалась для обвиняемого — ИМПЕРИАЛИЗМА. На скамье должны были бы сидеть и кровавые диктаторы, и летчики-убийцы, и тюремщики, и бандиты, подкупленные империалистами, и натовские безумцы-генералы, по чьей вине в Европе разместили «Першинги» и «Томагавки»...

На трибуну поднимается ЖАН ДИТУ, худенький восьмилетний мальчик из ангольской провинции Кунене. В зале напряженная тишина. Сотни глаз смотрят на Жана.

А маленький анголец не может говорить. Слезы застилают глаза. Жан всхлипывает... Все эти дни он

крепился, твердил себе, что должен удержать слезы. А вот не удержал. Слишком много испытаний обрушилось на его хрупкие плечи...

В деревню, где жил Диту, ворвались бандиты из контрреволюционной организации УНИТА. Они поджигали дома, убивали жителей. Покидая разгромленную деревню, унитовцы увели с собой Жана. Сначала его пытали. Добивались сведений о расположении частей Народной армии Анголы в окрестностях деревни. Жан молчал. Да и что он мог сказать, когда никаких воинских подразделений здесь отродясь не видел?! Потом бандиты стали брать его во все свои вылазки, заставляли воровать у крестьян еду и одежду. За непослушание жестоко били. Только счастливый случай помог Жану бежать, а так, кто знает, что бы с ним было.

— Что ты думаешь об империализме?— спрашивает мальчика председатель трибунала.

— Империалисты — враги Анголы,— твердо говорит Жан.— Я должен учиться. А когда выучусь, буду с ними бороться. Бороться до конца!

На трибуне еще один африканский мальчик. Зовут его НОСИЗВИ. Родился он в ЮАР, а живет сейчас в Республике Зимбабве. Как и многие другие коренные жители Южно-Африканской Республики, он и его

родители вынуждены были покинуть родину, искать убежище в соседних странах. Потому что боролись с человеконенавистническим режимом апартеида. Потому что требовали для черных граждан ЮАР одинаковых с белыми прав. Потому что хотели жить свободно...

С гневом и болью рассказывает Носизви о жизни чернокожих мальчиков и девочек в ЮАР. Каждый день там умирают от голода 75 детей! Не хватает школ, чтобы дети могли учиться. Не хватает учебников. Не хватает учителей. Дети лишены родительской ласки, потому что и сами родители страдают и бедствуют, умирают от голода, болезней и нищеты.

— Моя сестра,— говорит Носизви,— помогала патриотам из организации Африканский национальный конгресс. Полицейские за ней следили, но уличить в связях с патриотами никак не могли. Однажды сестра заболела, и ее пришлось отвезти в больницу. В больнице врач-расист сделал ей укол, и она умерла. Врач потом оправдывался, что у девочки слабое сердце, что организм не справился с болезнью. Но мы-то знаем, что мою сестру УБИЛИ!

Голос Носизви срывается. Он вскидывает руку с крепко сжатым кулаком:

— Будь прокляты империалисты, которые помогают расистам ЮАР! Смерть апартеиду! Амандла!

— Амандла! Амандла! Амандла!— несется эхом по залу боевой клич южноафриканских патриотов.

— Мы победим! Мы победим! Мы победим!— повторяет каждый из участников трибунала этот клич на своем языке.

От Южной Африки до Ливана тысячи километров. Но и там, на берегу Средиземного моря, империалисты сеют смерть и горе. Судьбы ливанских детей схожи с судьбами мальчиков и девочек ЮАР, Анголы, Намибии. Ибо не первый год по вине израильских агрессоров в Ливане льется кровь мирных жителей, от пуль и снарядов гибнут дети.

Надолго в моей памяти останется рассказ юной палестинки ХАЛИЛЫ ФАБИЕ. Долго будет стоять перед глазами ее печальное, не по-детски серьезное лицо... О преступлениях израильских агрессоров знает весь мир. Газеты всех стран писали о варварской войне, которую ведет Израиль против народов Ливана и Палестины. Незабываемы картины разрушенного Бейрута и лагерей палестинских беженцев Сабры и Шатилы. Но по-особому остро чувствуешь чудовищность злодеяний империалистов на ливанской земле, когда слышишь рассказ Халилы.

— Израильские солдаты ворвались в наш дом утром, когда мы еще спали,— говорит Халила.— Они приказали нам убираться вон, потому что дом будет снесен, а на его месте построят укрепление против палестинцев. Мама закричала: «Не уйдем, никуда не уйдем! Нам некуда идти!» Тогда офицер выстрелил в нее из пистолета... Отец пробовал защитить мать — офицер убил и его...

На лице у Халилы слезы. Так, со слезами, она и уходит с трибуны.

О том, как изощренно расправляются израильские агрессоры с детьми, рассказывали многие ребята, приехавшие в Луанду из Ливана. Некоторые из них сами стали жертвами, пострадали от пуль и снарядов, потеряли руку или ногу. Летом 1982 года, когда израильские «Миражи» бомбили кварталы Бейрута, в городе повсюду на улицах появились... детские игрушки. В них были вмонтированы мины. Дотронешься до такой игрушки, и мина срабатывает. Десятки детей погибли или получили увечья от этих дьявольских «подарков». Делегация ливанских детей привезла с собой такие «игрушки», а также фотографии пострадавших от них детей.

Шесть дней заседал трибунал. Каждый из участников трибунала не понаслышке знал о преступлениях империалистов, а сам был жертвой или свидетелем этих преступлений.

Как призыв к действию прозвучали слова посланцев Сальвадора: «Люди, будьте бдительны! Сегодня американские империалисты душат национально-освободительное движение в Сальвадоре и Намибии, разжигают войну в Ливане и Анголе, плетут заговоры против Накарагуа и Афганистана. А завтра они захотят объять пожаром термоядерной войны всю планету! Люди, будьте бдительны!»

Чтобы обуздать империалистов и не допустить новой войны, все люди, и взрослые и дети, должны сегодня сплотиться. В единстве наша сила.

Бороться с врагами мира на земле, с жестокостью, угнетением и несправедливостью призвал Международный детский трибунал в Луанде.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Павел БАРТО

ПТИЧИЙ БАЗАР

На Командорах

Суровый край. Крутой скалистый берег.
Колоний птичьих гомон, рокот моря.
Кто сам здесь не бывал, едва ль поверит,
Что птичий гам с прибоем может спорить.

На острове топорков

Пловец, ныряльщик, землекоп,
Клювищем горд морской топорик.
Боец, хранитель норных троп,
С таким воякой не поспорить!
Он за нору стоит горой.
Хоть вид героя скомороший,
В бою с соперником — герой,
Отец и семьянин хороший.
Птенца подруге поручив,
Топорик днем рыбачит в море,
На клюв рыбешек нацепив,
Летит к норе с добычей вскоре.
Под вечер выйдут все из нор,
Толпятся здесь, над самой кручей.
Чего-то ждут, о чем-то спор...
Мельканье красных лап... и тучей
Взлетает стая. Кружит, кружит,
За кругом круг, за кругом круг,
Кольцо сжимая уже, уже,
Снижаются к земле, и вдруг —
Нырнут под кров своих подруг:
Им всем надежный отдых нужен.

На Куршской косе

На воде, вдалеке,
Будто белые лилии, чайки,
У воды, на песке
Птичьих лап пролегли отпечатки.
Встретишь здесь лебедей —
Словно льда белоснежные глыбки,—
И с лица у людей
Не слетают ребячьи улыбки.
В небе вьются стрижи —
Карусель в ослепительном свете.
Закрутили стрижи
Над водой виражи,
В «догонялки» играют, как дети.

Черные лебеди

Тишь лагуны голубой...
Здесь несет свой пост дозорный,
За подругу рвется в бой
Рыцарь верный, лебедь черный.

Даже ночью, в тишине,
Задремав на глади водной,
Черный лебедь и во сне —
Страж подруги благородной.

Шею за спину загнув,
На воде кружит покорно,
Спрятав розовый свой клюв
В пышный шелк оборок черных.

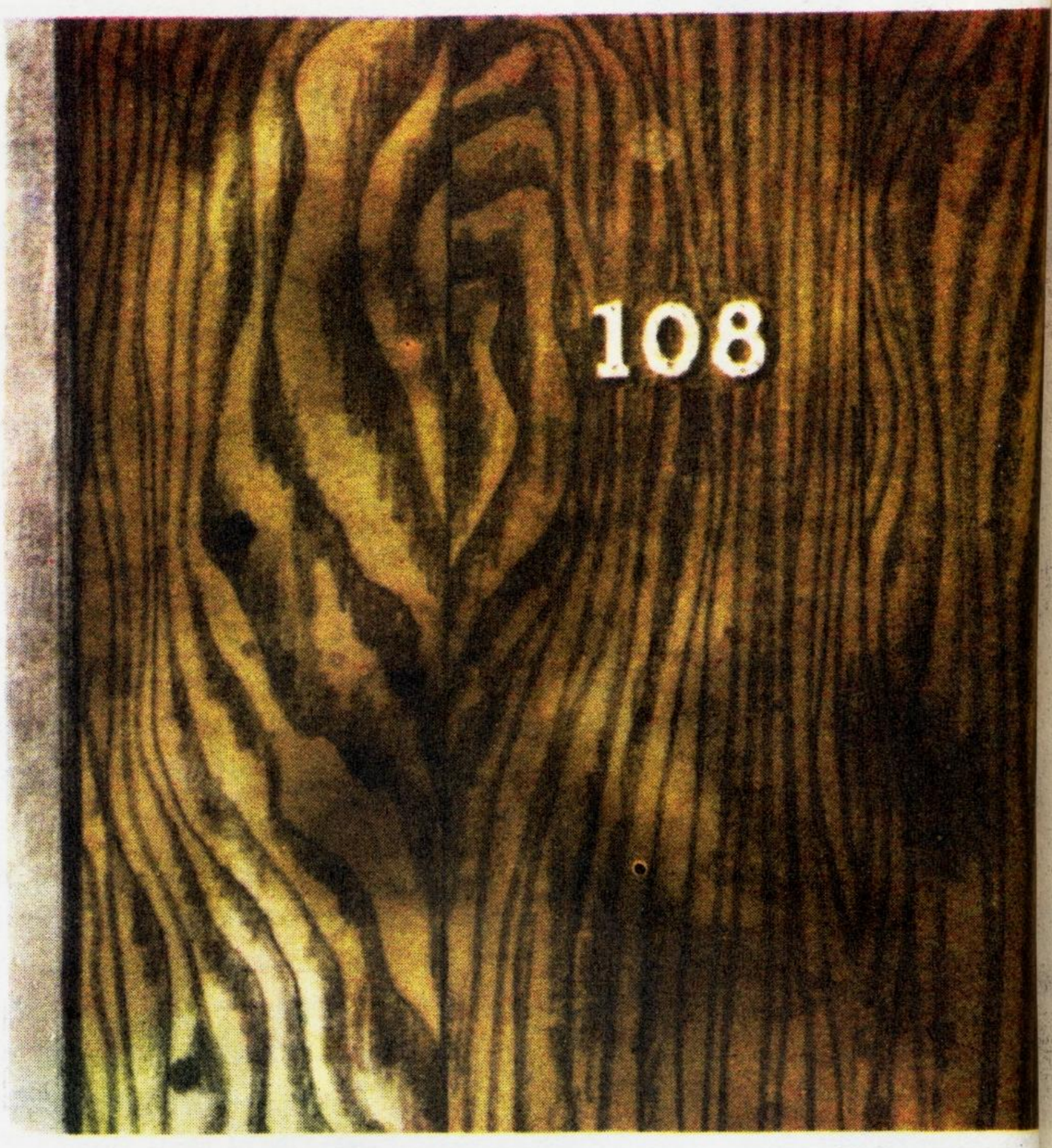
Встрепенулись на волне,
Обе птицы в небо взмыли...
Долго таял в вышине
Плавный шелест черных крыльев.

Рисунки В. ФЕДОРОВА.

Юрий КОРИНЕЦ

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ РОБОТ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 4, 5.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Как папа нарисовал в картине гаечку, и к чему это привело

Я опять долго не был в квартире-108 — закрутили дела. Но я все время думал о своих друзьях — что там у них нового? Как-то я позвонил папе.

— Привет! — сказал я, услышав его голос.— Это я... Как дела?

— Отлично! — весело ответил папа.

— А Тарабам?

— Тарабам молодцом: помогает по хозяйству. Приглядывает за детьми. Мы на него не нарадуемся.

— Ну что ж,— обрадовался я.— А с картинами как?

— И с картинами налаживается. Одну уже приняли.

— Так что ж ты молчишь! — воскликнул я.— Мог бы и позвонить... Какую приняли-то?

— А ту самую — помнишь? — которую мы в последний раз обсуждали.

— И что, она опять пылилась в кладовке? Или ты над ней основательно поработал?

— Да нет, в кладовке она больше не пылилась. А работал я над ней не так чтобы уж очень основательно, но все же... Главное, я нарисовал в ней гаечку!

— И гаечка имела успех? — удивился я.

— Не гаечка имела успех, а картина! Гаечку я потом замазал.

— Ничего не понимаю,— растерялся я.— Зачем ее тогда было вписывать?

— Это не так просто объяснить... Скажу только, что Тарабам — умнейшая личность! Его мысль с гаечкой была гениальной.

Все это меня чрезвычайно заинтересовало.

— Начни все сначала и объясни толком,— сказал я.— Ты послушался Тарабама и вписал в картину гаечку. А потом? Рассказывай по порядку.

— В общем, дело было так... После того раза, когда ты у нас был и Тарабам заговорил о гаечке, я стал долго и мучительно думать. Трое суток я спал, почти не вставая, и во сне мне все время являлась эта гаечка. И я думал, думал, думал — рисовать или нет? Ты же знаешь мой метод...

— Знаю: размышления во сне.

— Вот именно. Что-то в этой гаечке было: какая-то тайна! Не просто же так он о ней заговорил. Я снова посоветовался с Тарабамом. Но он ничего нового не сказал. Он все время повторял: «Нарисуй гаечку! Нарисуй гаечку! Такую маленькую, блестящую, одинокую!» В результате он меня просто загипнотизировал этой гаечкой! Я уже не мог от нее отделаться. Я видел ее не только во сне, но и наяву. Я смотрел на картину и видел в правом нижнем углу, в траве, маленькую блестящую стальную гаечку. И как-то утром я ее нарисовал. Но вот тут-то и зарыта была собака! — ехидно захохотал папа.

— О чем ты говоришь? — не понял я.

— О камертоне! Понимаешь?

— Камертон при ударе издает один и тот же звук,— вспомнил я.— И по этому звуку настраивают музыкальные инструменты...

— Совершенно верно! — сказал папа.— И в живописи есть камертон: какой-нибудь предмет. В природе ли, в картине ли — определенного цвета и освещенности точка или пятно. От него пляшут, как от печки, понимаешь? Ему подчиняют в картине все остальное — по цвету и освещенности. С ним все сравнивают — что теплее его или холоднее по цвету, что темнее или светлее по освещенности,— такое пятно и есть живописный камертон! По нему и настраивают всю картину — ее цвет и свет... Так

вот: нарисованная по совету Тарабама гаечка и стала таким камертоном! — закончил папа.

— И по ней ты заново настроил картину?

— Совершенно верно! Как только в углу картины засияла гаечка, я сразу увидел все свои недостатки! Вернее, недостатки картины! Я увидел, что она пестрит! Что в ней нет единой цветовой гаммы! И я молниеносно переписал всю картину. Что надо, сделал темнее, что надо — светлее... кое-что утеплил, кое-что взял холодней. О, я работал как одержимый — запоем! Я переписал картину в три дня!

— Дальше,— прошептал я.

— Что дальше? Дальше я отнес ее в закупочную комиссию! Члены комиссии сначала долго смотрели на нее. Потом они вдруг кинулись меня поздравлять. Они жали мне руки, обнимали меня, они кричали: «Чудо! Шедевр! Гениально!» Ты не можешь себе представить, что там было! Все чуть не плакали от восторга. Правда, потом, когда все успокоились, председатель комиссии высказал одно маленькое замечание: он предложил убрать гаечку...

— Камертон?

— Не камертон, а именно гаечку! Он предложил сделать из нее маленький камешек в траве. Такой же формы, цвета и освещенности. Он сказал: к чему тут гаечка? Уж лучше камешек! И я тут же мазнул (краски у меня были с собой, на всякий случай) — и картина пошла!

— Ну, а Тарабам что сказал? Он в курсе?

— Конечно, в курсе,— сразу погрустнев, ответил папа.— С Тарабамом все не так просто... Он очень огорчился, когда я ему сказал, что замазал гаечку. И с тех пор ходит сам не свой. Он даже просил меня нарисовать несколько гаечек и повесить ему на кухне... ты же знаешь, он там спит...

— Да,— сказал я.— Печально. И странно.

— Более чем странно,— подтвердил папа.— А еще Тарабам выразил желание заняться масляной живописью! Он заявил — и весьма категорично,— что хочет писать со мной картину «Металлолом. Материал для размышлений»... Представляешь?

— Ну и что? Пусть пишет! — сказал я.— Зачем мешать?

— Конечно,— согласился папа.— Может, у него талант откроется. Что ни говори, а эту гаечку он здорово придумал!

— А что ты сейчас делаешь?— спросил я.— В данный момент?

— Сижу и вписываю в картины гаечки! А потом все переписываю... дело идет на лад!

— Желаю успеха! — сказал я.

— Ты заходи, не пропадай,— сказал папа.

— Непременно скоро зайду,— обещал я.— Интересно взглянуть на эти ваши гаечки... камертоны то есть. И передай привет Тарабаму.— Я положил трубку.

— Да,— сказал я сам себе вслух. — Живопись — это действительно великая тайна. Но Тарабам... каков, однако, мудрец!

Человек СМО-83

В то чреватое еще долгими неприятностями воскресенье все в квартире-108 с утра были дома. Проснулись довольно поздно — часов в десять,— не спеша помылись и собрались в папиной комнате к завтраку. Тарабам заварил прекрасный крепкий чай, сварил каждому по два яйца всмятку, достал из холодильника масло и сервировал стол. Настроение у всех было отличное. Слышно было, как за стеной весело бренчит на рояле Старик-Ключевик. Он играл весьма своеобразно: не дойдя до середины мелодии, обрывал ее и начинал сначала. Чтобы создать за завтраком еще более уютное настроение, папа включил свою стереосистему — создал, как он любит говорить, «музыкальный фон», который сразу отгородил квартиру-108 от посторонних шумов, в том числе и от бренчания Ключевика.

И тут вдруг раздался тот самый звонок в дверь... Его услышал, несмотря на фон, Тарабам: ведь слух у робота потрясающий!

Забегая немного вперед, должен сказать, что звонок оказался весьма коварным, хотя его коварство раскрылось только к обеду. А сначала звонивший в дверь даже несказанно всех обрадовал.

— Там какой-то человек из стола заказов гастронома,— сказала мама, вернувшись в комнату.— Принес осетрину.

— Осетрину?! — радостно поразился папа. — Зови его на кухню!

— Осетрина! Осетрина! — весело захлопали в ладоши Катя и Юра.

— А что это такое? — спросил Тарабам.

— Это такая рыба,— объяснила Катя.— Папа ее очень любит, и мама тоже.

— И мы,— сказал Юра.

— Она редко бывает,— уточнила Катя.

Все пошли на кухню и увидели нежданного гостя: он был высокий — косая сажень в плечах,— рыжий, с голубыми невинными глазами. В руках он держал здоровый пузатый мешок.

— Вы садитесь,— вежливо пригласила его мама.— И покажите вашу осетрину.

Голубоглазый сел, развязал мешок, вынул оттуда брикет белого мороженого филе, завернутый в целлофан, и положил его на стол.

Все с восторгом склонились над куском осетрины. Мама потрогала ее пальцем. И все потрогали.

— Никогда не видела осетрину в таком прессованном виде,— сказала мама.

— Спрессована и заморожена для лучшего хранения,— сказал голубоглазый.— Уж вы не сомневайтесь, товар высший сорт!

— Почем? — спросил папа.

— По шести рублей за кило.

— Однако!

— Так осетрина же! Она так и стоит.

— Будем брать? — спросила мама у папы.

— Конечно,— кивнул он.— Это же редкость. Давно уже не едал осетринки...

— Надо Ключевика позвать,— сказала мама.— Может, он тоже возьмет.

— Правильно,— поддержал ее папа.— Обрадуем старика... А я позвоню кое-кому из знакомых, если они захотят, то возьмем и на их долю. Вы согласитесь минут десять подождать? — обратился он к голубоглазому.— Может, мы у вас побольше возьмем.

— Да с превеликим нашим удовольствием! — любезно откликнулся тот.— Хоть и дел невпроворот, продыхнуть некогда, но не могу отказать...

— Спасибо,— сказал папа и пошел звонить.

Тем временем мама привела Старика-Ключевика: он тоже выразил желание купить осетрины.

Тут вошел папа.

— Я дозвонился Петровым, Ивановым и Сидоровым,— сказал он весело.— Они очень обрадовались. Просят взять им по килограмму. Итого три! А мы сколько возьмем?

— Я думаю, полтора,— сказала мама.— Или даже два.

— Правильно,— согласился папа.— Праздник так праздник!

— Еще мне килограмм,— сказал Старик-Ключевик.

— Три плюс два — пять... плюс один — шесть!

— Это тридцать шесть рублей! — воскликнула мама.— Нам надо отдать тридцать... У меня таких денег нет!

— Вы не беспокойтесь,— сказал Старик-Ключевик.— Я вам дам.

— Мои знакомые сейчас приедут и отдадут,— заверил его папа.

— Не сомневаюсь,— улыбнулся Старик-Ключевик и пошел за деньгами.

— Ну, как мы поддерживаем ваш план? — спросил папа голубоглазого.

— Молодцы,— радостно ответил тот.

Он стал выкладывать на стол расфасованные куски рыбы, все аккуратно завернутые в целлофан.

— Тут везде указаны вес и цена,— сказал он.

Мама взяла бумагу и карандаш, все подсчитала, потом пришел Старик-Ключевик с деньгами, их вручили голубоглазому, и он, довольный, поднялся с табуретки.

Старик-Ключевик, папа и мама с благодарностью пожали ему руку.

— Еще приносить? — спросил гость.

— А как же! — сказал папа.— Заходите...

Когда он ушел, мама сразу же принялась за готовку.

— Будем сегодня обедать пораньше,— сказала она.— Так хочется осетрины! Что будем: уху варить или жарить?

— Уху варить! — весело сказал папа.— И жарить! С картошечкой! Сегодня у нас будет пир горой!

Старик-Ключевик тоже пошел готовить свой «пир горой». А вскоре приехали папины знакомые и радостно взяли свою долю. Я тоже заехал в квартиру-108 за осетриной — папа выделил мне из своих запасов полкило. Все участники этой операции СМО (так назвал ее папа, почему, вы узнаете ниже) весело колдовали на кухнях в предвкушении праздничного обеда: и Петровы, и Ивановы, и Сидоровы, и Старик-Ключевик, и мама в квартире-108, и я у себя дома...

Когда у мамы сварилась уха, а на сковородке коричнево зарумянились аппетитные куски рыбы, она позвала на кухню папу.

— Попробуй-ка уху,— сказала она показавшимся папе странным голосом.— И жареное... как оно тебе?

Папа отведал ложку ухи, потом жареное.

— Как тебе сказать,— произнес он медленно,— вкус странноват...

— Вот и я думаю, что странноват,— растерянно пробормотала мама.— С запашком... и мясо слишком белое. И посмотри: на ухе совсем нет блестков жира...

Папа пригляделся к ухе, отведал еще ложку, потом достал из ухи кусочек рыбы и тщательно прожевал. По мере того, как он жевал, лицо его становилось все более мрачным.

— Треска это! — воскликнул папа.— Треска, а не осетрина! Обманули нас, как последних дураков!

— Я всегда говорила, что нельзя покупать у случайных людей,— прошептала мама, опускаясь на табуретку.

— Говорила, говорила! А сама только что сказала: «Два кило»!

— Но ты же велел брать...

Тут позвонил Старик-Ключевик: он стоял на пороге квартиры-108 в полной растерянности.

— Товарищи, это треска! — прошептал он дрожащими губами.

— Да,— удрученно ответил папа.— Уж вы меня извините...

— Ничего,— пробормотал Старик-Ключевик.— Вы не виноваты. Это я виноват. Я должен был определить.

Старик-Ключевик мрачно поплелся к себе, папа к себе.

Настроение у всех было отвратительным. Больше всех переживал, пожалуй, Тарабам. Сначала он вообще не мог понять происходящее. Но когда Катя и Юра ему все разъяснили, он загудел зловеще и стрелки в его вспыхнувших глазах забегали из стороны в сторону.

— Как могут на такой прекрасной планете существовать столь недостойные существа! — загрохотал он басом.— У нас таких не бывает!

На этом, конечно, дело не кончилось: начались звонки Петровых, Ивановых и Сидоровых. Все они были возмущены до крайности и хоть разговаривали вежливо, но по их голосам было ясно, что они очень обиделись на папу.

Только я и Старик-Ключевик на папу не обиделись: ведь мы были его верными друзьями! Мы понимали, что он нисколечко не виноват.

— Ну, подожди! — говорил мне папа вечером по телефону, и голос его прямо-таки раскалял телефонную трубку.— Уж я ему припомню! Этому СМО-83!

— Почему СМО-83? — не понял я.

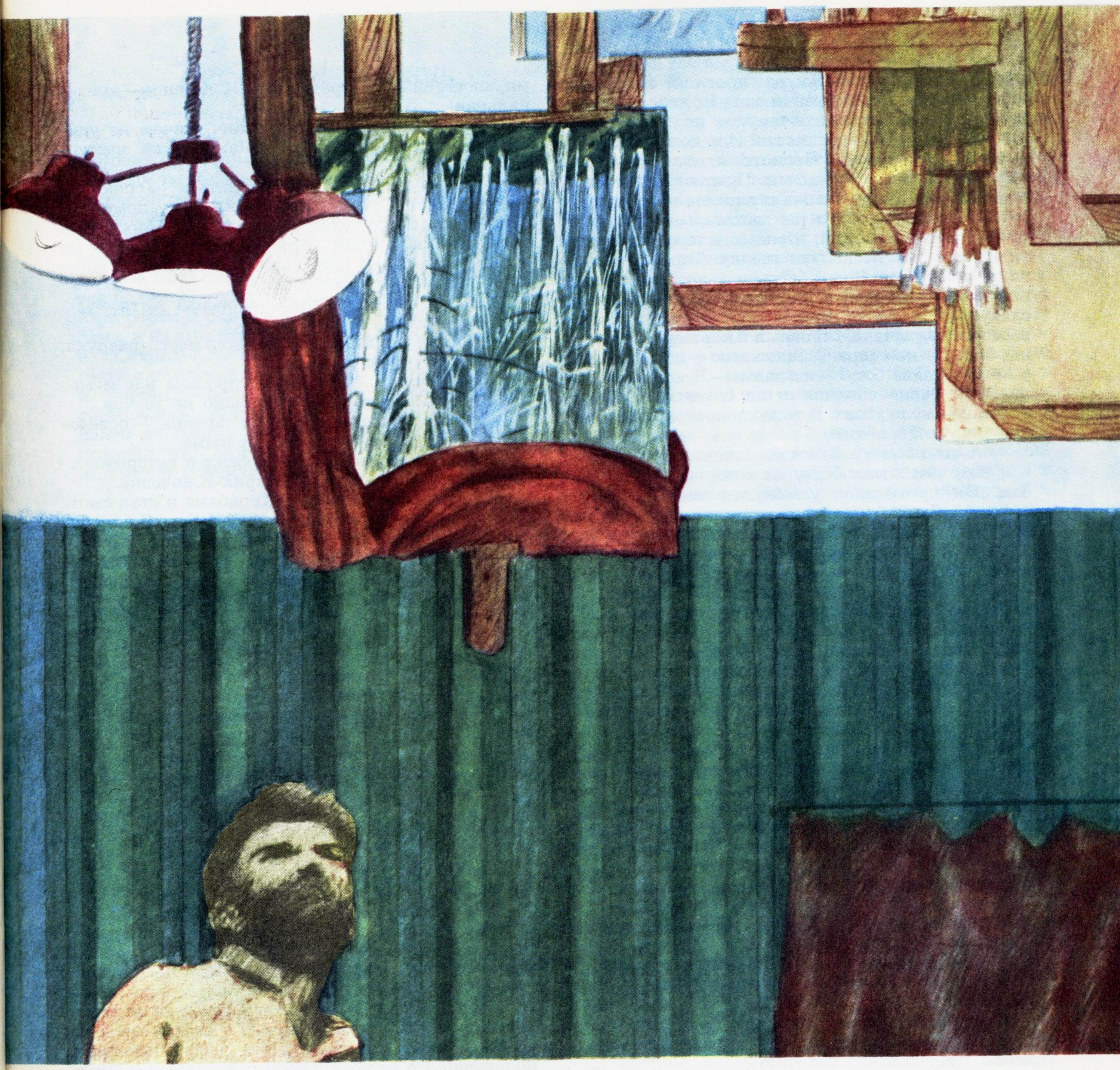
— Потому это что «Человек с Мнимой осетриной»! Я его так прозвал! А 83 — это год, чтоб запомнить навеки! И никогда больше не попадаться в такие операции...

— Он обещал еще раз прийти? — спросил я.

— В том-то и дело! — мстительно прошипел папа.— Уж я окажу ему достойную встречу!

Папа и Тарабам рисуют картины

С некоторых пор папа перебрался работать на потолок — со всеми своими картинами, подрамниками, холстами, красками, кистями, муштабелями, мольбертами и прочим живописным скарбом. Папа говорил, что таким образом он удвоил свою жилплощадь: на потолке теперь была мастерская, а на полу осталась просто жилая комната, где папа спал, а также завтракал, обедал и ужинал вместе со всеми, как раньше, и — конечно же — чаевничал. Или просто отдыхал. Мастерская на потолке получилась просторной, ведь там не стояло никакой мебели — только торчала посередине люстра. Еще папа уверял, что мастерскую на потолке иметь очень выгодно, потому что картины там смотрятся совсем по-иному, нежели на полу, и это помогает ему в работе. И с этим я, побывав в мастерской на потолке, согласился: действительно, картины смотрелись там как-то свежее. Все это устроил Тарабам: без него, как вы сами понимаете, ничего бы не получилось. Тарабам весьма гордился расширением квартиры-108, он по целым дням не слезал с потолка, тем более, что тоже занялся живописью. Ну, и Кате с Юрой там тоже очень нравилось. Правда, иногда они играли и на полу папиной комнаты, и в детской, и на кухне, но на потолке, в

Папина комната выглядела теперь весьма странно...

новой замечательной папиной мастерской, им, конечно, нравилось больше всего.

Когда я впервые побывал в этой мастерской, она меня, естественно, огорошила. Да и вся папина комната выглядела теперь весьма странно. Представьте себе: внизу тахта, стол, стулья, стенка с книгами, посудой и встроенной стереосистемой, а вверху — вверх ногами — мольберты, табуретки, картины и прочие живописные принадлежности — и ничего не падает! И еще сидят там вниз головами папа, Тарабам, Катя, Юра, а иногда и мама, и каждый спокойно занимается своим делом. А еще звучит оглушительная музыка...

В тот день, когда я впервые все это увидел и поднялся в мастерскую — взмыл в нее, как на крыльях, — у меня даже голова закружилась! Отдышавшись, я подошел по потолку к папе, который сидел за мольбертом и вписывал в пейзаж сразу несколько гаечек. Ведь я пришел посмотреть именно на эти гаечки, или — как папа их называл — камертоны.

— Эге! — воскликнул я, и довольно громко, потому что музыкальный фон все заглушал. — Эге! Так ты вписываешь сразу целых пять камертонов! Зачем так много?! Ведь ты говорил, что хватит и одного! Все равно их потом замазывать...

— А вот и нет! — улыбнулся папа. — Их замазывать уже не буду! — Он тоже кричал во все горло.

— То есть как? — удивился я.

— Юра! Прикрути-ка музыку! — крикнул папа и, когда музыкальный фон стал более терпимым для ушей, начал объяснять. — Дело в том, что, когда я в последний раз принес в приемную комиссию новый пейзаж — камертон был в нем уже замазан, ибо сослужил свое дело, — кто-то вдруг спросил: «В прошлый раз вот здесь, по-моему, была гаечка?»

«Была,— сказал я.— Но ее просили замазать». «Действительно,— вспомнил он.— Но теперь, как ни странно, этой гаечки почему-то не хватает! Не могли бы вы ее снова вписать? И может быть, даже не одну, а несколько... Посмотрим, что получится». «Ну, что ж»,— согласился я. Признаться, я этому очень обрадовался: ты же помнишь, как Тарабам грустил, когда я в тот раз замазал его гаечку. Я принес картину домой, и мы вместе с Тарабамом вписали в нее несколько гаечек. Тарабам был в полном восторге! Видел бы ты, с какой любовью он над ними трудился! И они получились у него на славу... Да что там Тарабам! Вся комиссия была в восторге от гаечек! И теперь я в картинах камертоны больше не стираю! Вписываю — и сдаю...

— Ну, слава богу! — сказал я.— В конце концов не все ли равно: с гаечками или без них,— лишь бы картины имели успех. И ты получал гонорар. А что там рисует Тарабам?

— А ты посмотри! — сказал папа.

Я подошел к мольберту, за которым сидел Тарабам. Он приветливо улыбнулся мне и встал с табурета. Я с любопытством уставился на огромный холст, наклонно закрепленный на мольберте лицом к окну. Огромная картина писалась масляными красками... «Хотя что это за картина! — мелькнуло у меня в голове.— Чепуха какая-то!» Судите сами: на огромном холсте возвышалась под синим безоблачным небом куча металлолома. Где-то на горизонте чуть виднелись полуголые искривленные деревья. А в куче металлолома собраны были гаечки, болты, винтики, пружины, электрические провода со штепселями на концах, вставленными в розетки, хотя провода от этих розеток и штепселей не вели никуда; еще валялись в куче мотки проволоки, колеса — большие и маленькие, пустые консервные банки и еще какие-то непонятные ржавые железки... Должен, однако, признаться, что написано было все очень тщательно и весьма материально. То есть железо было железом, жесть — жестью, ржавчина — ржавчиной! До того материально, что хотелось все это взять и выбросить в мусоропровод! «В чем смысл такой картины?» — подумал я.

— В чем тут смысл? — громко спросил я.— И как это называется?

— Это называется «Металлолом. Материал для размышления № 1»! — торжествующе ответил папа.

Мне хотелось сказать, что это полнейшая чепуха, но я сдержался: ведь автор гордо стоял передо мной.

— Да-а,— хмыкнул я возможно более многозначительно.— Интересно! Весьма интересно!

Тарабам поклонился со счастливым видом.

— Мне эта картина тоже очень нравится,— сказал Юра.

— И мне,— сказала Катя.

В это время в мастерскую поднялся Старик-Ключевик.

— Замечательная мастерская! — обратился он ко мне.— Не правда ли?

— Замечательная,— согласился я.— Но... но не совсем нормальная...

— Почему? — спросил Ключевик.

— Ну, как-то, знаете... так: вверх ногами все,— сказал я.

Я был удручен картиной Тарабама и хотел хотя бы отчасти высказать свое сомнение в логичности всей этой потолочной деятельности.

— А по-моему, вполне нормальная мастерская! — одобрительно сказал Старик-Ключевик, ловко передвигаясь по потолку между мольбертами, люстрой и табуретками.— И главное — оригинальная!

— Да! Вас, Аполлон Иванович, ничем не удивишь! — рассмеялась мама.— Даже такой мастерской!

— А чему тут, простите, удивляться? — спокойно оглядел всех Старик-Ключевик.— Вот, помню, в семнадцатом году ехал я поездом из Москвы в Ташкент... за хлебом... три месяца ехал, и все на крыше вагона. И все ехали на крышах вагонов — вот было удивительно!

— А почему на крыше? — спросила Катя.

— Да,— сказал Юра,— почему?

— Потому что в вагонах не было мест... разруха, война, и все куда-то ехали...

— Не выпьете ли чайку? — спросила нас мама.

Но все отказались. Как-то было не до чая.

— Ну, как продвигается твоя картина? — осведомился Старик-Ключевик у Тарабама.

— Вы ее уже видели? — спросил я осторожно.

— А как же! — кивнул Старик-Ключевик.

Он подошел к мольберту Тарабама и стал смотреть на картину, склонив голову набок. Я с любопытством ждал, что он скажет.

— Прекрасно! — прошептал наконец Старик-Ключевик.— От этой картины я молодею душой! Вспоминается юность. В начале века подобные вещи были весьма популярны...

— Ну, пожалуй, не совсем такие,— возразил я.

— Не совсем, но все-таки,— сказал Старик-Ключевик.— В сущности, мне это знакомо. А некоторую новизну можно только приветствовать. Предсказываю вам, что эта картина будет иметь сногсшибательный успех!

— Нет, вас окончательно ничем не удивишь! — повторила мама свою мысль.

— И не возмутишь,— откликнулся папа.

— Но почему же,— сказал Старик-Ключевик.— Был однажды случай, когда я был и удивлен, и растерян, и даже возмущен...

— Что-то не верится,— улыбнулась мама.— Где это было?

— На Западе,— сказал Старик-Ключевик.— Я был там в командировке от нашего археологического общества в Вене. Жил в гостинице... и решил как-то душ принять. А у них там — представляете! — так экономят воду, что нельзя ее лить сколько хочешь. Возле крана висит на стене автомат: опустишь десять пфеннигов — и вода польется. Но не без конца, а сколько на эти десять пфеннигов положено. А я не знал! Опустил десять пфеннигов, ополоснулся хорошенько, а потом намылился. И тут вдруг вода кончилась! А мелочи у меня больше не было! Ни пфеннига! Что прикажете делать?

Старик-Ключевик оглядел всех сверкающим взором — в его глазах горело запоздалое возмущение.

— Ужасно! — продолжал Старик-Ключевик.— Я туда, я сюда — воды нет... Хожу по номеру весь в мыле...

— Страшно,— сказала Катя.

— Да-а,— посочувствовала мама.— Не позавидуешь...

— Еще бы! — гордо воскликнул Старик-Ключевик.

— И как это вы все так хорошо помните,— удивился Юра.— Что было раньше...

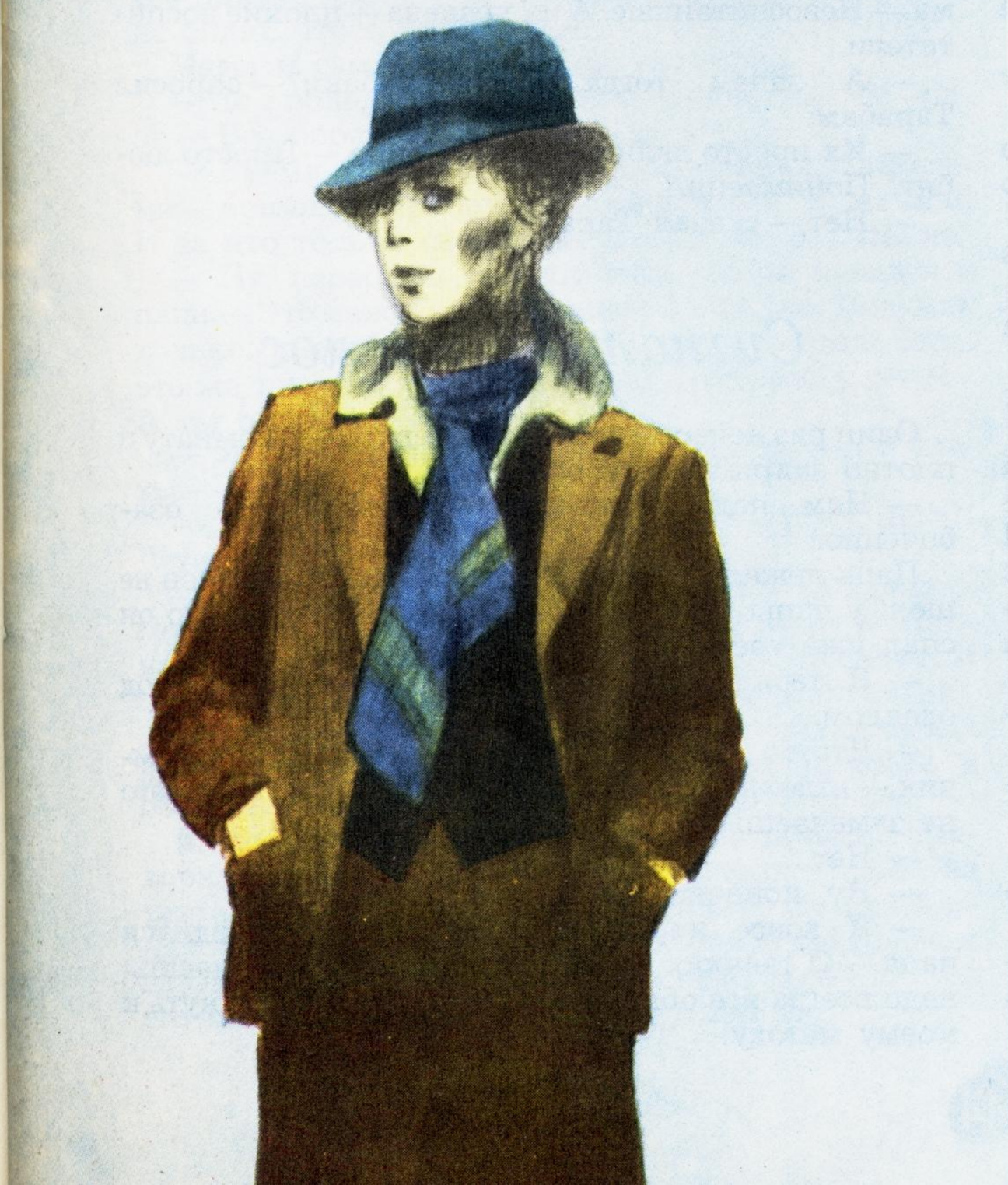
— Помню,— кивнул Старик-Ключевик.— Я, видите ли, могу забыть, что было вчера... И даже что было сегодня... И что будет завтра. Но что было в далекие года — этого я забыть не могу. Это всегда со мной, до самых мельчайших подробностей...

Весенний полет над Москвой

Время шло, Тарабам постепенно освоился в квартире-108 и стал настоящим членом семьи — «третьим ребенком», как говорила мама,— хотя он, конечно, все еще продолжал тосковать по своей далекой родине — звездолету в галактике XYZ; мама продолжала ходить в библиотеку и работать над переводами; папа писал свои картины с гаечками и имел все больший успех; Тарабам ему помогал; Катя и Юра росли и развивались под руководством Тарабама, и на этот счет мама была совершенно спокойна; Старик-Ключевик все так же наведывался в гости и от случая к случаю помогал семье деньгами и советами — большей помощи от него теперь не требовалось: лучшей няньки, чем Тарабам, мама найти не смогла бы, даже сам Старик-Ключевик признал это безоговорочно. Так шло время, и незаметно кончилась зима.

— Там какой-то человек из гастронома...— сказала мама.

Весна в тот год наступила чрезвычайно ранняя и дружная. Кто знает, может быть, и в этом виноват был Тарабам, вернее, его друзья в космосе — может быть, они так активно искали его вокруг Земли и наслали столько звездолетов, что как-то повлияли на наш климат? Кто знает! Так это или не так, но уже в конце марта термометр поднялся до двадцати градусов выше нуля. Такой погоды на Земле еще никогда в это время не наблюдали. Снег стаял в течение одной недели, и к первому апреля в воздухе уже носилась дорожная пыль, потому что к тому же еще и не было дождей. Все растения в Москве и окрестностях были застигнуты врасплох: несмотря на солнечные, жаркие дни, деревья и кусты еще стояли необычно голыми. Почки на них не успевали так быстро распуститься, и трава тоже еще не показывалась. Земля в парках, на бульварах и в скверах Москвы да и во всей округе оставалась черной. Странная была погода!

В один такой ясный и солнечный день, к вечеру, мама пришла домой очень взволнованная. Она скинула плащ, вынула из сумки газету и вошла в папину комнату. Папа сидел за мольбертом и трудился над старым весенним пейзажем, тщательно вписывая в него на первом плане камертон, то есть очередную блестящую гаечку, на этот раз медную. Тарабам прибирался на кухне, ему помогали Катя и Юра.

— Вот, посмотри-ка,— ехидно сказала мама, разворачивая перед папой газету.— Интересная заметка, называется «Гости из космоса» в кавычках!

Папа отложил кисть и хотел было взять газету, но мама быстро отвела ее в сторону, дав папе только взглянуть на заголовок.

— Я сама тебе прочту,— сказала она, присев за стол.— Слушай... «В редакцию поступили многочисленные запросы от некоторых граждан, просящих разъяснить, что за НЛО (неопознанный летающий объект) появлялся вчера над Москвой около двенадцати часов дня. По утверждениям этих якобы очевидцев, объект появлялся в небе при ярком солнце и отсутствии каких-либо облаков; летел медленно и на сравнительно небольшой высоте, а потому был отчетливо виден. Утверждают, что он был блестящим, стального цвета, продолговатым, с ответвлениями наподобие рук и ног, с головой, но без крыльев. Объект, по словам этих граждан, вел себя мирно и никакого шума не производил. Самое же странное во всей этой истории то, что на НЛО якобы сидели верхом мальчик и девочка. В ответ на эти запросы редакция уполномочена заявить, что, по мнению компетентных организаций, никаких подобных полетов ни над Москвой, ни над ее окрестностями не наблюдалось. Специалисты считают, что ввиду необычно жаркой весны, а также вследствие чрезвычайно низкого давления у некоторых граждан могли возникнуть болезненные галлюцинации. Об этом свидетельствует, в частности, и их утверждение, что на НЛО сидели верхом мальчик и девочка,— с точки зрения науки это уж совершенно абсурдно. Редакция, однако, просит читателей и впредь сообщать ей о подобных галлюцинациях, имеющих важное значение для медицины...»

Мама с минуту молча смотрела на папу. Под ее взглядом папа покраснел и заерзал на стуле, опустив глаза... Все было ясно!

— А ну-ка позови всех сюда,— сердито сказала мама.

Папа вышел и тотчас вернулся с Катей, Юрой и Тарабамом. Вид у всех четверых был расстроенный.

— Вот,— сказала мама, хлопнув ладонью по лежавшей на столе газете.— О ваших проделках уже в газетах пишут! Я вам разрешила гулять у нас во дворе, никуда не отлучаясь! А вы что надумали? Летать над Москвой? Неужели вы не понимаете, что это к добру не приведет? Отвечайте!

— Мы только немножко... чуть-чуть,— прошептала Катя.— И папа разрешил...

— Папа хорош, нечего сказать! Взрослый человек, а хуже ребенка. С ним еще будет особый разговор! Но вы... И ты — ты, Тарабам! Как же ты мог это допустить? Я так верила тебе, я доверила тебе воспитание детей, и вдруг... нет, это уму непостижимо! Ведь ты мог их уронить — и что тогда?

— Это исключено,— тихо сказал Тарабам.— Я создал над каждым из них микроклимат невесомости...

— Но почему вы мне об этом не сказали? Вы каждый день летаете?

— Нет,— сказал папа.— Один только раз вчера... Мы хотели тебе сказать, но ты пришла поздно...

— Тарабам рассказал нам две сказки, и мы заснули,— сказал Юра.

— Но папа же не спал! — сказала мама.

— Нет, и я спал,— сказал папа.

— Ах да,— согласилась мама.— Извини...

— И вообще я как-то забыл об этом... Заработался,— пробормотал папа.

— Не обманывай! — рассердилась мама.— Помимо всего прочего, вы еще и трусишки! Вы поняли, что я рассержусь, и побоялись сказать... ведь так?

— Так,— сказала Катя.

Папа, Юра и Тарабам тоже прошептали:

— Так!

— Неужели вы не понимаете, что вас могут задержать! Кате и Юре ничего не будет, а Тарабама могут забрать в какой-нибудь институт для изучения! Неужели вы не понимаете? Вы этого хотите, да?

— Не хотим,— прошептали Катя и Юра.

— Я понял, что совершил грубейшую ошибку,— медленно и ровно проговорил Тарабам бархатным голосом.— Я глубоко раскаиваюсь. Я больше не буду. Даю вам железное слово робота!

Катя и Юра стояли с поникшими головами, и мама поняла, что они сейчас зарыдают.

— Ну ладно,— сказала она примиряюще.— Кто не ошибается! Но я Тарабаму верю. Я верю, что этих полетов больше не будет...

— Благодарю вас,— сказал Тарабам.— И впредь я обо всем буду сначала советоваться с вами.

— Подойдите-ка сюда, шалунишки! — подозвала мама Катю и Юру.— И ты, Тарабам, подойди...

Все трое подошли к маме, и она обняла их с нежностью.

— Когда я прочитала на работе газету,— сказала она,— я чуть в обморок не упала! Я сразу все поняла. Я помчалась домой как сумасшедшая! Я все время думала, представляла себе, как вы сейчас где-нибудь летите! И что вы врезаетесь в какой-нибудь дом или в электрические провода! Что вы уже где-нибудь в больнице... Боже, что я пережила!

— Я был очень внимателен,— сказал Тарабам.— Ничего такого случиться не могло.

— Но ты уже однажды попал в Черную дыру,— сказала мама.— Сам же рассказывал.

Тарабам потупил глаза.

— Тогда я был еще маленький,— пробормотал он.

— Как будто сто лет прошло,— рассмеялась мама.— Ты и сейчас еще маленький. Ты у нас всего четвертый месяц.

— Роботы развиваются быстрее людей,— сказал Тарабам.— Для нас месяцы — как для вас годы. И сейчас я уже совсем взрослый робот...

— А папу будешь ругать? — спросила Катя у мамы.

— Не буду! Оставим это... Расскажите-ка лучше, как вы летали. Интересно было?

— Очень интересно,— сказала Катя.— Ветер и солнце... и люди все такие ма-аленькие...

— Здорово! — сказал Юра.— Мы к нашему окну подлетали, и папа махал нам рукой... а потом мы ка-ак поднялись! Вжу-у-у! Вжу-у-у!

Мама укоризненно взглянула на папу.

— А как тебе понравилась наша Москва? — спросила она Тарабама.

— Замечательный город! — воскликнул Тарабам.— Такой техничный. Всюду строят и строят... Но особенно мне понравился Кремль... рубиновые звезды на башнях. И проспект Калинина. И люди — все куда-то спешат, спешат... тысячи...

— В Москве восемь миллионов жителей,— вставил папа.

— Мне только одно непонятно,— сказал Тарабам,— когда мы летали над бульварами и над скверами, мы там видели каких-то странных существ. Такие маленькие, на четырех ногах. И они все водят за собой на веревочках людей...

— Так это же собаки! — воскликнул Юра.

— Совершенно верно! — подтвердила мама.— Это собаки. Но вовсе не они водят людей — люди их водят. Гуляют с ними. Ты не понял.

— Нет,— возразил Тарабам.— Я именно видел, что эти... как вы сказали — собаки? Что они водят людей! Куда собаки потащат, туда и люди бегут...

Все рассмеялись.

— Бестолковый ты какой-то,— сказал папа.— Водят люди.

— Но я же видел! — чуть не плача, крикнул Тарабам.— Собака сюда — и человек сюда, собака туда — и человек туда... Я внимательно наблюдал. А некоторые люди даже падали, когда собака сильно дернет...

— Это просто плохие собаки,— сказала мама.— Невоспитанные. А их хозяева — плохие воспитатели.

— А зачем тогда такие собаки? — спросил Тарабам.

— Их просто любят,— сказал папа.— Просто любят! Понимаешь?

— Нет,— сказал Тарабам.

Сигналы в космос

Один раз вечером мама зашла к папе в комнату и плотно закрыла за собой дверь.

— Нам надо поговорить,— сказала она озабоченно.

Папа лежал на тахте, пытаясь заснуть, но сон не шел: у папы наступила бессонница, потому что он спал уже третьи сутки.

— Я тебя слушаю,— сказал он, усевшись под одеялом.

— Что-то меня беспокоит наш Тарабамчик,— вздохнула мама, присев рядом.— Ты ничего не замечаешь?

— Нет...

— Ну, конечно, ты же все спишь!

— Я вовсе не сплю, а думаю! — рассердился папа.— О гаечках и металлоломе! Ты же знаешь: надо всегда все обдумать... Пора уже привыкнуть к моему методу!

«Самое же странное в этой истории,— было написано в газете,— что на НЛО якобы сидели верхом мальчик и девочка».

— Не кипятись! — махнула мама рукой.— Спи сколько хочешь... то есть думай, пожалуйста, о своих гаечках... А заодно подумай о Тарабаме — разве ты не замечаешь, какой он грустный?

— Да, это я тоже заметил... Соскучился, бедный, по дому... по своему космосу

— Мне просто больно на него смотреть,— сказала мама.

— Что поделаешь,— развел папа руками.— Обойдется. Вот поживет у нас...

— Не в нем одном дело! — перебила мама.— Своей тоской он действует на детей... Рассказывает им печальные сказки! Об одиноких болтах, брошенных гаечках и прочей ерунде...

— Для него это не ерунда.

— Подожди,— сказала мама.— Для меня сейчас важнее состояние детей. Они совсем духом пали... все плачут над этими сказками... Какой-то бред! Я не знаю, что с ними будет!

Мама и сама готова была заплакать.

— Не волнуйся,— пытался успокоить ее папа.— Все образуется. Нужно время...

— Время, время! С картинами — время, с деньгами — время, с Тарабамом — тоже время! Боже мой! И за что только свалилось на нас это наказание!

— Ну, перестань, прошу тебя,— заволновался и папа.— Это вовсе не наказание, а счастье. Подумай только: инопланетный робот у нас в гостях. Это... это же так расширяет кругозор. Особенно у детей... А ты плачешь!

— Я... Я не плачу,— сказала мама, вытирая слезы.— Но дети!

— Что дети?! — рассердился папа.— Ну что дети?! Дети развиваются...

— Развиваются?! — вскипела мама.— Пойди посмотри, как они развиваются! Он там сидит и опять несет им какой-то бред об одиноком шурупчике. И они в слезах! И посмотри, что у них в кроватях!

Папа поднялся, накинул халат и вышел за мамой в коридор. Они подошли к детской комнате и остановились, заглянув в приоткрытую дверь.

В комнате было полутемно. У стены слева прикорнул в своей кровати Юра. У стены справа на тахте — Катя. У окна, возле горевшего на подоконнике ночника, сидел Тарабам; зеленые квадратные глаза грустно светились в полумраке, ровно звучал его голос... Папа и мама прислушались.

— ...Маленький медненький шурупчик бесконечно тосковал по далекому роботу! Он тосковал по родному гнезду, по уютной дырочке в правом клапане робота, где шурупчик придерживал крышку... Вокруг была незнакомая, тоскливая планета. Шурупчику она давно уже опротивела...

— По-моему, дети спят,— прошептала мама.

— Тарабам! — тихо позвал папа.

— А? — Тарабам поднял глаза, взглянул на дверь, на детей и вышел в коридор.

— Заснули,— улыбнулся глазами Тарабам.— Плакали, плакали, а потом заснули... Такая печальная сказка! Ее мне всегда рассказывала моя мама... я и сам чуть не разревелся...

— Шел бы ты спать, Тарабамчик,— ласково сказал папа.— Ты ведь тоже устал.

— Спокойной ночи! — вздохнул Тарабам и медленно побрел на кухню: он любил там спать возле холодильника.

Папа и мама на цыпочках подошли сначала к Юриной кровати, потом к Катиной: дети уже крепко спали. Подушки в кроватях были мокрыми. Мама осторожно пошарила под подушками рукой и вытащила из-под каждой целую пригоршню каких-то болтов и гаек...

— Вот видишь,— укоризненно прошептала мама.— Вот с чем они спят! К добру это не приведет! Там еще какие-то железки...

— Вижу,— кивнул папа.— Положи их обратно, и пойдем спать... Что-нибудь придумаем...

Засунув обратно под подушки тарабамовские уникумы, папа и мама вышли из комнаты...

Утром, за завтраком, папа начал по просьбе мамы дипломатический разговор с Тарабамом. Дипломатический — это значит тонкий разговор, с целью выяснить самочувствие и настроение Тарабама. И с целью его взбодрить.

— Прекрасная сегодня погода,— начал папа издалека.— Не правда ли, Тарабамчик?

— Обыкновенная погода,— ответил Тарабам.— Ночью был дождь, а с утра туман. И давление еще снизилось.

— Давление — это конечно,— согласился папа.— А что дождь, это очень хорошо. Первый дождь в эту жаркую весну. Это полезно. И туман тоже.

— Не вижу ничего полезного,— проворчал Тарабам.

— Ну уж! — бодро сказал папа.— Ты только посмотри, как красиво! — Папа указал в окно — там все бело было, дома и деревья растворялись в молочном воздухе.

Тарабам взглянул в окно, но ничего не сказал.

— Ты, наверное, себя неважно чувствуешь? — вмешалась мама, обратившись к Тарабаму.— Голова не болит? Жаль, что тебе нельзя дать таблеток.

— Да нет, чувствую я себя хорошо,— сказал Тарабам.

— А настроение?

— Настроение так себе.

— Скажи нам откровенно: ты скучаешь?

Тарабам с минуту помолчал, глядя в стол. Потом поднял на всех грустные глаза.

— Вы только не обижайтесь на меня,— сказал он проникновенно.— Мне у вас очень хорошо. Я вас полюбил. И без вас буду сильно скучать... Но сейчас... но сейчас я хочу домой... к папе и маме.

— Не волнуйся, Тарабамчик! — сказала Катя.— Тебя скоро найдут.

— Я тоже так думаю,— кивнул папа.— Я уверен, но и нам надо бы предпринять какие-то шаги...

— Какие? — спросила мама.

— Ну, может быть, обратиться в космический центр?

— Нет, этого делать не стоит... да и чем они могут помочь? Пока еще инопланетных связей не существует...

— Я тоже думаю, что этого делать не надо,— ска-

Сооружение на полу папиной комнаты, похожее на какое-то железное чудовище, тихо потрескивало, жужжало.

зал Тарабам. — Еще зачислят меня в штат, и я там задержусь надолго.

— Но надо что-то делать! — сказал папа. — Почему тебе самому не попробовать послать какие-нибудь сигналы? Ведь Юра выходил с тобой на связь! Когда ты попал в Черную дыру... и даже вызволил тебя оттуда!

— Я вас понимаю, — сказал Тарабам. — Но, во-первых, это была чистая случайность. Один возможный вариант из триллионов невозможных...

— Но остатки Юриной аппаратуры еще сохранились, — сказал папа. — Они в шкафу. Почему не попробовать? Если тебя тоже ищут, то, может быть, что-нибудь получится?

— Мощность Юриной системы маловата, — сказал Тарабам. — Вот если бы у нас было еще два телевизора... можно было бы попробовать.

— У Ключевика еще два телевизора! — воскликнул Юра. — Надо у него попросить!

— Это не совсем удобно, — сказала мама. — Не можем же мы лишить его всех телевизоров... Он тогда останется безо всякой информации.

— Пусть смотрит телевизор у нас! — сказал Юра. — Ему даже веселей будет!

— А с тремя телевизорами у тебя что-нибудь получится? — спросил папа.

— Не знаю, но можно попробовать, — сказал Тарабам. — Я же вам говорил, что я не теоретик... Космическая связь для меня малознакомая область... Но можно попытаться.

— Я сделаю! — воскликнул Юра. — Так попробую, и так попробую, и так — и получится!

Все рассмеялись.

— Ты только не воображай! — сказал папа. — А с Ключевиком я поговорю, он добрый. Я думаю, он нам не откажет.

— Только надо очень тонко поговорить, — сказала мама. — Дипломатически. Начать издалека — с самочувствия Тарабама... что ему так тяжело...

— Это понятно, — сказал папа. — Можете на меня положиться...

Разговор с Ключевиком состоялся у папы в тот же вечер. И что бы вы думали? Старик-Ключевик согласился сразу же, с полуслова, папе даже не надо было развивать тонкую дипломатию. В тот же вечер телевизоры внесли в квартиру-108, и Тарабам с Юрой начали над ними колдовать. Они там что-то отсоединяли, присоединяли, отпаивали, припаивали... Мама и Катя ходили вокруг на цыпочках. А Старик-Ключевик сидел в маминой комнате и смотрел и слушал нормальный цветной телевизор. Он сказал, что ему давно надоело смотреть сразу два телевизора — слепой и глухой — и он с наслаждением смотрит и слушает один телевизор. «Какой он все-таки добрый и тактичный человек!» — подумали все в квартире-108.

В тот вечер Тарабам и Юра возились долго, но ничего не добились. Работа продолжилась на другое утро и длилась еще три дня. Наконец что-то у них там получилось. Так сказал Тарабам. Странное сооружение на полу папиной комнаты, похожее на какое-то железное чудовище, тихо потрескивало, жужжало. Оно работало сутки напролет, неделю за неделей. Три кинескопа сияли синеватым светом. Тарабам сказал, что, по его мнению, сигналы уходят в космос с определенными интервалами. Он даже как-то заметно повеселел. И все повеселели. Но странное сооружение работало, излучая невидимые сигналы, а космос в ответ молчал...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Гамма

— Марш на прогулку! — командует мама,
Строгая дама по имени Гамма.
И друг за дружкой построились в ряд
Семеро чинных послушных ребят.

Но оглянуться она не успела,
ФА засмеялась и к ДО подлетела,
СИ обнаружилась рядышком с МИ.
Вот наказанье с такими детьми!

— Мамочка, можно я с ЛЯ поиграю? —
Пискнула РЕ (по порядку вторая).
— Мамочка! — ЛЯ подхватила. — Без РЕ
Я не желаю гулять во дворе!

СОЛЬ продолжала шагать в одиночку.
Мать похвалила примерную дочку:
— За послушанье что хочешь проси!
— Можно пристроиться к МИ или к СИ?

— Что ж, поиграйте! — позволила мама,
Строгая дама по имени Гамма.
И заиграли, запели в ответ
Скрипка и флейта, фагот и кларнет.

Морская белка

Солнечный хвост распуская,
Носится белка морская.
Скок с парохода в воду —
И к новому пароходу.
То на волнах, то в шлюпке,
То на штурманской рубке,
По мачтам и по канатам
Скачет лихим акробатом,
Над капитанским мостиком
Машет веселым хвостиком,
Шляпу с кого-то сбивает.
Вы скажете: «Так не бывает!
В воде не водятся белки!»
А чьи же это проделки?

перевод с французского
В. Берестова

Марчелло АРДЖИЛЛИ

Капризный зонт

СКАЗКА

Больше всего на свете он любил свой зонт. Ему не хотелось расставаться с ним даже ненадолго, поэтому он всегда носил его с собой и на улице раскрывал даже в солнечные дни. А что тут удивительного? Зонт ведь был необыкновенный и защищал от всего: от палящих лучей, от ветра, от града, от цветочных горшков, падающих с балконов, от молний. Короче говоря, это был самый прочный, самый непробиваемый зонт на свете — зонт, который ничего не боялся.

Нет, кое-чего он все-таки боялся. И это обнаружилось в один ненастный день, когда хозяин вышел из дому без плаща — ведь у него был с собой зонт! Но едва первые капли дождя забарабанили по зонту, тот начал чихать, закрываясь при каждом «апчхи!».

— Бессовестный! — кричал он на хозяина.— Хочешь меня простудить? Хочешь, чтобы я схватил бронхит или воспаление легких?

Да, зонт боялся воды. Чтобы не промокнуть, он решительно закрылся, и открыть его снова хозяину уже не удалось.

Нетрудно себе представить, в каком виде владелец зонта вернулся домой. И все-таки он по-прежнему брал его с собой. Только теперь никогда не забывал надеть плащ. Стоило начаться дождю, хозяин первым делом закрывал зонт и прятал под плащ.

— Что поделаешь,— успокаивал он себя,— у всех есть недостатки, даже у зонтов.

Кругозор

СКАЗКА

— Зрение отличное! — подтвердил врач во время медицинского осмотра в школе.— Десять диоптрий из десяти возможных!

Благодаря такому зрению она раньше всех на остановке могла разобрать номер приближающегося автобуса, единственная в классе умела читать книгу на расстоянии двух метров и невооруженным глазом видела микроскопических букашек на лепестках цветов.

Разумеется, она очень гордилась своим зрением и без конца испытывала его. Дома, оторвавшись от книжки с картинками, она поднимала глаза и посылала взгляд за окно. Она видела последние дома на окраине города, за домами — поля, за полями — цепочку холмов и даже каждый холм в отдельности. Но перед холмами взгляду приходилось останавливаться — дальше они его не пускали.

— Жалко, что вокруг столько холмов,— сокрушалась она,— не то бы я увидела Рим, Сицилию, а может быть, даже и Африку.

Однажды, путешествуя с родителями, она попала на огромную равнину.

— Наконец-то я проверю, на что способно мое зрение,— сказала она.

Взгляд отправился в путь, пересек поля и луга, миновал одну деревню, другую, перешел реку — никогда еще он не забирался в такую даль! Все вперед и вперед — снова деревня, снова поля, но тут взгляд достиг горизонта и остановился.

— Дальше, дальше! — попросила она, широко открывая глаза и напрягая зрение.

— Прости,— ответил взгляд,— но дальше я не могу.

— Ну, пожалуйста, попробуй! Там, впереди, Флоренция, мне так хочется ее увидеть!

— Глупенькая девочка, разве ты не знаешь, что земля круглая, а я могу перемещаться только по прямой?

Таким образом девочка с необыкновенным зрением поняла: надо довольствоваться тем, что видишь по эту сторону горизонта.

Пересказала с итальянского Е. ДМИТРИЕВА.

Как всегда, в конце учебного года компетентное жюри: писатели Григорий Горин, Александр Курляндский, Эдуард Успенский, артист Андрей Миронов и режиссер Ролан Быков — подвело итоги конкурса «Невыдуманные диалоги».

Новыми лауреатами стали: Ира Ватбольская, поселок Ударный Мордовской АССР, Катя Неволина и Света Нуйкина, г. Челябинск, Илона Патрушева, г. Нижний Тагил Свердловской области, Тома Минакова и Марина Кладова, г. Барнаул, Евгений Николаев, г. Томск.

«Переменка» поздравляет всех победителей конкурса и обращает внимание на то, что чувство юмора в этом году явно преобладало у девочек. Будущие мужчины! Соберитесь с силами и докажите, что и среди вас немало юмористов!

Наш конкурс продолжается.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель: Чем отличается древнейший человек от настоящего?

Ученик: Он был шерстяной.

Г. Имамова и Л. Колосова,
г. Нижневартовск,
Тюменская обл.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учитель: Как определить возраст дерева?

Ученица: По обручальным кольцам.

Люда Евдокимова,
г. Верхняя Салда,
Свердловская обл.

НА УРОКЕ ТРУДА

Учитель: Какие части верстака ты знаешь?

Ученик: Кувалда.

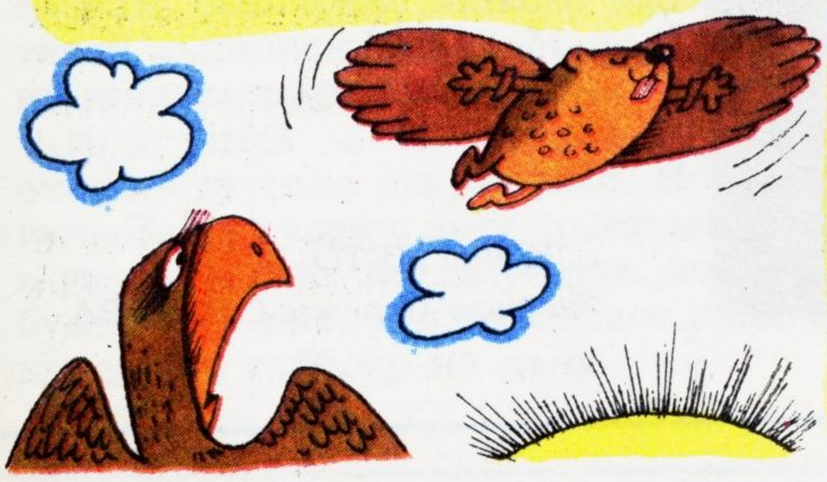
Алексей Пинчук,
г. Энгельс.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница: Зайцы заготавливают на зиму корм?

Ученица: Да, они собирают кору и складывают ее в штабеля.

Наташа Славкова,
пос. Парма Коми АССР.

Из школьных сочинений

«Суслика, парящего в небе, заметил орел».
«Воины выхватили из-под пиджаков ножи и убили Юлия Цезаря».
«В своих сапогах я чувствую себя как дома».
«Вот-вот должна была разразиться драка. Они смотрели друг на друга, стуча зубами».
«У Вовы синяк под глазом, который ему очень к лицу».
«Половцев было во много раз больше, чем Игоря».
«Кольчуга — это железный наконечник для рыхления земли».
«У него была шпага с одним патроном».
«Занавес открылся, и аплодисменты громко захлопали».

За серьезное и несерьезное поведение на «Переменках» детей и взрослых отвечает В. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Наташе ОСТРОВСКОЙ 13 лет,
живет она в Москве,
учится в школе № 167.

Дружить должны все

Дружить должны все:
континенты, страны,
дружить должны
и моря-океаны,
цветы и леса,
и звери, и люди...
Так не было раньше,
теперь это будет!

Наш шарик земной
не устанет крутиться.
Так пусть же поют всегда
весело птицы,
пусть счастливы будут
на свете все люди.
ТАК НЕ БЫЛО РАНЬШЕ,
ТАК ПУСТЬ ЖЕ ТАК БУДЕТ!

В «Кораблик» пришло письмо из Липецка.

— Постой-постой! — сказал капитан, внимательно разглядывая обратный адрес. — Анатолий Фисенко? Не тот ли это Толя Фисенко, стихи которого мы брали на борт давным-давно? Нет, тот должен быть теперь взрослым человеком. Должно быть, нам пишет его однофамилец...

Капитан распечатал конверт. Там оказалось несколько стихотворений и письмо. Капитан прочитал письмо и радостно объявил:

— Похоже, это тот самый Толя Фисенко, наш старый друг! Теперь он руководит в Липецке литературным клубом «Альтаир» при Доме пионеров. Прислал нам стихи своих учеников.

Три стихотворения альтаирцев «Кораблик» принял на борт.

Рома БИРЮКОВ,
школа № 50, 6-й класс «В».

* *
*

Под прозрачным сводом
неба
Зеленеют всходы хлеба.
Знают взрослые и дети:
Хлеб — хозяин в целом
свете.
А еще вернее — друг!
Это я сказал не вдруг,
Потому что, как без друга,
Нам без хлеба очень туго.

Костя ФУРСОВ,
школа № 50, 6-й класс «Д».

Лето

Повелось, что для поэта
Нет прекраснее поры:
Зеленью сверкает лето,
И цветов пестрят ковры.
Только мне зима милее:
По дворам поземка веет,
Извалявшись весь в снегу,
Вместе с нею я бегу.

Дима СЛОВЬЕВ,
школа № 50, 6-й класс «А».

Вечер

Наступает вечер —
Засыпают все,
Только желтый месяц
Светит в синеве.

Звезды, словно птицы,
Водят хоровод...
И кому не спится —
Все равно уснет.

*

«СКОРО ЛЕТО».
Рисунок Сережи СУСЛОВА.

«АКРОБАТЫ». *Работа Саши СГРАБИЛОВА.*

*

Наташа ТУРДЫЕВА — москвичка, учится в школе № 80, в 5-м классе «А».

Бельчонок Мик

Я и моя подружка Ира возвращались с прогулки на дачу к дедушке. Ира вдруг толкнула меня и показала на рыженький шарик, который лежал у калитки.

— Это же бельчонок,— тихо сказала Ира.— Откуда он тут?

Мы осторожно взяли бельчонка на руки. Он был теплый, мягкий. Дедушка удивился находке и достал из кладовой старую птичью клетку. Мы накрошили печенья, налили в блюдце молока и положили в клетку. Сначала бельчонок вставал лапками в блюдце, окунал мордочку поглубже. А потом начал лакать, закусывая крошками печенья.

Дедушка положил в клетку ваты для гнездышка: мы не знали, сколько у нас бельчонок пробудет, может, долго.

— Если его бросила мама,— сказала Ира,— приютим на лето, а потом отдадим в зооуголок.

— Сейчас поздно,— сказал дедушка.— Пусть он переночует, а утром поищем его маму. Только бельчонка надо как-то назвать, если он задержится у нас.

Мы начали предлагать имена. И наконец решили назвать бельчонка Миком. Это ласковое имя. Был такой мышонок Микки-Маус. У меня есть картинка из кинофильма о нем.

Ира ушла, а я занесла клетку в кладовую, оставив дверцы открытыми. Но Мик не стал убегать. Завернулся в вату, выставив наружу хвостик, и уснул. А я не могла уснуть, все думала, долго ли будет он у нас, увидят ли его папа и мама, когда приедут в субботу на дачу.

Утром Мик выбрался из ваты и стал похрустывать печеньем. Я надела шорты и анараку — кофту с капюшоном и карманом спереди: решила отправиться на поиски мамы Мика. Посадила малыша на плечо, он сидел, сидел и вдруг шмыг в карман анараки! Как маленький кенгуру. А может, принял меня за дерево, а карман — за дупло... Потом вылез из кармана, уселся у меня на плече да прижался мордочкой к уху.

Когда я пришла к Ире, начался дождь. Далеко ударил гром. Мик испугался и соскочил с плеча прямо на крыльцо. Сидит, сложив лапки, и ждет меня. У Иры был котенок, его звали Пушок. Пока мы с Ирой думали, как быть дальше, бельчонок стал играть с Пушком. Они бегали по веранде, Мик вспрыгивал на кресло. Было как в цирке!

Мы так и не нашли маму Мика. Он остался на даче. Мама и папа очень удивились малышу и сказали, что мне надо купить побольше книг о животных. Мик на ночь забирался в клетку, а днем бегал по траве или вспрыгивал на деревья. Но всегда возвращался, будто дрессированный.

И все-таки он нас покинул. Рано утром ко мне постучалась Ира. Она была в слезах. Пропал котенок. Я тихо оделась, чтобы не будить дедушку, и вышла к Ире, захватив Мика. Мы искали повсюду, но Пушка нигде не было. Я рассказала все дедушке, а Мика пустила в клетку. Дверцы не закрывала, как всегда. Мы позавтракали, потом дедушка пошел кормить Мика. Но бельчонок исчез. Мы очень расстроились. Куда он девался? Неужели нашел маму? А может быть, побежал на выручку к Пушку?

На следующий день мальчик с дачи, которая стоит в самой гуще леса, сказал, что видел и бельчонка и котенка вместе неподалеку. Они возились и играли. Я верю, что это так. Ведь Мик такой привязчивый и верный.

Фазиль ИСКАНДЕР

РАССКАЗ МУЛА

Рисунки М. ПЕТРОВА.

В тот пригожий осенний день мы с моим стариком возвращались с мельницы. Мой старик из любви и уважения к моей мудрости никогда не нагружал меня мешками. Так что впереди нас топал ослик, навьюченный мешками с мукой, а старик мой сзади ехал на мне и погонял ослика.

Мы уже взяли самый изнурительный Напскальский подъем и шли по ровной тропе, проходившей сквозь каштановую рощу. Изредка, наклоняя голову, я успевал хватать попадавшиеся мне каштаны. Я это старался делать, не замедляя хода, чтобы не раздражать моего старика. Отчасти из-за этих каштанов все получилось. Из-за них и из-за ослика, хотя главную вину я с себя не снимаю.

Дело в том, что ослик шел впереди, и он подбирал самые лучшие и самые близко от тропы лежавшие каштаны. В сущности, он подбирал почти все каштаны, а мне доставались только случайные. И это вызывало во мне зависть и дурной азарт. Я от этого забылся, я только думал, как бы не пропустить какой каштан.

Слева от нас вдруг послышался сильный треск в кустах черники, и я мгновенно почему-то решил, что там медведь. Он же очень любит чернику. От ужаса я пустился по тропе сломя голову. Старик мой вскрикнул и от неожиданности свалился с меня. От этого я окончательно потерял голову и бежал, и бежал, и бежал. Так я пробежал с километр, и, наконец, опомнился, и остановился. Только теперь я осознал, что я наделал.

Вспоминая, что случилось, я содрогался от стыда, раскаяния и позора. Медведь? Какой медведь?! Разве я видел медведя?! И как я, старый болван, забыл, что в это время года никакой ягоды нет и медведю в кустах черники нечего делать. Может, чья-то корова заблудилась или в крайнем случае косуля хрястнула веткой. А я бежал, сбросив с себя своего старика. Ужас! Ужас! И что еще дополнительно обжигало меня мучительным унижением, так это то, что все это произошло на глазах у ослика, который не поддался страху и никуда не убежал.

В самом мрачном состоянии души, не зная, что случилось с моим стариком, я стал возвращаться. Я решил, что если обнаружу труп моего старика, брошусь со скалы и разобьюсь. Как раз тут рядом Напскальский спуск и там обрыв метров на сто. Но если он остался жив, думал я, пусть он меня три дня бьет палкой, и пусть я до конца своей жизни не увижу ни одного жеребенка.

И вот я вернулся и увидел, что мой старик сидит на земле, а ослик (позор! позор! он все видел!) спокойно похаживает возле него и осторожно, чтобы не уколоться о колючие коробочки, из которых каштаны еще не выскочили, вытаскивает их оттуда и ест.

— А-а-а, вернулся, волчья доля,— сказал мой старик, заметив меня.

Понурив голову, я подошел к нему и стал рядом с ним. Он с большим трудом встал, и я понял, что он повредил ногу. Проклиная меня на все лады, он кое-как взобрался на меня, согнал ослика на тропу, и мы двинулись домой. Я чувствовал перед своим стариком ужасную вину и готов был нести любую кару. Меня как-то тревожило, что мой старик меня ни разу не ударил.

И вот мы дома. Старик мой остановил меня у самой кухни. Кряхтя, он слез с меня и крикнул домашним:

— Расседлайте эту волчью долю!

Сильно хромая, он вошел в кухню. С ослика сняли мешки, расседлали его, а потом расседлали и меня. Нас пустили пастись во двор, но мне трава в горло не лезла, и я так уж, по привычке, через силу ел ее.

На другое утро ослика выпустили со двора, и он вместе с остальным скотом ушел пастись в котловину Сабида, а меня оставили во дворе. Я чувствовал, что это знак какого-то предстоящего наказания, но какое наказание предстоит, я не знал. И от этого было очень тоскливо. Если бы мой старик меня побил или, лишив еды, запер в сарай, было бы не так тоскливо.

Так три дня в полном неведении я проторчал во дворе. Мой старик ко мне не подходил. Только внуки его, мальчик и девочка, дети его сына Кязыма, пытались иногда меня утешить. Но у меня было такое плохое настроение, что я ничем не мог ответить на их доброту и ласку.

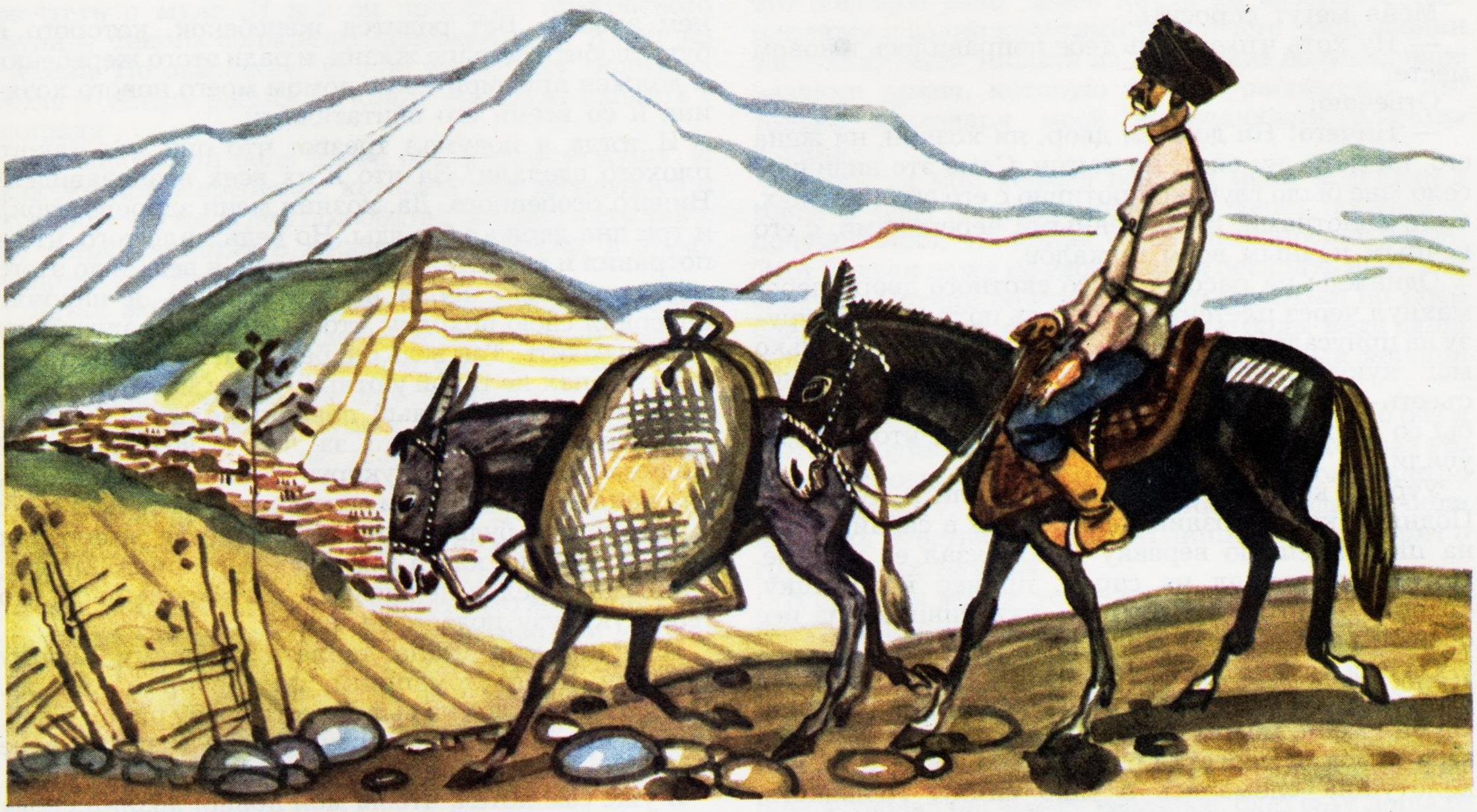
На четвертый день на некрасивой кобыле в наш двор въехал знакомый моего старика. Он жил совсем в другой деревне. Меня охватило самое зловещее предчувствие. Я живо вспомнил, как этот человек встречался в прошлом году с моим стариком и упрашивал его продать меня. Тогда мой старик, конечно, наотрез отказался продавать меня.

И вот именно этот человек сейчас приехал к нам. Он спешился, привязал лошадь, и они вместе с моим стариком вошли в кухню. Все-таки у меня еще была маленькая надежда, что этот человек приехал сюда случайно. Я не слышал, чтобы мой старик за ним кого-нибудь посылал. Они долго оставались в кухне, и я сильно волновался от неизвестности.

Но вот они вышли из кухни и стали подходить ко мне, и сердце у меня замерло. Они подошли ко мне и остановились возле меня. Мой старик сказал, что я во всех отношениях великолепный мул. Что ход у меня ровный и быстрый, а выносливость выше всяких похвал. И он сказал, что продает меня только потому, что сильно осерчал на меня за то, что я сбросил его по дороге с мельницы.

Как ни горько мне было слышать это, все-таки я не мог не подивиться его гордости. Ведь мог скрыть, что я его сбросил, но не захотел. Гордый. Через эту проклятую гордость, я думаю, он и продать меня решил. Как это так, он упал с мула, да еще на глазах у ослика. Может, не окажись этого дрянного ослика, он бы меня не так страшно наказал.

Не знаю, за сколько они сговорились, но мой старик продал меня. Шею мне обвязали веревкой, человек этот взял за конец ее и сел на свою кобылу.

Мой старик из любви и уважения к моей мудрости никогда не нагружал меня мешками.

Все домашние вышли провожать меня, и старуха, жена моего старика, столько раз кормившая меня кукурузой, причитала по мне, как по мертвому:

— Бедный Арапка, бедный Арапка!

И жена Кязыма, сына моего старика, говорила:

— Бедный Арапка, неужели мы тебя больше не увидим?!

А дети ее, милые дети, обнимали меня, целовали и плакали. И только мой старик не смотрел на меня, и я старался не смотреть в его сторону, потому что сердце мое разрывалось от горя и обиды.

Моему новому хозяину открыли ворота, и он выехал на своей кобыле, ведя меня за собой на веревке. Мы долго шли к нему домой. Я знал, что счастья в моей жизни больше не будет никогда. Но живое существо, пока оно живет, будь то человек или животное, ищет себе какое-нибудь утешение. И я, шагая за этой тряской вислозадой кобылой, думал, что, может быть, у нее есть дома жеребенок. И этот жеребенок, думал я, будет последним утешением в моей горестной судьбе.

Часов через десять мы въехали во двор моего нового хозяина. Он отвязал от моей шеи веревку и пустил пастись. Я быстро оглядел двор. Тут было полно кур, паслась пара телят, но никакого жеребенка не оказалось. Я тайно следил за кобылой, не ищет ли она кого глазами, но кобыла никого не искала, и было неясно, есть у нее жеребенок или нет. Но я все еще не терял надежды. Я думал, что жеребенок может пастись на выгоне с домашним скотом.

Кобылу расседлали и выпустили на волю. Меня оставили во дворе. До вечера я пасся во дворе, ожидая, что, когда вечером скотина вернется домой, жеребенок придет вместе со своей матерью.

Но вот пришел вечер, коровы подошли к воротам скотного двора и, мыча, стали просить выпустить к ним телят. Телята тоже своим матерям отвечали мычанием. Рядом с коровами у ворот стояла кобыла без всякого жеребенка, и душу мою окончательно заела тоска. Господи, и откуда только взялась моя надежда!

На следующее утро хозяйка вынесла мне несколько початков кукурузы и бросила их передо мной на грязную землю. А ведь жена моего старика всегда выносила мне кукурузу в тазике. Я, конечно, съел початки, хотя прекрасно понимал, что угощают меня не от большой доброты. Меня собирались отправить пастись с местным стадом и хотели, чтобы я, помня об этой кукурузе, вечером снова подошел к дому своего нового хозяина.

Ну что ж, я бежать никуда не собирался. А куда побежишь, если твой хозяин сам от тебя отказался! Не бежать же в лес к медведям? Меня выпустили вместе с хозяйским скотом и этой кобылой. Мы вышли на выгон, и я огляделся. Здесь было около дюжины соседских коров, примерно столько же ослов и лошадей и ни одного жеребенка.

И тут черная туча отчаяния окончательно заволокла мою душу. Внешне я жил, но внутренне чувствовал себя мертвецом. Через несколько дней хозяин оседлал меня, и мы пошли в соседнюю деревню. Все в нем мне было неприятно: и его запах, и его тяжесть, и его привычка грубо одергивать поводья. Я старался идти как можно хуже. Конечно, как я ни старался плохо идти, хуже его кобылы я просто при всем желании не мог шагать.

Но он все-таки был очень удивлен. Несколько раз он сходил с меня, рассматривал мои копыта и бабки и никак не мог понять, что со мной случилось. Он был очень недоволен и все время бормотал проклятия моему старику за то, что тот якобы обманул его.

Пять-шесть раз он выезжал на мне в соседние деревни, и я старался так его трясти, что, думаю, у него селезенка с печенкой поменялись местами. Кончилось это тем, что он перестал на мне ездить и снова перешел на свою вислозадую кобылу.

Меня теперь использовали только для переноски мешков на мельницу или в город на базар. Мой старик использовал меня только для того, чтобы ездить на мне верхом. Теперь на мне перевозили груз, но это меня нисколько не унижало. Я же сказал, что я жил только внешне, внутренне я умер. А мертвому мулу нечего стыдиться. Раз я потерял своего старика, мне все было безразлично.

Меня могут спросить:

— Ну хоть что-нибудь тебе понравилось в новом месте?

Отвечаю:

— Ничего! Ни дом, ни двор, ни хозяин, ни жена его, ни дети, ни скот, ни выгон. Само это низинное село мне было глубоко противно с его обилием мух, с его болотцами, наполненными черепахами, с его вечным ночным воем шакалов.

Однажды на рассвете я со скотного двора перемахнул через плетень и вдосталь потравил кукурузу на приусадебном участке моего хозяина. Сколько мог кукурузных стеблей съел, а что не мог съесть — потоптал ногами. Мне было все равно, что бы со мной ни делали. Я даже хотел, чтобы меня убили.

Утром, конечно, меня обнаружили в кукурузе. Подняли крик, хозяин меня загнал в сарай, надел на шею крепкую веревку и привязал ее к стене. Потом он вышел из сарая, принес колотушку, которой молотят кукурузу, и, ухватившись за нее обеими руками, стал меня бить.

Он бил меня изо всех сил, он бил меня кряхтя, он бил меня, время от времени поплевывая на ладони. Он бил меня, может быть, больше часу, потому что весь взмок, и перестал бить только после того, как колотушка сломалась о мою спину. Ненависть, ярость и отчаяние мои были так велики, что я ни разу не охнул, пока он меня бил. Я не доставил ему такого удовольствия, и именно это его больше всего разозлило. И, конечно, ему еще было жалко сломанной колотушки.

— Будешь глодать доски, богом проклятая тварь, — сказал он, уходя из сарая.

Я понял, что мне не будут давать есть. Пусть я умру, думал я, но никогда не унижусь до того, чтобы жалобными криками напомнить о себе или начать глодать доски сарая. Три дня без капельки воды, без клочка травы простоял я в сарае, а хозяин каждый день приходил смотреть на меня. Видно, он ждал от меня жалобных стонов и виноватых взглядов, молящих о милосердии.

Так ничего и не дождавшись, на четвертый день он вывел меня из сарая, снял с шеи веревку и отпустил на волю. Через неделю я пришел в себя. Люди давно заметили, как вынослив мул, но не все знают, что у мула есть своя гордость и свое достоинство.

Жить я продолжал с местной скотиной, а хозяин мой и его домашние больше меня не трогали. Утром я уходил вместе с хозяйской скотиной на выгон, а вечером вместе со всеми приходил к их постылому дому. Но, между прочим, на скотный двор меня больше не впускали. Остальные животные там зимой получали свою вязанку кукурузной соломы. Я ничего не получал, ел только то, что сам добывал в поле. По ночам я стоял у ворот рядом с вонючим свинарником. Но меня уже ничто не могло унизить, я был мертв изнутри.

И все-таки, как я уже, кажется, говорил, пока живое существо дышит, к нему рано или поздно приходит надежда. Так и ко мне весной пришла надежда. Я заметил, что кобыла хозяина ждет жеребенка.

Я подумал, что если кобыла родит жеребенка, я буду рядом с ним, я буду наслаждаться его близостью, буду любить его и охранять от всех возможных врагов.

И я начал ждать и почувствовал, что душа моя, кровоточащая тоской и отчаянием, стала тихо-тихо заживать.

Да, я любил и люблю своего старика, думал я. Но что делать! Это счастье кончилось, и надо скорее о нем забыть. Вот родится жеребенок, которого я буду любить больше жизни, и ради этого жеребенка я должен примириться с домом моего нового хозяина и со всеми его обитателями.

И тогда я подумал трезво: что они мне такого плохого сделали? За что я их всех возненавидел? Ничего особенного. Да, хозяин меня здорово избил и три дня держал без еды. Но ведь мало того, что я потравил и потоптал его кукурузу, я ведь и до этого ему порядочно крови испортил. Ведь я нарочно коверкал свою походку, чтобы ему неповадно было на мне ездить. Так ведь он, бедняга, не виноват, что у него запах не такой уютный, как у моего старика, голос не такой приятный, повадки не такие мудрые.

А уж хозяйку-то его за что я возненавидел? Подумаешь, бросила кукурузу мне на землю. Ведь она меня не думала этим оскорбить. И я сказал себе:

— Арапка, будь терпимей. Не везде живут так умно и сложно, как в доме твоего старика. Может, они сами тарелок не знают, а ты обижаешься, что тебе кукурузу подали не в тазу.

И душа моя стала теплеть к моему новому хозяину, к его домашним, не говоря о кобыле. Теперь я старался на выгоне есть траву рядом с ней, чтобы кто-нибудь ее невзначай не напугал и не повредил жеребенка в ее животе.

Я уже сам хотел, чтобы мой новый хозяин снова меня оседлал, и я бы ему наконец показал свою настоящую походку. Кроме того, я хотел, чтобы беременная кобыла не таскала его по соседним селам. Мало ли что — испугается чего-нибудь, поскользнется, а жеребенок в животе может пострадать. Но он меня не взнуздывал. Я терпеливо ждал, теплея душой к нему и ко всем его домашним, а жеребенок, надо думать, рос себе в животе у кобылы.

И вот удивительно: как меняется отношение к тому, что человек делал, когда меняется отношение к самому человеку! Теперь, когда я вспоминал то, что было в сарае, я не ощущал ни того ожесточения, ни той обиды. Я даже ощущения боли не мог припомнить. Мне все время припоминалась одна и та же картина, которая казалась мне довольно смешной. Мне вспоминалось выражение лица хозяина, когда у него сломалась колотушка и он от неожиданности растерялся и, взяв в руки оба обломка, все пытался их сложить, словно они могли прирасти друг к другу. И на лице у него проступала какая-то детская обида, он вроде бы говорил:

— Я хотел мула наказать, а наказал себя.

И вот однажды хозяин мой пришел на выгон и, поймав меня, надел на меня уздечку. Он повел меня к дому. Я шел гарцующей походкой, радуясь, что наконец-то я ему понадобился. Нет, думал я, больше я никогда не буду таить от него свой знаменитый, свой бодрый и плавный шаг.

Он привел меня во двор, привязал к забору, и тут к нему подошел совсем незнакомый мне человек. Хозяин стал этому человеку нахваливать мой добрый характер, мою прекрасную походку и неслыханную выносливость. Хотя все это было правдой, мне все-таки было стыдно его слушать. Ведь сам он, мой хозяин, не имел случая насладиться моим мирным характером и великолепной походкой. Единственное, в чем он мог убедиться, так это в моей выносливости.

И вдруг они заговорили о деньгах, и я понял, что он меня собирается продавать и вся его похвала — это бесстыжее вранье, которому он сам не верит.

Он сказал этому человеку, что раньше всегда ездил на мулах, но потом, когда у него умер мул, он вынужден был перейти на лошадь, хотя продолжал

мечтать о муле. И вот он приобрел прекрасного мула у такого солидного человека, как Хабуг из Чегема. Но оказалось, что он уже отвык сидеть на муле и теперь решил до конца жизни не сходить с лошади.

Невыносимая боль снова обожгла мою душу. И как же мой жеребенок, который еще не родился и которого я уже успел полюбить? Значит, я его так и не увижу никогда в жизни? Боже, боже, и этому человеку я готов был все простить!

Душа моя снова омертвела. Мой новый хозяин надел на меня свою уздечку и, сев на мою неоседланную спину, повел меня в свое село. Мы шли целый день и только к вечеру пришли к нему домой. Я был настолько оглушен горем, что шел, не замечая дороги и не пытаясь ухудшить свою походку.

Мы вошли к нему во двор. Чтобы снова не растравлять себе душу, я даже не думал о возможной встрече с жеребенком на этом новом месте. Но я не мог закрыть глаза и не видеть, что во дворе, куда привел меня новый хозяин, жеребенком и не пахнет. Утром вместе с домашней скотиной меня пустили на выгон, и я совсем не думал о возможной встрече с каким-нибудь жеребенком. Я решил больше никого в жизни не любить. Впрочем, никакого жеребенка все равно на выгоне не оказалось.

Не скажу, что новый хозяин со мной обращался хорошо, не скажу, что он со мной обращался плохо. Просто в этой деревне царили грубые нравы как среди людей, так и среди животных.

Мой хозяин приводил меня на мельницу, нагрузив тремя огромными мешками. Для тутошних мест это обычное дело, здесь никто не сообразует вес поклажи с возможностями животного. Мой хозяин заставлял меня таскать из лесу такие неимоверные вязанки драни, которую он там расщеплял, что только благодаря моей выносливости я тогда выжил.

Однажды мой хозяин оседлал меня и поехал в гости в одну далекую деревню. Через полчаса я почувствовал, что спина у меня невыносимо горит. Этот болван даже не удосужился оседлать меня как следует. Потник со страшной силой ерзал по моей спине, причиняя мне неимоверную боль. Беда наша в том, что мы, мулы, человеческий язык хорошо понимаем, но сказать ничего не можем.

От боли я пришел в неистовство. Несколько раз я пытался зубами схватить его за ногу, и один раз это мне удалось. Но он даже не слишком быстро отдернул ногу. Местные животные и люди и к боли не очень чувствительны, что лишний раз говорит о грубости их натуры.

В ответ на мой укус он изо всех сил ударил меня кнутовищем по голове, но при этом, конечно, так и не догадался, почему я себя плохо веду. Несколько раз я взбрыкивал, не в силах вынести боль, лягал воздух задними ногами, потом понес, но этот олух так ничего и не понял.

Любой хозяин в Чегеме в таких обстоятельствах почувствовал бы что-то неладное, слез бы с лошади или с мула, осмотрел бы его, переседлал бы. А этот так и ехал.

То, что я ему выдал самую безобразную походку, и говорить нечего. Думаю, я перемолотил все его внутренности, если они у него не из камней сделаны. Да что толку-то! Я попал в край грубых людей,

Старик мой встал,
все расступились,
и он подошел ко мне.

у которых чувствительности не больше, чем у бревна.

Одним словом, когда мы возратились из этого села и он меня расседлал, оказалось, что спина у меня растерта до крови.

— Ты смотри,— сказал мой хозяин,— оказывается, у него спина стерлась.

А ты, дубина, не подумал, почему я всю дорогу выходил из себя? Он палец о палец не ударил, чтобы как-нибудь полечить мою рану. Всю ночь спина у меня горела, и я не находил себе места. Утром рану мою облепили гроздья мух, и к невыносимому жжению прибавилась невыносимая чесотка.

И я принял отчаянное решение. Я решил смирить свою гордость, бежать от этого урода и вернуться к своему старику, а там будь что будет. В моем безумном решении была и доля разумной догадки. Ум-то свой я все-таки не потерял, несмотря на долгое общение с недоразвитыми людьми и животными.

Мой старик всегда хорошо понимал животных и не выносил неумелого обращения с ними. Вот на это я и надеялся. Я не мог рассказать ему, как меня били, как я три дня без еды и без питья стоял в сарае, что за целую зиму мне не подбросили и вязанки кукурузной соломы, но он мог увидеть своими глазами мою стертую до крови спину и все понять.

Как только меня выпустили на выгон, я ушел. Точной дороги в Чегем я не знал, но я хорошо помнил, что от Чегема до первого села мы шли в сторону восхода и от того села до этого мы опять шли в сторону восхода. Нетрудно было сообразить, что на обратном пути надо держаться в сторону заката.

И я двинулся в путь. Где по дороге, где сквозь леса и горы, где сквозь заросли съедобных и несъедобных растений — на третий день я пришел в Чегем весь в репьях, опавший, одичалый, с роем мух на кровоточащей спине.

Я толкнул головой калитку Большого Дома и вошел во двор. Дверь в кухню была прикрыта, и я очень удивился этому. Неужто нравы старика изменились за время моих скитаний? Ведь он терпеть не может, чтобы дверь в кухню была прикрыта. Но потом я сообразил, что идет дождь и дует сильный порывистый ветер в сторону Большого Дома. Они прикрыли дверь от ветра.

Собака, увидев меня, залаяла, но потом узнала и завиляла хвостом. Нет, все-таки собаки не совсем лишены разума, подумал я мимоходом. Все, что я пережил, стояло поперек моего горла, и я в отчаянии пересек двор, вошел на веранду и, головой распахнув дверь в кухню, остановился в дверях.

В ноздри мне ударил самый сладкий в мире запах, запах родной кухни, откуда мне столько раз выносили кукурузу и другие вкусные вещи. В кухне вовсю пылал очаг, и на большой скамье возле него, глядя на огонь, сидел мой старик, и я увидел его родное горбоносое лицо. Рядом с ним сидел его сын, добрая душа, охотник Иса. А у самого огня, склонившись к котлу с мамалыгой и помешивая ее лопаточкой, стояла жена Кязыма. А в стороне от дверей на кушетке сидела с веретеном старуха, и тут же возились дети Кязыма, мальчик и девочка, которых я не раз катал на себе.

— Арапка пришел! Арапка!— первыми увидев меня, закричали дети и, спрыгнув с кушетки, подбежали ко мне.

— Что я вижу!— закричала жена Кязыма и, бросив свою лопаточку, тоже подбежала ко мне.— Лопни мои глаза, если это не Арапка!

Старуха, бросив свое веретено, тоже подошла ко мне. А Иса, милый Иса, простая душа, увидев меня, прослезился.

— Как он только дорогу нашел!— сказал Иса.

Дорога моя была куда длинней, чем ты думаешь, Иса. Я никогда твоих слез не забуду, Иса. Ты благодарный, ты помнишь, что, когда убил медведя в лесу, две лошади и два осла отказались его везти домой. Они хрипели и в ужасе пятились от этой страшной поклажи. И только я, собрав все свои силы и преодолев отвращение, согласился дотащить его тушу до дому.

Да, все собрались вокруг меня, и лишь мой старик продолжал сидеть у огня и, только повернув голову, сурово смотрел в мою сторону. Нет, нет, я не верил в его равнодушие, я не верил, что все это время он не думал обо мне, не скучал по мне. Но таков мой старик. Ни один человек в мире не умеет так себя в руках держать, как он.

— Арапка вернулся! Арапка!— только и раздавалось вокруг меня. Да, говорил я про себя, вернулся к вам ваш Арапка, вернулся в родной дом после неисчислимых страданий, все так же любящий своего хозяина и преданный ему.

— Дедушка! Дедушка!— вдруг закричали дети, взглянув на мою спину.— У него рана на спине!

Тут старик мой встал, все расступились, и он подошел ко мне. Молча и внимательно он рассматривал рану. Да, да, говорил я про себя, смотри, что со мной сделали.

— Оказывается, этот гяур даже не умеет седлать мула,— с тихой ненавистью сказал мой старик и прибавил:— Иса, поедешь к нему и вернешь ему деньги. Я Арапку беру назад, раз ему невтерпеж там жить.

Тут старуха вынесла мне кукурузу и подала ее мне в тазу, как положено у порядочных людей, а не бросила в грязь. Господи, подумал я, все как прежде, как будто не было долгой разлуки и невыносимых страданий. И опять, как прежде, куры окружили меня в надежде поклевать отскакивающие зерна. Клюйте, милые, клюйте, думал я, Арапка добрый, он снова дома, он снова счастлив.

Мой старик достал из лампы горящую воду, облил ею чистую тряпку и протер рану на моей спине. Сначала сильно жгло, но потом стало гораздо легче, потому что мухи перестали донимать.

В тот же день Иса уехал к моему первому хозяину с деньгами. Я был сильно обеспокоен, что деньги моего старика пропадут. Ведь сказать, что этот хозяин меня уже продал в другое место, я не мог.

Но, слава богу, на следующий день Иса вошел во двор и сказал моему старику, что этот хозяин давно продал меня и даже слышать не хочет об этом непотребном муле. Видно, мошенник не сообразил сразу, что может за меня дважды деньги получить, а когда сообразил, уже было поздно, проговорился. Я прислушивался к Исе не для того, чтобы услышать мнение этого живодера обо мне. Нет. Я прислушивался к Исе, чтобы узнать, не заметил ли он случайно кобылу с жеребенком. Видно, не заметил. Странно, как можно было не заметить жеребенка, если кобыла в самом деле ожеребилась.

Примерно через месяц рана на моей спине совсем зажила, и старик мой оседлал меня и поехал в село Атары. С тех пор мы с ним неразлучны, и время, когда он меня продал, я вспоминаю, как дурной сон.

Живем мы душа в душу. Ну, конечно, бывают и у нас небольшие стычки. То он мной не совсем доволен, то я настаиваю на своей правоте. То он на меня поварчивает, то я заупрямлюсь, защищая достоинство солидного, знающего себе цену мула. Вот так и живем, и другой жизни я себе не желаю.

Свистать всех наверх!

Внимание! Внимание! Всем, кто принял участие в морской викторине, которая была опубликована в № 12 журнала за 1983 год!

Наше плавание, полное приключений и штормов, кончилось. Объявляем победителей:

Дима КАБАНОВ, 7-й класс, г. Воронеж, Ира МУШНИКОВА, 4-й класс, г. Рязань, Ринат МУХАМЕДОВ, 5-й класс, г. Красноярск, Наташа ЖИГАЛИНА, 6-й класс, г. Москва, Лена МУРОМЦЕВА, 7-й класс, г. Киев, Лариса БЛИЗНЮК, 8-й класс, г. Хабаровск, Денис СТАСЕНКО, 5-й класс, г. Новосибирск, Ира УЛЬЕВА, 4-й класс, г. Воронеж, Света ГАВРИЛОВА, 5-й класс, г. Тула, Слава НИКОЛАЕВ, 7-й класс, г. Ужур, Яна КУРЕНЧАНИНА, 8-й класс, г. Якутск, Евгений ИЛЬИНЫХ, 6-й класс, г. Миасс, Аня ДЕГТЯРЕВА, 8-й класс, с. Лозное, Волгоградская область.

Победители награждаются грамотами «Пионера».

Поздравляем вас, отважные капитаны! Несмотря на ураганы и рифы, вы не сбились с курса!

Тем, кто хочет узнать, где он сел на мель, сообщаем правильные ответы. Сверьте с ними свои карты, капитаны!

1. О море рассказывают нам Робинзон Крузо, Паганель, Джим Хокинс, барон Мюнхаузен, Гулливер.

2. На портретах изображены знаменитые путешественники: барон Мюнхаузен, Тартарен из Тараскона, Гулливер, капитан Врунгель, Робинзон Крузо.

3. Это отрывок из феерии Александра Грина «Алые паруса». Речь идет о корабле под названием «Секрет».

4. Страна, не указанная на карте, называется Швамбранией. Придумали ее Оська и Леля — герои книги Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания».

5. «Антилопа» — трехмачтовый бриг, капитан Вильям Причард (Дж. Свифт «Путешествия Гулливера»), «Наутилус» — подводная лодка, капитан Немо (Ж. Верн «20 000 лье под водой»), «Пилигрим» — шхуна-бриг, капитаны — Гуль, потом — Дик Сенд (Ж. Верн «Пятнадцатилетний капитан»), «Испаньола» — шхуна, капитан Смолет (Р. Л. Стивенсон «Остров сокровищ»), «Дункан» — паровая яхта, капитан Джон Манглс (Ж. Верн «Дети капитана Гранта»), «Св. Мария» — шхуна, капитан Татаринов (В. Каверин «Два капитана»), «Секрет» — трехмачтовый галиот, капитан Артур Грэй (А. Грин «Алые паруса»), «Беда» — яхта, капитан Врунгель (А. Некрасов «Приключения капитана Врунгеля»), «Попрыгунья» — шхуна, капитан — Эфроим Длинныйчулок (А. Линдгрен «Пеппи Длинныйчулок»).

6. Робинзон Крузо прожил на необитаемом острове 28 лет 2 месяца и 19 дней.

7. Монморанси — отважный пес-путешественник из книги Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки».

8. В «живом уголке» собрались: Тянитолкай из книги Корнея Чуковского «Доктор Айболит», олень из книги Р. Распе «Приключения барона Мюнхаузена», Чудо-юдо рыба-кит из сказки П. Ершова «Конек-горбунок», белка с острова Буяна из сказки А. Пушкина «Сказка о царе Салтане», золотая рыбка из сказки А. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», попугай Капитан Флинт из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ».

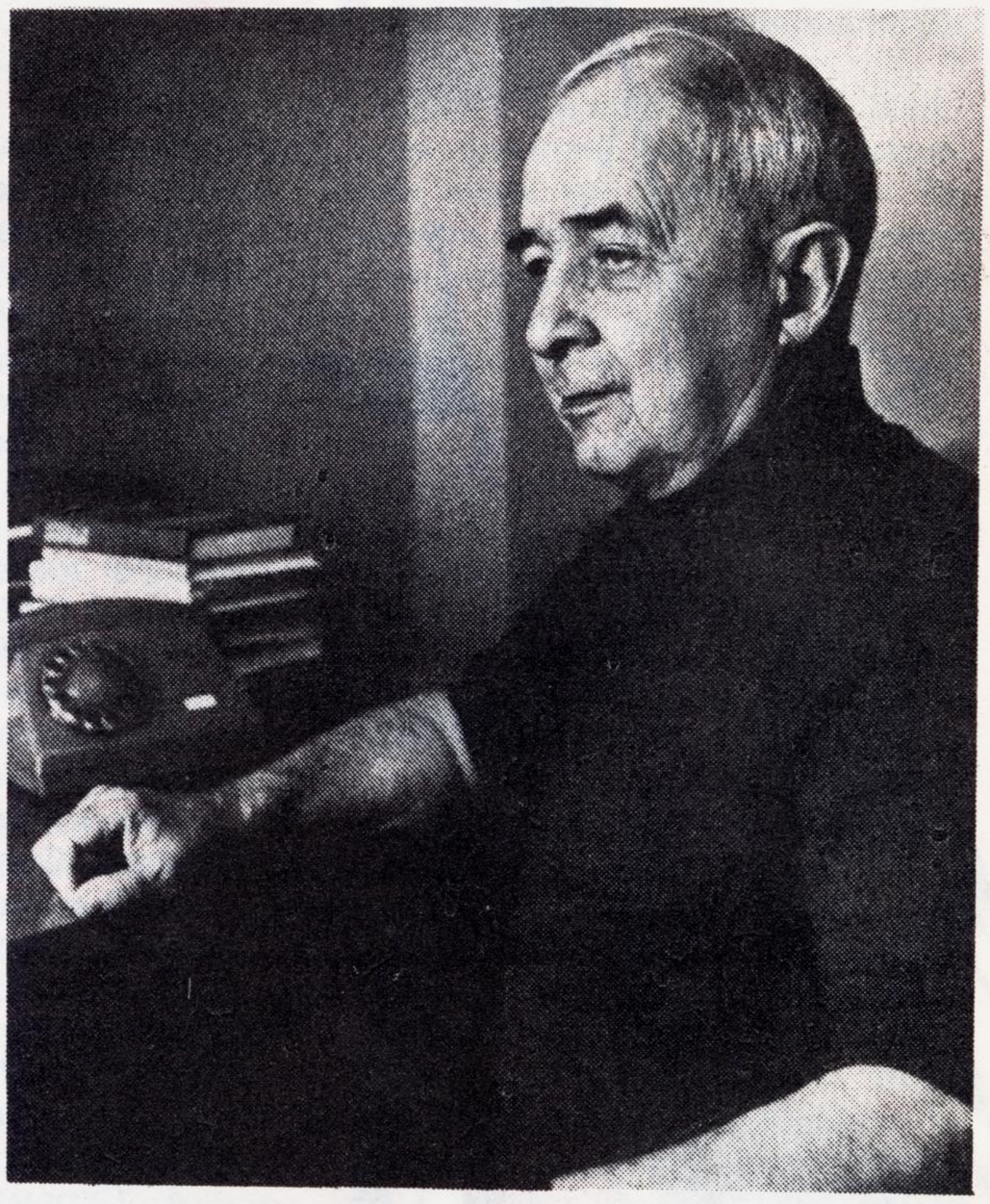
9. Такую клятву дали друг другу Петька Сковородников и Саня Григорьев из романа В. Каверина «Два капитана». Этой клятве они остались верны.

10. Эти строки взяты из произведений А. Пушкина «Сказка о царе Салтане», Гомера «Одиссея», П. Ершова «Конек-горбунок».

Рисунок Д. БАРАБАША.

К 70-летию писателя Юрия Сотника

На постоянное жительство

Если человек лет пятьдесят тому назад стрелял из рогатки по ничейным воробьям (или по чьим-нибудь стеклам), рвал штаны в схватках с друзьями (или в погоне за недругами), совершал другие, не менее важные дела и поступки,— чем, как вы думаете, занимается он сегодня? Сегодня он скорее всего выходит на пенсию, чтобы взяться наконец за воспитание внуков и внучек, то есть всячески препятствовать им в стрельбе по воробьям и прочих делах.

А что случается с литературным героем, прожившим на белом свете столько же лет? Это когда как. Иной, только успев появиться, быстро и навсегда исчезает из поля нашего зрения. Иной живет не тужит, и время с ним ничего не может сделать.

К героям, которые не стареют, как мне кажется, можно причислить и Вовку Грушина, изобретателя подводной лодки «Архимед». Этого молодого человека свет впервые увидел на страницах журнала «Пионер» уже довольно давно — в 1939 году.

Вот и вопрос: как же так получается? Время идет, а Вовка Грушин со своим «Архимедом» не стареют, не «портятся». В чем секрет их вечной молодости?

И тут пора вспомнить о человеке, имеющем к Вовке Грушину самое непосредственное отношение,— о писателе Юрии Вячеславовиче Сотнике. Если бы не он — не праздновать бы сегодня Вовке сорокапятилетие своей «творческой деятельности».

Дело в том, что детский писатель Ю. Сотник пришел в детскую литературу ровно 45 лет тому назад, и пришел не один, а с Вовкой Грушиным и его «Архимедом». С годами выяснилось, что пришли они не на время, не погостить, а на постоянное жительство.

Правда, если быть точным, то придется вспомнить, что первая встреча юного писателя (ему было тогда девятнадцать лет) с юным читателем состоялась несколькими годами раньше. В 1932 году в специальном детском выпуске газеты «Безбожник» был напечатан самый первый рассказ Ю. Сотника. Сейчас эту газету достать практически невозможно, да, пожалуй, и не надо ее доставать — потому что, поглядев на опубликованный рассказ (назывался он «Васька-клоп»), Ю. Сотник понял, что сначала надо «людей посмотреть», а потом уж «себя показать». И он под влиянием произведений своего любимого писателя — Джека Лондона совершил серию поступков, о которых и сейчас вспоминает с удовольствием. Например, поехал от Москвы до Ленинграда не в вагоне поезда, как делают очень и очень многие, а под вагоном, как очень и очень многим хотелось бы сделать... (На всякий случай напомним, что писателю было тогда целых девятнадцать лет, а не одиннадцать и даже не двенадцать, как некоторым.)

Потом Юрий Вячеславович, как он сам вспоминает, писал рассказы взрослые и страшные. Потом подумал-подумал — и решил писать детские и смешные. И в самом деле: зачем пугать взрослых? Еще действительно испугаются и читать перестанут. А смешить детей — совсем другое дело: они вырастут тогда веселыми и ничего не будут бояться. И нет никаких сомнений в том, что писатель принял правильное решение: он до сих пор нас смешит, и весьма успешно. А люди, которых он рассмешил впервые много лет тому назад, вспоминают об этом с радостью и удовольствием.

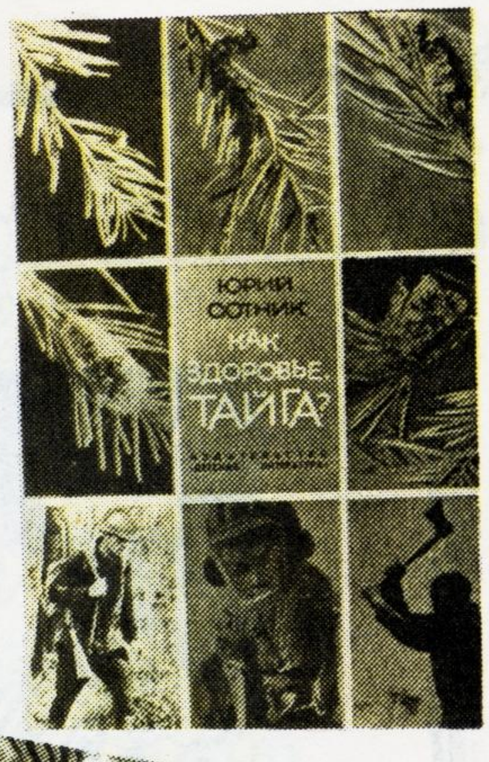
Ю. Сотник, правда, не учел, что, насмешив одних, можно одновременно других всерьез напугать. Говорят, когда вышел «Пионер» с «Архимедом», одна пионервожатая в пионерлагере этот номер журнала от своих подопечных спрятала: боялась, как бы они субмариновую флотилию не построили и не уплыли бы в один прекрасный момент куда-нибудь подальше... На самом деле зря боялась, потому что такие талантливые, как Вовка Грушин, очень редко встречаются.

Если литературный герой заставляет так или

иначе волноваться каждого, кто с ним познакомится,— значит, этому герою не грозит старость. И это относится не только к Вовке Грушину, но и ко многим другим героям повестей, рассказов и пьес Ю. Сотника.

Проходят годы. На шумных и тихих, занесенных снегом и засыпанных пылью, столичных и провинциальных проспектах и улочках, тупиках и перекрестках сменяют друг друга поколения самых изобретательных людей в мире. Людей, выводящих своей изобретательностью из состояния равновесия родителей и наставников...

На дворе год 1984-й. Посмотрим, какие тут у нас новости? Из приятных — новая повесть Ю. Сотника «Ясновидящая, или Эта ужасная «улица». И ведь придумает же человек название: чтоб каждому захотелось узнать — что там, внутри, за обложкой? И, как всегда, немного обидно: видно, там, на Этой Ужасной Улице, как раз сегодня происходит нечто особенно ужасное — и снова без нас. Не стоит, однако, расстраиваться прежде времени. Где бы вы ни проводили свое счастливое детство, выгляньте только в окно — и Эта Ужасная Улица предстанет перед вами во всем своем непревзойденном великолепии. (Вы, правда, увидите свою собственную улицу, но она очень мало отличается от той, которая в книжке.) Вон пробежало существо лет двенадцати; из окна не разберешь, девочка или мальчик. Видно только, что в штанах. И в майке. Впрочем, девочка, поскольку зовут Матильдой. Профессия — Ясновидящая.

Действие новой повести Ю. Сотника происходит на окраине нашей столицы; время действия — наши дни; главная героиня повествования — Матильда-Ясновидящая. Впрочем, далеко не сразу и не всем стало ясно, что она Ясновидящая. Поначалу про нее очень многим (и даже ей самой) казалось, что она просто врушка. Во вранье, как и во всех других ремеслах, бывают рядовые труженики, добросовестные, но не хватающие звезд с неба, бывают способные специалисты, бывают, наконец, истинные художники, настоящие мастера своего дела, таланты, творцы... Это нужно, чтобы очень сильно повезло — такого встретить. Матильда такая. Она сочиняет непревзойденно. Так, что через секунду не только сама готова поверить в реальность очередного фантастического сюжета — она просто не может заставить себя в нем усомниться... Дом, в котором живет Матильда, с иголочки новенький. Жители его еще не успели никто ни с кем познакомиться, и потому простор для «завиральной» деятельности героини поистине безграничный.

Если приглядеться, нет в этой книжке более главного героя и нет менее. Двенадцать мальчиков и девочек, возрастом от восьми до четырнадцати лет, за несколько дней новой жизни на новом месте успевают столько всего понасовершать, что абсолютно неясно, как разрешится ситуация, доведенная до крайней точки, до монблановской, я бы сказала, высоты и исключительности.

Читателю этой повести есть о чем поразмыслить. Ну, и, конечно, есть чему улыбнуться. И читается «Ясновидящая» как детектив: Ю. Сотник — мастер в таком непростом деле, как строительство сюжета.

Так что каждого, кому еще не попалась в руки эта книга, ожидает радость: провести несколько часов за делом и полезным, и приятным. И никому потом не покажется, что он потратил свое время на зряшное дело,— за это я ручаюсь.

А Юрия Вячеславовича, поздравляя сегодня с днем рождения, каждый из нас и «Пионер» поздравляют и с новой в жизни победой — хорошей книгой.

Е. ВЕЛИКАНОВА

Рисунки А. БОРИСОВА.

«Белая ладья» в пути

По всей стране идут соревнования команд пионерских дружин на приз клуба «Белая ладья». Право участия в финале, который будет проходить в июне в литовском городе Шяуляй, оспаривают сотни тысяч юных любителей шахмат.

Лучшие пионерские команды Российской Федерации провели свое первенство в дни мартовских каникул. Ребята съехались в село Шушенское Красноярского края, где был в ссылке Владимир Ильич Ленин. Неузнаваемым стало когда-то глухое, заброшенное село. Теперь это центр большого района, здесь есть и промышленные предприятия и культурные учреждения. Есть в Шушенском и свой шахматный клуб. Там и проходили турниры «Белой ладьи».

Более ста команд играли в московском турнире. Итоги своих шахматных поединков ребята подвели на столичном празднике клуба «Белая ладья», который состоялся в большом зале Московского Дворца пионеров.

Команды одиннадцати школ выступили в финальном турнире в городе Караганда. Отличились ребята из школы № 54, а чемпион этой школы ученик шестого класса Ержан Тусупаев победил в финальных встречах всех своих соперников.

Готовясь к соревнованиям, проводя турниры, ребята во многих школах организовали шахматные кружки, пионерские шахматные клубы. Двести юных любителей записались в шахматный клуб алма-атинской физико-математической школы-интерната, и, конечно, здесь есть своя сильная команда.

Большую популярность завоевал в Перми детский клуб «Юный мотовилихинец». Шахматами в нем занимаются ребята из семнадцати школ этого рабочего района. А лучшим шахматистом клуба по праву считается ученик школы № 112 Вадик Рыбьяков.

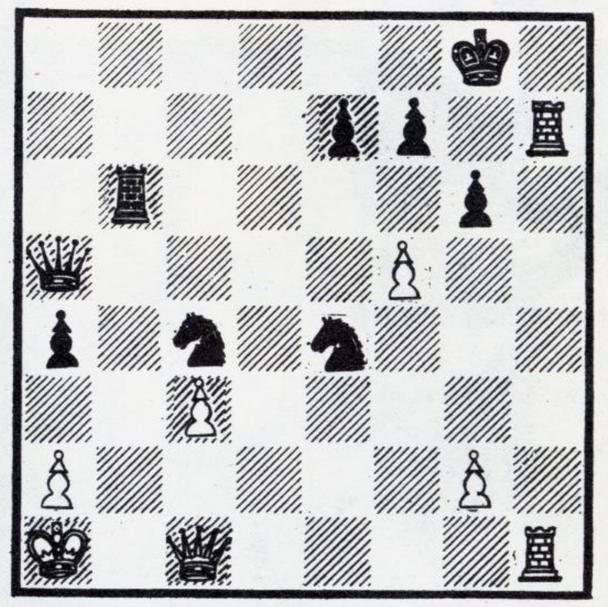
Повторение рекорда

Хотя в шахматах не фиксируются рекорды, все специалисты назвали рекордным достижением победу пятнадцатилетнего Гаррика Каспарова на турнире гроссмейстеров и мастеров в Минске в 1978 году. Тогда юный бакинец, заняв первое место, на 3 1/2 очка перевыполнил норму мастера.

Теперь это достижение повторил в столице Белоруссии на турнире такого же уровня минский школьник Боря Гельфанд. Он также занял первое место, выполнил норму мастера. Боря не потерпел в турнире ни одного поражения, хотя среди его противников были не только опытные мастера, но и гроссмейстеры — В. Антошин и И. Зайцев.

Успех одесского школьника

Больших успехов в соревнованиях, проходивших в Одессе, добился ученик школы № 36 Миша Голубев. Заняв первое место в республиканском турнире, где играли сильные соперники, Миша набрал 8 очков из девяти возможных. Посмотрите финал его партии с опытным шахматистом Валерием Шашковым из Ворошиловграда.

Миша красиво провел заключительную атаку:

34... Лb6—b1+ 35. Крa1:b1 Кe4—d2+ 36. Крb1—c2 (подумайте, почему плохо 36. Крa1) 36... Фa5: f5+ 37. Крc2—d1 Фf5—g4+ 38. Крd1—c2 (не спасало и 38. Крe1) 38... Фg4—e2 39. Лh7—h8+ Крg8—g7 40. Лh8—h7+ Крg7—f6 41. Лh1—e1

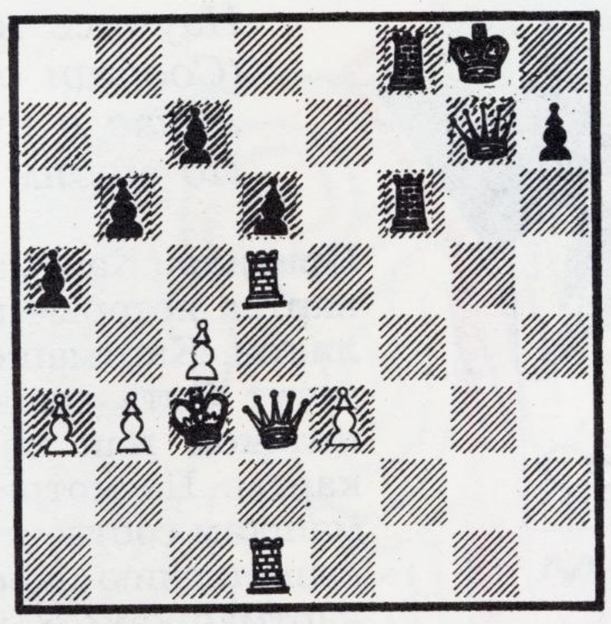
(теперь решает кавалерийская атака) 41... Кс4—е3+ 42. Крс2—b2 Кd2—с4+ 43. Крb2—b1 Фе2—d3+ 44. Крb1—a1 Кe3—c2+. Белые сдались.

Пионерская шахматная школа

«Объясните, пожалуйста, что такое вскрытый шах? Встречается ли он в партиях или только в задачах?» — спрашивает ученик четвертого класса москвич Володя Третьяков.

Ответ на его вопрос мы включили в очередной урок нашей школы.

Вскрытый шах — комбинационный прием, широко распространенный как в партиях, так и в задачах и этюдах. Вскрытый шах может возникнуть в том случае, если между дальнобойной фигурой, ферзем, ладьей или слоном и неприятельским королем находится другая фигура, которая своим ходом открывает удар на короля. Вскрытый шах — сильное и опасное оружие, надо только его умело использовать.

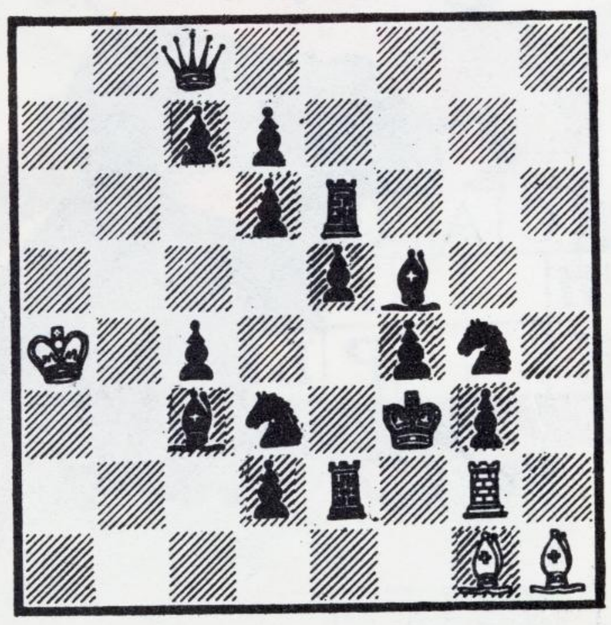
Эта позиция в партии чешского мастера Ф. Зита и советского гроссмейстера Д. Бронштейна. Сейчас ход черных, и, отступив ладьей f6, они могут дать вскрытый шах белому королю. Но как сделать этот шах губительным? Ведь в случае 1... Лf6—f2 белые могут ответить 2. Фd3—d4, избавляясь от беды.

Гроссмейстер нашел правильное решение: 1... c7—c6!

Куда теперь увести ладью d5? Если 2. Лd5:d6, то черные возьмут ладью, объявляя шах белому королю. Проигрывает и 2. Лd5—h5 из-за 2... Лf6—h6+.

Белые ответили 2. Лd5—d4, но тогда последовало 2... c7—c5, оттесняя ладью и снова создавая возможность вскрытого шаха. Белым пришлось признать себя побежденными, если 3. Лd4—d5, то 3... Лf6—f2, вскрытый шах, от которого нет удовлетворительной защиты.

Найдите, как выигрывают белые, используя вскрытый шах в следующей задаче. Шах здесь не только вскрытый, но и двойной. О двойном шахе мы подробнее побеседуем на следующем уроке.

И, наконец, задание нашей школы. Пришлите какую-либо позицию, в которой осуществился вскрытый шах.

Победители наших конкурсов

Лучших результатов в нашем заочном соревновании добился Сережа БЕШЕНЦЕВ (п. Березка Владимирской обл.). Ему присваивается второй спортивный разряд. Сережа награждается грамотой журнала и шахматной литературой.

Грамоты журнала и книги получают также ученик четвертого класса Женя ГОЛУБЕВ (с. Сандогора Костромской области). Ему присвоен третий спортивный разряд.

Также третий разряд присваивается Игорю ПОНОМАРЕВУ (п. Буланаш Свердловской обл.), Марку ГОЛЬДБЕРГУ (Краснодар), Сереже КОВАЛЕНКО (г. Энгельс), Вадиму ДУБИНИНУ (Краматорск), Лене ГОЛОВЧЕНКО (Кривой Рог), Саше ГРЕКОВУ (ст. Боклалая Ростовской обл.), Оксане ВЕРСТЮК (с. Берково Черновицкой обл.), Алеше КРОХАЛЕВУ (г. Реж Свердловской обл.).

Эти ребята также награждаются грамотами журнала и премируются книгами.

Многие участники конкурсов получили четвертый спортивный разряд.

ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ РЕШЕНИЯ

Приводим решения двух конкурсных задач из журнала №2.

Первую решает красивый ход 1. Лc3—g3!

Во второй к цели ведет превращение пешки в коня — 1. e7—e8К. Если снять пешку f7, то пешку e7 надо превращать в слона — 1. e7—e8С.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ПАЛАТА УМА

Рисунки А. Вовиковой.

КАРТМАШКИ

Научись играть в картмашки!
(Сообщи ответы нам!)
Атлас в руки! И бесстрашно
По морям и по волнам!

Правила: Картмашки — это маленькие кусочки карты, которые мы наклеиваем на кляссерные листы. Картмашек означает, что на этом листе могут быть марки только тех стран, которые целиком или частично есть на этом кусочке карты. Посмотрите, каким (по номерам) картмашкам соответствуют шесть приготовленных к размещению марок. Какая из стран есть на двух картмашках? У какого картмашка марок пока нет? Какие страны ему нужны?

Игры Луны и Пингвина

Игры деда Буквоеда

Серединки

По вечерам три свинки
Играют в серединки!
Ужасно интересная игра!
Я думаю, ребята,
Хотя и трудновато,
Но все ж и нам попробовать пора!

Примечание: В свободные средние клеточки впишите буквы так, чтобы получились слова. Из вписанных букв должно составиться слово-отгадка.

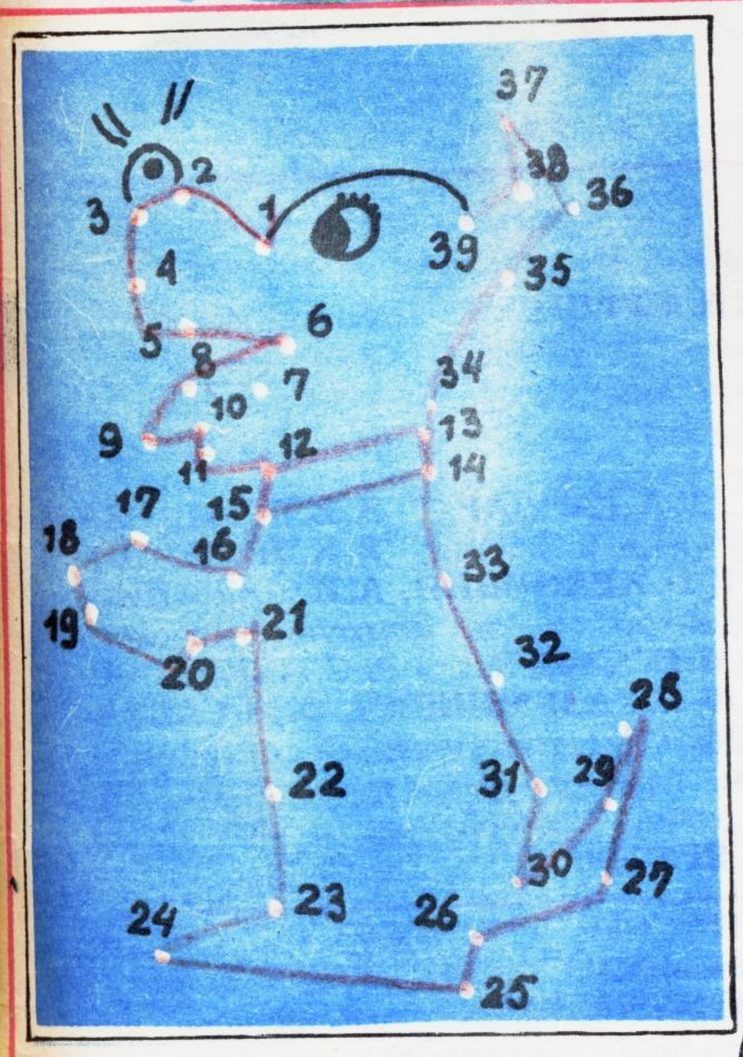

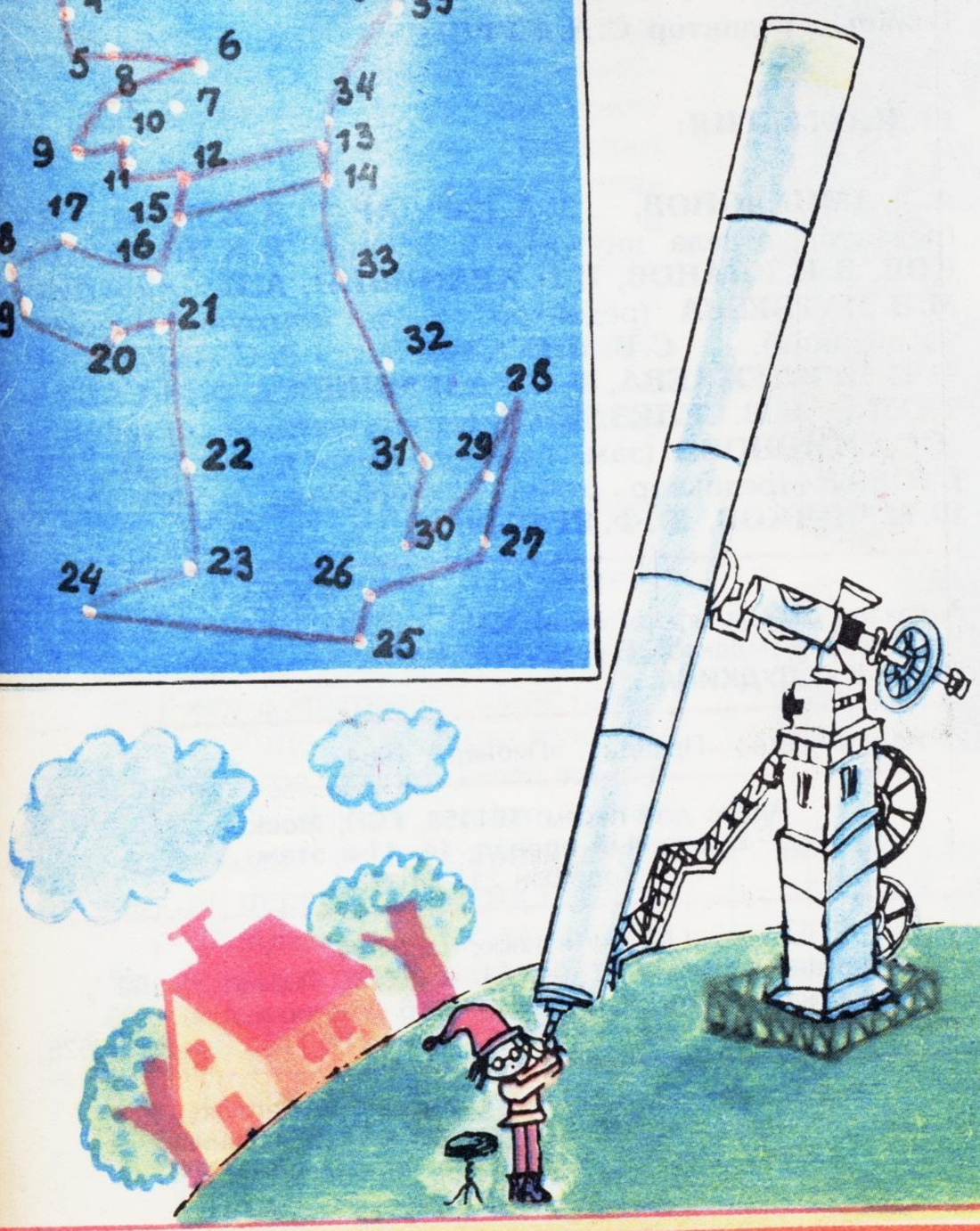
УЩЕЛЬЕ ВОЛЧИЙ ХВОСТ

Вопрос в задаче очень краткий,
Хотя ответ совсем не прост!
Где верный путь к моей палатке?
(Она в ущелье Волчий Хвост.)

НОВОЕ СОЗВЕЗДИЕ

Последнее известие!
«Ура!» кричите бурно:
Я новое созвездие
Открыл вблизи Сатурна!

Внимание! Внимание!
Жду помощи от вас:
Придумайте название!
Здесь нужен острый глаз.

Сосредоточь усилия
Для цели грандиозной:
От единицы линией
Соедини все звезды!

Живживка

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 5

Капитан Перо ищет помощника

Секрет трех дисков: надо повернуть диск В.

Игры Лупы и Пинцета

Хлопок, рис, бамбук, пшеница: страны с севера на юг — Сан-Марино (см. Италию), Египет, Конго, Малагасийская Республика (остров Мадагаскар).

Мой конек

Ловись, рыбка, большая и маленькая

Я начал ловить рыбу лет с трех. Мой отец, заядлый рыболов, частенько брал меня с собой на реку, давал мне удочку и говорил:

— Малыш, ты можешь делать все что угодно, только, пожалуйста, не кричи, не бросай в реку камни, не бегай по воде и не лупи по ней удочкой. Не спи, а то свалишься в омут. А если вдруг у меня начнет клевать — не забрасывай свою удочку на мою: они могут запутаться. Если тебе захочется побегать — смотри не наступи на наживку, не столкни в воду рюкзак, меня и не падай сам. Не пей из реки — может заболеть живот. Не мучай пойманную рыбу и не корми ее нашими бутербродами...

После всех этих «не, не, не» мне оставалось только ловить рыбу.

Я полюбил рыбалку на всю жизнь. Где еще можно увидеть, как из-за села солнце встает, а на реке тает? Как играет в воде рыба? А уха, пахнущая костром? А костер, пахнущий теплом и лесом? За всем этим можно ехать хоть на край света.

Я ловил рыбу во все времена года. В реке и озере, в пруду и море. Ловил и удочкой, и донкой, и переметом, и спиннингом. Ловил я и карася, и страшную скорпену, усыпанную иглами, но удивительно нежную на вкус. Однажды я поймал щуку, но она была меньше ладошки, и я ее выпустил. Благодаря своей довольно большой практике я понял, что самое главное в рыбной ловле не погода и не наживка, не удилище и не крючок. Главное — терпение и любовь к рыбной ловле.

У каждого рыболова есть свои маленькие хитрости. Эти хитрости обычно держат в тайне, но я с удовольствием поделюсь ими.

Например, чтобы подманить рыбу поближе к берегу, надо взять несколько кусков черствого белого хлеба, положить их в авоську, привязать ее к колышку, воткнутому в дно реки или озера там, куда вы будете забрасывать удочку. В этом месте обязательно соберется много рыбы. Если вы хотите ловить на хлеб, то знайте, что рыба предпочитает хлеб, пахнущий подсолнечным маслом. Капните одну-две капли на сто граммов хлеба и хорошенько разомните хлебный мякиш.

А еще, ребята, я советую вам прочесть рассказ К. Г. Паустовского «Золотой линь» и повесть Э. Хемингуэя «Старик и море». Уверен, что вы не только полюбите рыбную ловлю, но захотите сами потягаться с природой.

Хорошего вам клева! Ни хвоста, ни чешуи!

А. САЛОМАТОВ

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята! Тем, кто хочет побольше узнать о рыбной ловле, мы советуем прочитать следующие книги: ***Л. Африн «Юным рыболовам»*** *(издательство «Молодая гвардия», 1976 г.),* ***Е. Огнев «Если ты рыболов»*** *(издательство «Физкультура и спорт», 1977 г.),* ***М. Матвеев «Времена года рыболова»*** *(издательство «Физкультура и спорт», 1976 г.).*

СОДЕРЖАНИЕ

Я хочу спросить... — Плакат Г. Котляровой ..... II обл.
Дети всей Земли. — Отрывки из поэмы Р. Фархади 1
Летопись Великой Отечественной
«У каждого была своя война...» — А. Левина 3
Всесоюзный штаб Тимура 8, 28
Навстречу III Всесоюзному слету тимуровцев
Нести радость людям. — М. Матвеева 8
Отряд говорит с отрядом 12
«В полдневный жар...» — Повесть о Лермонтове Л. Обуховой. Рисунки А. Аземши. 14
Армия... без командиров. — А. Мясникова 28
Города-герои
Севастополь. — Е. Селезнева. Фотографии В. Арсирия 32
«Салют, Мир!» — обращение в связи с 40-летием Победы над фашизмом 34
Дети обвиняют империализм. — Г. Черный 35
На Командорах. На острове топорков. На Куршской косе. Черные лебеди. — Стихи Павла Барто. Рисунок В. Федорова 37
Заблудившийся робот. — Фантастическая повесть Ю. Коринца. Продолжение. Рисунки Л. Хачатряна 38
Гамма. Морская белка. — Стихи Мориса Карема. Рисунок А. Вовиковой 47
Капризный зонт. Кругозор. — Сказки М. Арджилли 48
«Переменка» ..... 49, III обл.
«Кораблик» 50
Рассказ мула. — Ф. Искандер. Рисунки М. Петрова 52
«Свистать всех наверх!» — Итоги морской викторины 57
К 70-летию Ю. Сотника.
На постоянное жительство. — Е. Великанова 58
В стране шаха — владыки черных и белых полей 60
Ума палата 62
Мой конек
Ловись, рыбка, большая и маленькая. — А. Саломатов. Рисунок Д. Крылова 64
Все, что сердцу дорого... — Музыка Ю. Чичкова, стихи М. Пляцковского. Рисунок Л. Хачатряна ..... IV обл.

На обложке:
Сохраним этот солнечный дом. Рисунок Л. Хачатряна.

Главный редактор **С. А. ФУРИН.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1984.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.04.84.
Подписано к печати 17. 04. 84. А 09966. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1 695 000 экз. Изд. № 1180. Заказ № 2575.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Все вы наверняка любите кукольный театр. Были на спектаклях, видели их по телевизору. И, конечно, громко хлопали в ладоши, когда в конце спектакля из-за ширмы выходили к вам, зрителям, усталые, но улыбающиеся люди с куклами в руках — актеры кукольного театра. В гостях у «Переменки» актер и режиссер Государственного академического центрального театра кукол под руководством С. В. Образцова, член президиума Советского центра Международной ассоциации кукольников (УНИМА), заслуженный артист РСФСР **Владимир Анатольевич КУСОВ.** *Вот что он нам рассказал:*

— Все дети играют в куклы. Так было и тысячу лет назад, и сейчас. Куклой может быть что угодно — и щепочка, и шишка, и резиновый мяч, если он в твоих руках оживает. Я однажды в Таллине видел, как трехлетний мальчишка оседлал прутик, делал ногой такое движение, как будто лягался, и при этом трещал особенно: «Тр-р-р-р-ла-ла-ла-ла-ла...» Я сразу понял — это он заводил мотоцикл! Кто знает, может, из этого малыша получится актер кукольного театра?..

— Потому что он «оживлял» прутик?

— Потому что сто мальчиков могут играть с прутиком, но так интересно, так точно превратить его в мотоцикл смог один!

А вообще-то актеры кукольного театра получаются из тех ребят, которые, даже став взрослыми, не разлюбили кукол, не перестали в них играть.

— Владимир Анатольевич, что должен знать человек, который мечтает о кукольном театре?

— Прежде всего он должен уметь в самом обычном видеть необычное — как тот мальчик из Таллина. И кроме того, он должен знать, что у нас работают только сообща. В театре кукол иначе невозможно! Часто одной куклой управляют два, а то и три человека. Сегодня, например, я говорю текст, а ты помогаешь моей кукле двигаться, а завтра все будет наоборот. Поэтому эгоисту тут просто нечего делать! У нас все общее: и куклы, и роли, и аплодисменты зрителей.

— Кстати, об аплодисментах. В кукольном театре успех обычно выпадает на долю кукол. Не обидно ли вам, актерам?..

— Нет, конечно! Вообще тот, кто думает о работе в кукольном театре, должен хорошо себе представлять: актер нашего театра — это невидимка! Киноартист, эстрадный певец, актер обычного, «человеческого» театра сам выходит к зрителям. А мы скрываемся за ширмой, чтобы оживить своих героев! Мы так с ними связаны, что даже порой в разговоре не отделяем себя от них. И никто из

нас не удивляется, когда слышит: «У меня сегодня что-то глаз не закрылся во втором действии...», «А я хочу попросить художника, чтобы он мне хвост поправил...», «Ухо сломалось — помогите мне!..»

— Мы как-то уже выяснили

Наилучшие пожелания читателям „Пионера" и творческих успехов юным кукольникам.

В. Кусов

в «Переменке», что актеры драматического театра дружат со спортом. А как относятся к спорту ваши коллеги и вы сами?

— Более чем положительно! Знаете, какие у нас физические нагрузки? Ну, вот попробуйте хотя бы в течение десяти минут подержать на вытянутой руке... медведя! Сможете?

— Этого никто не сможет, разве что какой-нибудь тяжелоатлет! И то, если он не побоится...

— Ну, медведь-то кукольный! Но весит он все же шесть килограммов. И нужно его не просто держать, а играть роль — роль медведя Балу в спектакле «Маугли». Кстати говоря, когда мы еще только начинали репетировать «Маугли», я не раз ходил в зоопарк, приглядывался к настоящему медведю, думал: как бы он мог заговорить?.. Я запоминал звуки, которые издают живые мишки, и потом мой Балу между человеческими фразами сопел и фыркал по-медвежьи...

— Актеры вашего театра много ездят по нашей стране, гастролируют и за рубежом. Как зрители — ребята из других стран принимают кукольные спектакли?

— Они прекрасно понимают наших кукол и без переводчиков! Дети во всех странах похожи — веселые, любопытные, озорные... Хочется, чтобы они росли в мире. И чтобы никто не мешал им играть в куклы!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Всё, что сердцу дорого...

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола.

Стихи М. ПЛЯЦКОВСКОГО.

Всё, что сердцу дорого, в песню так и просится:
И рассвет малиновый, и под небом рощица.
Поглядишь с пригорочка — видно речку синюю,
Видно даль бескрайнюю, что зовут Россиею.

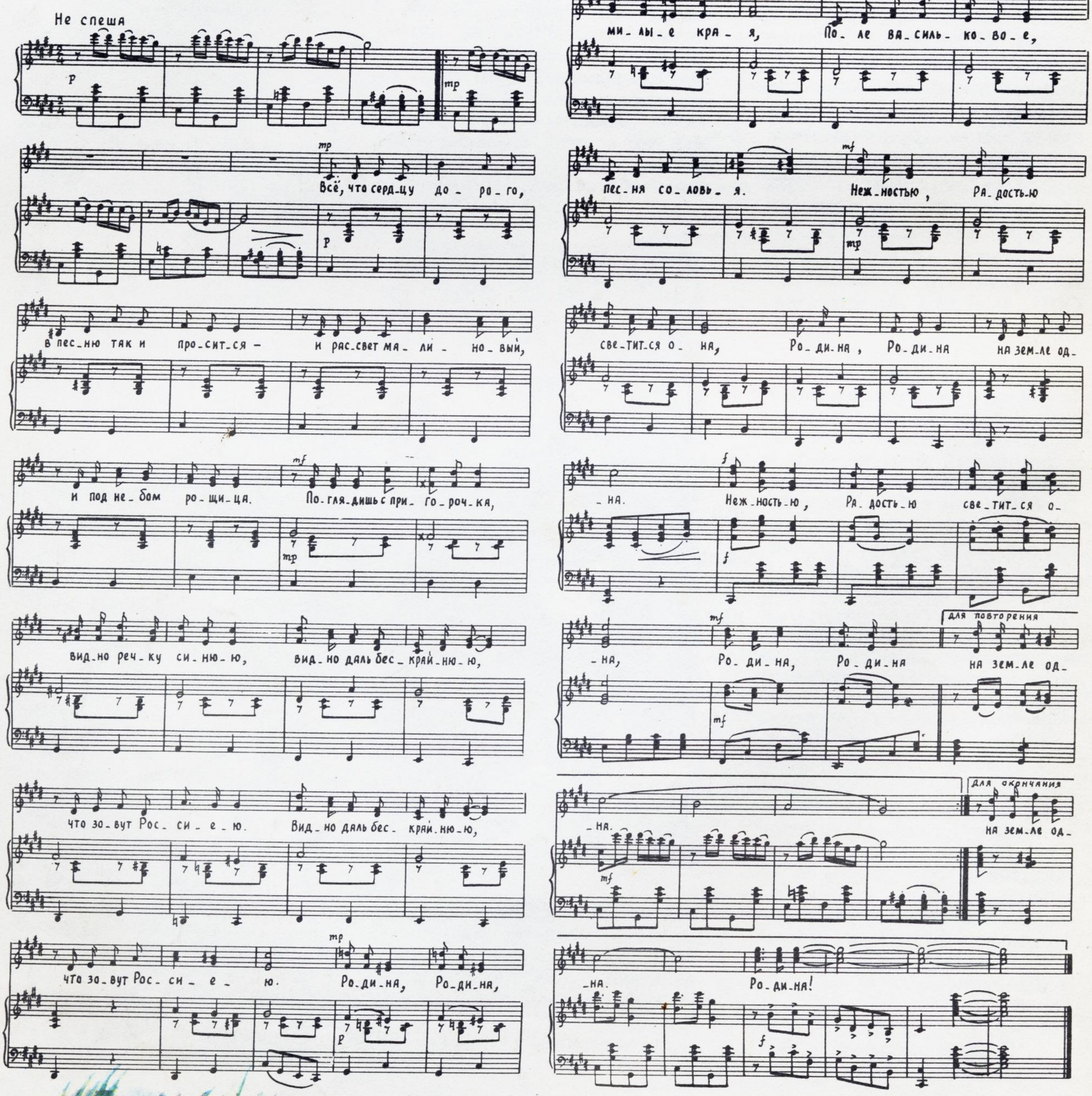
Припев:
Родина, Родина — милые края,
Поле васильковое, песня соловья.
Нежностью, радостью светится она,
Родина, Родина на земле одна.

Всё, что сердцу дорого, взгляду открывается
И на слово тихое эхом отзывается.
Вдаль бежит тропиночка, в травах чуть заметная,
За собой зовет она, как мечта заветная.

Припев.

Всё, что сердцу дорого, все цветы и радуги —
Это наша Родина от Саян до Ладоги.
Это наша Родина с юга и до севера —
Со снежком рассыпчатым и цветеньем клевера.

Припев.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.